

ІЗВѢСТИЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕННОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

(ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ).

№ 36.

Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ.

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ.

1904.

9/05)
И-33Т

05
И-33

ІЗВѢСТИЯ

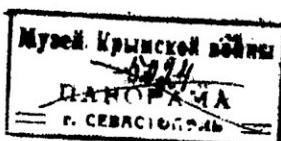
ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

(ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ).

№ 36.

Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ.

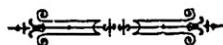
ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ.

1904.

Печатано по постановлению Таврической Ученой Архивной Комиссии
29 сентября 1904 г.
Правитель дѣлъ Арсеній Маркевичъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.	
I. Мои воспоминанія о Евпаторії въ эпоху Крымской войны. <i>B. Ракова.</i>	1
II. Гурзуфъ и его ближайшія окрестности въ историко-археологическомъ отношеніи. <i>H. Рынникова.</i>	37
III. Жертвы государственныхъ крестьянъ Таврической губерніи во время Крымской войны. <i>A. Романюка.</i>	43
IV. Учебныя заведенія Таврической губерніи во время Крымской войны. <i>F. Штигеля.</i>	48
V. Отчетъ о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи за 1903 годъ.	57
VІ. Протоколы засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи:	
а) засѣданіе 29 января 1904 года;	63
б) засѣданіе 16 апрѣля 1904 года;	70
в) засѣданіе 18 мая 1904 года;	74
г) засѣданіе 29 сентября 1904 г.	77
Приложеніе: Каменные бабы въ Таврической губ.	84
д) засѣданіе 18 октября 1904 года.	94

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЕВПАТОРИИ

ВЪ ЭПОХУ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853—1856 Г.Г.

ВВЕДЕНИЕ.

Несколько словъ объ общественной жизни въ Россіи наканунѣ Крымской войны. Евпаторія передъ войной. Ея жизнь и жители.

Какова была общественная жизнь въ Евпаторіи передъ началомъ Крымской войны 1853—1856 г.г.? Какъ относились къ войнѣ граждане, что думали, что дѣлали? Всѣ эти вопросы въ настоящее время кажутся намъ вполнѣ естественными,—но какие отвѣты можно дать на нихъ? Съ горькой усмѣшкой мы думаемъ объ этомъ. И не лишнимъ, намъ кажется, будетъ, прежде чѣмъ задаваться такими вопросами относительно Евпаторіи, поставить ихъ по отношенію къ тогдашней Россіи вообще, русскому обществу центральныхъ губерній и другихъ, которыхъ, не въ примѣръ Крыму, должны были жить чисто русской жизнью.

Что же мы видимъ здѣсь, въ Россіи? Всюду отсталость и страшный застой. Когда все вокругъ насть шло впередъ и развивалось, мы спали, или, вѣрнѣе сказать, насть усыпляли. У насть не было того могущественного орудія, которое лучше всего освѣщаетъ намъ положеніе дѣлъ и наше собственное положеніе среди другихъ, которое лучше всего помогаетъ намъ разобраться въ своихъ интересахъ,—у насть не было политической печати. Общественная жизнь ютилась только около немногихъ представителей науки, въ скромныхъ университетскихъ кружкахъ. Правда, слабые отголоски этой жизни изрѣдка находили отраженіе въ литературѣ, но это было уже исключеніемъ, праздникомъ для нея; общее же положеніе литературы въ то время было таково, что всю ее, гдѣ биласъ мысль, гдѣ рвались наружу вопросы дня и подымали народный духъ,—всю ее

кошмаромъ давила цензура. Всевозможныя изощренія въ созданіи препонъ заграждали дорогу нашей литературѣ и непускали ее слиться съ мировымъ движениемъ мысли.

Что можемъ мы сказать о народѣ того времени, о народной массѣ? Если дѣлкъ тотъ, кто стремился впередъ съ неисчерпаемымъ запасомъ всевозможныхъ запросовъ, съ каждой знаній и дѣятельности, если даже тотъ долженъ быть оставаться ни съ чѣмъ, то народѣ, закрытый подъ разными видами, представлять изъ себя, разумѣется, косную массу, обличенную на невѣжество и мускульную работу. Припомнить кстати, что въ то время крѣпостные пугты, благодаря развитію полицейской власти, достигли своего аналога. Средину между народомъ и тѣми небольшими кружками представителей науки и литературы, о которыхъ мы упомянули, занимали миллионы русскихъ гражданъ, которые жили все какъ одинъ. Всѣ они, привученные къ пассивности, воспитанные въ сознаніи, что не имть стоять на стражѣ государственныхъ интересовъ и общественной жизни, что правительство знаетъ, что дѣлаетъ, и что имъ выпадать на долю чокойный жребій—не утруждать особенно себя,—всѣ они, представляя изъ себя инертную, стихійную силу, оставались ко всему холодными и равнодушными. Нашему обществу, благодаря задержанной и задавленной жизни, казалось, что у пасть золотой вѣкъ, а тамъ, на западѣ, заграницей, тамъ Содомъ и Гоморра. Намъ непримѣтна была наша отсталость, намъ трудно было разглядѣть успѣхи, достигнутые въ общественной и политической жизни Европы. Мы дошли до такого усыщенія, что даже русская политика наканунѣ войны никакъ не ожидала ся. „Не посмѣютъ“,—таково было у насъ общее убѣжденіе. Но война, грозная война началась, и мы должны были начать ее и тянуть, не понимая, зачѣмъ и для чего, не понимая ни причины ея ни цѣли. Намъ казалось,—турки бунтуютъ, и приказано ихъ усмирить. Разумѣется, это не могло воодушевить и поднять народныхъ массы.

Такова въ краткихъ чертахъ была общественная жизнь въ коренной Россіи наканунѣ Крымской войны. Чего же можно было ожидать отъ Крыма и Евпаторіи въ частности? Я ничуть не преувеличу, если скажу, что въ Евпаторіи предъ началомъ Крымской войны не было никакой общественной жизни. Здѣсь все сводилось къ частнымъ интересамъ каждого; каждый за всѣма, всѣма рѣдкимъ исключ-

ченіемъ думать только о себѣ и въ томъ лишь случаѣ о другомъ, когда видѣть въ этомъ опять-таки выгоду для себя. За ширмой общественныхъ интересовъ создавались цѣлые системы злоупотреблений. Словомъ, здѣсь всегда преслѣдовались собственныея выгоды; жертвовать же собою отечеству ни у кого не было въ мысляхъ. Однако, представляя Евпаторію въ такомъ мрачномъ видѣ, несправедливо было бы обойти молчаніемъ и тѣ условія, благодаря которымъ создалось подобное положеніе. Прежде всего надо сказать, что Евпаторія въ 1853 году была городомъ сравнительно очень молодымъ въ Россіи; ей было, если такъ можно выразиться, всего лишь 69 лѣтъ. Затѣмъ, мы не должны оставить безъ вниманія и того, что съ 1478 года до дня присоединенія къ Россіи въ 1784 г., т. е. въ теченіе болѣе трехъ сотъ лѣтъ, она принадлежала татарамъ подъ сувереніствомъ турецкаго султана. Наконецъ въ 1853 году изъ 10—12 тысячъ всего населенія Евпаторіи—три четверти приходились на долю татаръ. Къ этимъ тремъ причинамъ, которыми до некоторой степени можно объяснить низкій уровень общественной жизни въ Евпаторіи въ эпоху Крымской войны, необходимо прибавить еще не малую удаленность города отъ центровъ русской общественной жизни. Действительно, могла ли Евпаторія въ то время жить иначе? Мы сказали уже, что на 10—12 тысячъ жителей Евпаторіи—три четверти приходилось на долю татаръ; но это вычисленіе однако не опредѣляетъ еще цифры русского населения. Кроме русскихъ здѣсь были еще греки, караимы, евреи, армяне и др. Словомъ, въ Евпаторіи пестрота населения была видна на каждомъ шагу, и связать всю эту разнотипную толпу вмѣстѣ, въ одно цѣлое, не было никакой возможности. Татары жили совершенно обособленной жизнью и со временемъ присоединенія Крыма никогда не сблизились съ русскими. Они занимались мелкой торговлей, ремеслами, необходимыми въ быту татаръ, выѣзжкой кожей и кожевенныхъ пидѣлій, выѣзжкой смушекъ, изготовленіемъ телѣгъ, держали кузницу, занимались ковкой лошадей и т. п. Многіе изъ нихъ ходили работать на соляные озера, занимались извозомъ и нагрузкой судовъ. Большая часть татаръ представляла изъ себя бѣдноту, жившую исключительно физическимъ трудомъ, но каждый изъ нихъ имѣлъ свою лачугу, обыкновенно своей работы, и строго держался своихъ единовѣрцевъ. Всѣ они,

за очень малым исключениемъ, говорили только на своемъ родномъ языке, и поэтому всѣмъ, кто желалъ изъясниться съ ними безъ помощи переводчиковъ, надо было изучать татарскій языкъ. Изученіе татарскаго языка охватило всѣхъ, такъ что въ концѣ концовъ и русскій, и грекъ, и еврей, и караимъ — всѣ говорили по-татарски. Татарскій языкъ приобрѣлъ право гражданства, стать господствующимъ, стать своего рода международнымъ въ Евпаторіи, ему не познаныли даже въ общественныхъ собраніяхъ. Сохраненію національныхъ чертъ у татаръ и обособленности ихъ не мало способствовали мечети, молитвенные дома. Въ Евпаторіи и теперь ихъ можно насчитать болѣе десятка, тогда же чуть ли не въ каждомъ татарскомъ кварталѣ красовался высокій минаретъ. Каждую пятницу правовѣрные собирались на молитву и вообще строго придерживались корана. У татаръ были свои николы, но процентъ грамотности они давали небольшой. Такова въ общихъ чертахъ была главная часть населения. Остальные 3000 жителей не представляли изъ себя, какъ татары, сплоченной массы, а разбивались или по національностямъ, или по роду занятій на мелкіе кружки. Греки, по преимуществу баркасники, держались своего общества; они хорошо сохранили свои національныя черты и родной языкъ. Караваны, соленомышленники и болѣе крупные торговцы, также держались твердо своего общества. Что касается евреевъ, то они не разбирали обществъ и по роду своего занятія — факторства — держались по общества, а дѣла. Но гдѣ же были русскіе, и сколько было ихъ? Русскихъ въ Евпаторіи было менѣе всѣхъ другихъ. Главнымъ образомъ то были чиновники, судьбой занесенные сюда и служившіе въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ; конечно, были и крестьяне, но въ общей сложности русскихъ было все же очень мало. Вотъ изъ какихъ элементовъ должна была составиться общественная жизнь въ Евпаторіи. Расположенной особнякомъ на берегу бурнаго Чернаго моря, безъ удобнаго и болѣе или менѣе постоянного общенія съ другими городами, съ пестрымъ чуждающимся другъ друга населеніемъ, Евпаторія не легко было принимать живое участіе не только въ политическихъ интересахъ государства, но даже и своей городской общественной жизни. Она была, такъ сказать, совершенно не въ курсѣ дѣла, и именно такою ее застала война 1853—1856 г.г.

ГЛАВА I-я.

Занятіе города союзниками. Бѣгство жителей.

Задолго до высадки непріятельскихъ войскъ въ Крыму и занятія Евпаторіи городскіе жители ея не разъ замѣчали, какъ корабли союзного флота то показывались подъ городомъ, то снова исчезали въ морѣ. Въ первое время жители сильно переполошились, заговорили о войнѣ, женщины плачали, но затѣмъ мало-по-малу всѣ успокоились, и непріятельские корабли въ виду Евпаторіи уже не производили, повидимому, на нихъ сильнаго впечатлѣнія,—они привыкли къ нимъ; жизнь города текла по прежнему. Такимъ образомъ, не трудно было замѣтить, что страхъ евпаторійцевъ былъ страхомъ лишь за настоящую минуту, безъ взгляда въ будущее. Появился чужой корабль—они испугались, переполошились, засуетились; корабль ушелъ—все стало по-прежнему, развѣ только прибавилось шутливое воспоминаніе о недавнемъ страхѣ. Высшій слой евпаторійскаго общества—люди чиновные, помѣщики—такъ сказать передовые, мало чѣмъ въ данномъ случаѣ отличались отъ простого народа. Никому изъ нихъ, повидимому, не приходило въ голову, что сосѣдство непріятеля можетъ грозить если не опасностью, то хоть непріятностями. Ни одинъ помѣщикъ не позаботился вывезти изъ Евпаторіи хоть что-нибудь изъ своего имущества, не смотря на то, что у многихъ деревни находились не далеко отъ города. Это происходило не отъ отваги или вѣры въ человѣчность непріятеля, а просто отъ невѣдѣнія и наивной беззаботности. Были въ то время въ Евпаторіи и люди, правильно понимавшіе положеніе дѣлъ, люди дальновидные, но они должны были держать языки за зубами.

Въ то время я былъ въ офицерскомъ чинѣ, служилъ столоначальникомъ въ евпаторійскомъ городовомъ магистратѣ. У насъ носился упорный слухъ, что въ Крыму долженъ быть сдѣланъ десантъ англо-французскихъ и турецкихъ войскъ. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ слуховъ, мы скоро получили циркулярное предписаніе отъ Таврическаго Губернскаго Правленія быть на готовѣ къ выѣзду по дорогѣ на Перекопъ со всѣми дѣлами, но въ томъ лишь случаѣ, если десантъ непріятельской будетъ сдѣланъ въ Евпаторіи. Вмѣстѣ съ этимъ Губернское Правленіе предписывало дѣлопроизводства не прекращать. Получивъ та-

кого рода предписаніе, мы не знали, къ кому обратиться за добрымъ совѣтомъ, какъ намъ быть, что дѣлать. У членовъ магистрата напрасно было искать совѣта—всѣ они были люди очень ограниченные, а изъ купцовъ и мѣщанъ рѣдко кто былъ грамотнымъ; нѣкоторые не умѣли даже подписать своей фамиліи и вмѣсто подписи прикладывали именные печати. Что намъ было дѣлать? Мы съ секретаремъ магистратата Сергеемъ Григорьевичемъ Кузьменко поѣхали сообща всѣ дѣла упаковать въ тюки и быть въ полной готовности къ выѣзду, тѣмъ болѣе, что флотъ непріятельской все чаще и чаще сталъ показываться предъ нашими глазами. Наші опасенія относительно того, что непріятельскія суда не напрасно отъ поры до времени наѣзжаютъ Евпаторію, вскорѣ оправдались.

Помню хорошо, что въ Апрѣль мѣсяцѣ 1854 г., на третій день Свѣтлаго праздника, въ виду Евпаторіи показалось два парохода. Войдя въ бухту, они стали на якорь, не подымая однако національного флага, что требуется обыкновенно отъ каждого парохода. Стоявшее въ то время на евпаторійскомъ рейдѣ одно русское каботажное судно первое замѣтило пароходы; шкиперъ его, будучи увѣренъ, что пароходы эти непріятельскіе, и что они берутъ курсъ прямо на него, рѣшилъ по добру по здорову сѣѣхать вмѣстѣ съ экипажемъ на берегъ и предупредить жителей о грозящей опасности. Между тѣмъ корабельный смотритель таможни, нѣкто Яшниковъ, ревностный служака, не зная, что за пароходы ложаловали къ намъ, немедленно съ командой отправился опросить ихъ, но поплатился за это тѣмъ, что вмѣстѣ съ матросами и лодкой былъ взятъ на пароходъ, а впослѣдствіи въ качествѣ пленника отправленъ въ Лондонъ. Спустя нѣкоторое время, пароходы на налихъ гла-захъ оттаянули подальше въ море то каботажное судно, о которомъ мы сейчасъ говорили, вожгли его въ виду Евпаторіи, а сами снялись съ якоря и взяли курсъ по направлению за карантинный выступъ. Паническій страхъ обуялъ жителей. На глазахъ у нихъ непріятель вырвалъ душъ десять жителей, сжегъ судно, и самъ ушелъ. Зачѣмъ все это сдѣлалъ онъ? Быть можетъ, завтра вернется вновь и съ большей силой? Наконецъ—то у евпаторійцевъ возникъ вопросъ: что будетъ завтра? Мѣстныя власти хотя и растерялись, но все же проявили нѣкоторую дѣятельность: они поручили двумъ донскимъ казакамъ прослѣдить по берегу

удаленіе непріятельскихъ судовъ. Но мозгъ себѣ представить весь ужасъ жителей, когда, часъ спустя, казаки возвратились во весь карьеръ и сообщили, что недалеко отъ города непріятель высадилъ свои войска на берегъ. Многіе, узнавъ объ этомъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитаго, оставивъ на произволъ судьбы свое имущество и, захвативъ съ собою па скорую руку только то, что можно было взять, рѣшили бѣжать и бѣжали. Но, къ счастію, вскорѣ выяснилось, что вместо непріятеля за городомъ оказалось на подножномъ корму стадо барановъ. Тишина возвстановилась; поспатились въ этомъ случаѣ лишь один легковѣрные, имущество которыхъ моментально было расхищено цыганами. Конечно, бѣжавшіе жители скоро узнали, что они сдѣлались жертвой ложной тревоги; многіе изъ нихъ возвратились обратно съ дороги, многіе остались ночевать въ стени подъ открытымъ небомъ, а многихъ на ночь пріютилъ у себя въ деревнѣ Мамай князь Меметь бей Балатуковъ, супаторійскій помѣщикъ. Онъ, надо отдать ему честь, былъ человѣкомъ добрымъ, всегда принималъ живое участіе во всѣхъ, кто нуждался и обращался къ нему за помощью.

И такъ непріятелъ ушелъ, но слышно было, что съ того времени его пароходы занялись охотой на купеческія суда, крейсеровали по морю и ловили ихъ. Случалось, что пароходы союзныхъ войскъ подходили даже къ супаторійскому рейду, но не входили въ бухту. Въ виду явной опасности, которая ежеминутно грозила Евпаторіи, нѣкоторые присутственныя мѣста по распоряженію своихъ начальствъ вывозили архивы въ уѣздъ, а казначейство даже совсѣмъ выѣхало въ Перекопъ. Замѣтно было, что ждутъ чего-то. Съ этого времени житіоточные обыватели города мало-помалу начали переселяться въ уѣздъ, а нѣкоторые въ Симферополь, Перекопъ и далѣе. Многіе до своего выѣзда изъ города, опасаясь грабежа со стороны цыганъ и татаръ, сдавали на храненіе все драгоценное имущество подъ надежные замки честныхъ караимовъ.

Но вотъ наступило первое Сентября, памятный день для Евпаторіи. Въ 6 часовъ утра городу дали знать, что съ Тарханкутскаго маяка замѣчено безчисленное множество непріятельскихъ кораблей, которые длинной вереницей идутъ по направленію къ Евпаторіи. Не смотря на раннее утро, весь народъ поднялся, засуетился: Много любопыт-

ныхъ отправилось за карантинъ, откуда можно было лучше прослѣдить непріятеля. Не говоря о балконахъ, народъ взбирался на крыши, на церковную колокольню, мечеть; словомъ, каждый наперерывъ старался выбрать себѣ самыя возвышенныя мѣста, чтобы убѣдиться въ томъ, что слышать, чтобы воочію увидѣть непріятельскій флотъ. Я не менѣе другихъ былъ охваченъ общимъ теченіемъ. Жители сознавали, что для города наступаетъ роковой часъ. Всѣ были твердо увѣрены, что на этотъ разъ непріятельскій флотъ не ограничится однимъ лишь визитомъ, какъ въ первый разъ, что нужно готовиться къ бѣгству; но тѣмъ не менѣе никто не спѣшилъ, каждый хотѣлъ оставаться до конца, выждать развязку. Такое отношеніе евпаторійцевъ къ наступающему событию, я думаю, объясняется очень просто. Городъ, въ которомъ не было войска, если не считать слабосильной команды и нѣсколькихъ казаковъ, разумѣется, не могъ сопротивляться непріятелю; нельзя же было думать, что непріятель, въ свою очередь, станетъ воевать съ беззащитнымъ населеніемъ. Часовъ въ 12 дня громаднѣйшій флотъ былъ у всѣхъ на глазахъ, подходилъ къ рейду, а въ 2 часа вся бухта евпаторійская и самый рейдъ были запружены судами. Кто былъ въ Евпаторіи, тотъ знаетъ, какъ велика тамъ бухта. Видъ съ берега былъ болѣе чѣмъ живописенъ. Мачты кораблей густымъ лѣсомъ стояли на морѣ, а трубы пароходовъ, дымъ, разная окраска кораблей, снасти, поднятые кое-гдѣ паруса—все это, еще не успѣвшее застыть на мѣстѣ, слегка въ движеніи, производило само по себѣ сильное впечатленіе. Врядъ ли когда нибудь Евпаторіи приходилось видѣть что-либо подобное. Казалось, здѣсь были суда всѣхъ видовъ и назначений—пароходы, фрегаты, транспортныя суда, линейные корабли и копонерки, на которыхъ массами кипѣло войско. Съ берега намъ видно было, какъ мелкія суда сновали то туда, то сюда, очевидно, передавая приказанія начальства. Но вотъ на глазахъ у насъ нѣсколько пароходовъ отдѣляются отъ общей массы, подходятъ ближе къ берегу, открываютъ люки и готовятся дать по городу залпъ. Еще нѣсколько минутъ, и наше вниманіе переносится на три шлюпки, которые несутся прямо на нашу пристань. Очевидно, непріятель открытыми люками дали намъ понять, что его лодки покажутъ, какъ дѣйствовать ему. Къ этому времени на набережную и пристань Евпаторіи собрался

буквально весь городъ: и старъ, и маль, и русскій, и свѣрѣй, караимъ и грекъ, словомъ, всѣ собрались сюда. При этомъ нельзѧ было не обратить вниманія на татаръ,—они составили отдѣльную, большую группу. Собравшись турьбой, они стояли, перепечтывались между собой и зорко озирались вокругъ. Ихъ злые замыслы не могли ни отъ кого ускользнуть, такъ что въ концѣ концовъ жители стали бояться больше ихъ, чѣмъ самого непріятеля.

Шлюпки все ближе и ближе подходили къ пристани. Весь народъ хлынулъ туда, но напрасно: тамъ яблоку некуда было упасть. Впереди всѣхъ у сходней пристани стояла вся городская власть: комендантъ Николай Ивановичъ Казначеевъ, городничій, управляющій таможней и карантиномъ; здѣсь же были переводчики. Въ полной парадной формѣ, съ явнымъ волненіемъ на лицахъ, въ безмолвіи вились они глазами въ незваныхъ гостей и съ минуты на минуту готовились къ бесѣдѣ. Наконецъ непріятельские багры толкнулись о пристань и притянули шлюпки, и на пристань, также въ полной парадной формѣ, сошли парламентеры отъ трехъ державъ, каждый со своимъ переводчикомъ. Бесѣда длилась не долго. Городъ сдался. Жителямъ было предоставлено полное право оставаться въ городѣ или же въ 24 часа покинуть его. Затѣмъ, попрощавшись съ наими властьми со всѣми тонкостями международнаго приличія, парламентеры отчалили назадъ. Насталъ роковой часъ. Къ военному губернатору сейчасъ же былъ посланъ гонецъ съ донесеніемъ о сдачѣ города. Каждый долженъ былъ рѣшить, что дѣлать. Поднялась суета, сборы, приготовленія. Но вотъ бѣда, нигдѣ нельзѧ было достать подводы. Татары, на которыхъ главнымъ образомъ можно было надѣяться въ данномъ случаѣ, какъ на фурщиковъ, ни за какія деньги не соглашались дать своихъ подводъ. Этимъ они, между прочимъ, явно обнаружили свою приверженность къ нашему врагу. Что оставалось дѣлать? Кто имѣлъ своихъ лошадей, забиралъ съ собою часть имущества, а кто не имѣлъ, тотъ долженъ быть изѣнкомъ искать убѣжища. Разумѣется, здѣсь уже нельзѧ было думать о томъ, чтобы захватить съ собою много. Почти все цѣликомъ оставалось на разграбленіе цыганъ. И вотъ черезъ часъ—другой потянулся изъ города въ разныя стороны своеобразный караванъ. Многимъ бѣднякамъ, кто во время не успѣлъ добраться до деревни, пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ. Тутъ еще разъ я

помяну имя благороднаго Меметъ бся Балатукова. На этотъ разъ, какъ и раньше, онъ откликнулся добрымъ сердцемъ на народное бѣдствіе и всѣхъ, кого зналъ и не зналъ, безъ различія націй, всѣхъ, кто искалъ у него убѣжища, онъ пріоткрылъ у себя. О Балатуковѣ надо замѣтить, что хотя князь этотъ былъ и мусульманинъ, по душой онъ былъ преданъ Россіи и любилъ русскій народъ. Во время Крымской войны онъ оказалъ намъ, русскимъ, большую услугу; съ увѣренностью можно сказать, что сильному вліянію, которымъ онъ пользовался среди татаръ, мы обязаны сохраненіемъ многихъ русскихъ деревень. Дѣло въ томъ, что татары тогда, составляя главную часть населенія Крыма, отличались гораздо большимъ фанатизмомъ, чѣмъ теперь; не трудно было мулламъ поднять ихъ противъ христіанъ. Вотъ въ этомъ отношеніи Балатуковъ выступилъ защитникомъ русскихъ; онъ во-время сумѣлъ остановить общее волненіе татаръ, и только малая часть ихъ, отъявленные баптибузы, не поддались его увѣщаніямъ. Объ нихъ мы скажемъ дальше.

Такъ начался и прошелъ первый день памятнаго сентября. На слѣдующій день мы узнаемъ, что, по распоряженію губернатора, слабосильная команда и казаки отозваны въ Симферополь, на полицію же возложено порученіе уничтожить хлѣбъ въ зернѣ, котораго можно было насчитать до нѣсколькихъ десятковъ тысячи четвертей въ купеческихъ амбарамъ. Полиція энергично принялась за это дѣло, прибѣгая къ разнымъ средствамъ безъ различія—грязи изъ уличныхъ лужъ (Евпаторія всегда изобиловала ими), морской водѣ и извести. Дѣло шло бойко, но не успѣла полиція до конца довести порученіе, какъ вдругъ, по доносу татаръ, неожиданно явился непріятельскій отрядъ и арестовалъ въ амбарамъ: городничаго Костюкова, частнаго пристава Романа Антоновича Лихошерстова, моего зятя, переводчика Михаила Константиновича Сѣриго и нѣсколькихъ городовыхъ изъ русскихъ. Городовые же изъ татаръ успѣли разбрѣжаться! У меня является тутъ подозрѣніе, не эти-ли городовые—татары и привели непріятеля. Въ числѣ арестованныхъ былъ также землемѣръ Баклановъ. Арестованнымъ объявили, что считаютъ ихъ измѣнниками турецкому правительству и всѣхъ ихъ предадутъ суду; а пока судъ да дѣло, ихъ отправили на турецкія суда. Въ тотъ же день непріятельскій флотъ удалился изъ Евпаторіи.

ріи, оставилъ на рейдѣ только нѣсколько судовъ съ коман-
дой для занятія города.

ГЛАВА II-я.

Городъ во власти союзниковъ. Жизнь въ уѣздѣ. Шайка татаръ. Ис-
правники. Казаки.

Къ вечеру 2-го сентября 1854 г. Евпаторія не только находилась въ полномъ подчиненіи непріятелю, но къ тому времени тамъ даже прочно организовалась городская администрація. По мѣсту расположенія союзныхъ войскъ, городъ получиль соотвѣтствующія дѣленія и названія; комендантомъ города быль назначенъ Топаль-Омерть-паша. Вѣсть о занятіи города съ неимовѣрной быстротой распространилась по уѣзду, и съ этого времени сельскіе татары, не только евпаторійскіе, но и другихъ уѣздовъ, стали ежедневно большими толпами направляться въ городъ. Они бросали свои аулы и съ фанатическою радостью шли къ своимъ единовѣрцамъ, мечтая о будущемъ величіи Турціи и гибели Россіи. Но какъ жестоко ошиблись татары, какъ сильно поплатились они за свои надежды! Спѣша въ Евпаторію, они наскоро брали съ собою только самое цѣнное имущество да угоняли скотъ (случалось, что не весь); что же касается всего прочаго домашняго хозяйства, собранного въ амбарахъ и ямахъ зерна и т. п.,—все это они бросали на произволъ судьбы. Они думали, что султанъ оцѣнить ихъ преданность и вознаградить каждого поцарски. Вначалѣ, дѣйствительно, надежды татаръ какъ будто и находили себѣ оправданіе. Турецкое военное начальство, нуждаясь въ рогатомъ скотѣ, принимало первыхъ переселенцевъ съ большою признательностью, обѣщало о нихъ доложить султану, но затѣмъ, съ теченіемъ времени, когда въ Евпаторіи ихъ появилось болыше, чѣмъ надо было, отношенія къ нимъ измѣнились: цѣлый толпы ихъ не находили себѣ пристанища, бродили уныло по улицамъ, исполняли разныя тяжелыя работы. Положеніе этихъ татаръ было крайне жалкое. Лишившись всего, что имѣли, что скопили цѣлыми годами, и придя сюда безъ всего, только съ радужными надеждами, которыя вселили въ нихъ муллы,—они здѣсь столкнулись съ горькой правдой дѣйствительности и поникли духомъ. Снисходя къ ихъ просыбамъ и безвыходному положенію,турецкое правительство наконецъ рѣшило отправить ихъ въ Турцію, но и здѣсь имъ не посчастливилось: поса-

женныхъ на корабли въ пути застигла страшная буря, и большая часть ихъ погибла. Въ то время въ Черномъ морѣ бури свирѣпствовали съ какою-то особленною, необыкновенною силою. Говорятъ, что въ одинъ штормъ 2-го ноября разныхъ непріятельскихъ судовъ въ Чериомъ и Азовскомъ моряхъ погибло около двухъ сотъ.

Что же дѣлали непріятельскія войска по занятіи города? Какъ и надо было ожидать, они прежде всего не замедлили отыскать свои отряды въ окрестности города на фурражировку, а затѣмъ принялись за укрѣпленіе своей новой стоянки. По гарнизону немедленно вышелъ приказъ о томъ, чтобы тѣ изъ начальствующихъ лицъ, кому надлежало, выслали на работу всѣхъ жителей мужескаго пола отъ 15 до 50 лѣтъ. Дѣлать было нечего, и наши по бѣжалы въ свое время изъ города евпаторійцы, и старъ и младъ, съ лопатами, кирками, ломами, кому что было дано, пошли работать изъ-подъ палки. Можно думать, что съ ними не особенно церемонились, такъ какъ работы закончились въ самомъ непродолжительномъ времени. Городъ былъ обнесенъ довольно высокимъ валомъ и огражденъ глубокимъ рвомъ. Послѣ этого турки почли отъ своихъ дѣлъ и съ необыкновенно важнымъ видомъ побѣдителей предались обычному кейфу. За чашкой кофе у нихъ, между прочимъ, безповоротно было решено, что Крыму осталось еще не долго ждать до присоединенія къ Турції. Отношеніе турокъ къ пѣщенному коренному населенію Евпаторіи было, если такъ можно выразиться, вполнѣ европейскимъ. Относительно же татаръ, которые такъ косо смотрѣли на русскихъ при занятіи города, говорили, что они въ тотъ же день убили нѣсколькихъ христіанъ. Я не могу этого подтвердить, но... слухомъ земляолнится. Мнѣ передавали даже, какъ Топалъ-Омеръ-паша отнесся къ этому. Онъ говорилъ, что хотя по корану убіеніе христіанъ, въ особенности во время войны съ ними, не представляеть изъ себя ничего предсудительного, но надо всегда обращать при этомъ вниманіе на положеніе дѣлъ. Въ данномъ случаѣ, онъ говорилъ, Турція ведетъ войну съ Россіей не одна, съ нею въ союзѣ, за нее стоять и Франція и Англія—государства христіанскія; при такихъ обстоятельствахъ безъ причины избивать христіанъ, избивать ихъ только лишь потому, что они христіане, нельзя,—это можетъ вызвать неудовольствіе среди союзниковъ.

Въ то самое время, какъ непріятель устраивался въ го-
родѣ, небольшой отрядъ нашихъ донскихъ казаковъ подъ
начальствомъ есаула Хоперскаго спѣшилъ въ имѣніе князя
Воронцова въ дер. Шенхлеръ съ порученіемъ конвоировать
транспортъ съ имуществомъ князя и охранять его до Це-
рекона. Однако, къ великому приискорбю доцотовъ, имъ не
удалось исполнить порученіе: въ дорогѣ съ ними встрѣ-
тился турецкій отрядъ силою около 1000 человѣкъ и потре-
бовалъ сдачи всего имущества. Хоперскій, видя предъ со-
бой такую огромную силу турокъ, счелъ за безуміе сопро-
тивляться, уступилъ имъ весь обозъ, а самъ отправился въ
Симферополь съ докладомъ. Это былъ первый непріятель-
скій трофей по занятіи города. Этотъ первый трофей нes-
пріятеля показать ему, что въ уѣздѣ все склонялось предъ
нимъ такъ же безъ сопротивленія, какъ и въ городѣ. Одна-
ко несмотря на это соловыя войска не злоупотребляли
особенно своею силой, и въ глубь Евпаторійскаго уѣзда
они не посыпали спонхъ отрядовъ. Помѣщицамъ при та-
комъ положеніи дѣлъ пришло счтаться не столько съ
самимъ непріятелемъ, сколько съ разбойничими шайками
своихъ же соѣдѣй-татаръ. Относительно татаръ евпаторій-
скихъ, какъ городскихъ такъ и уѣздныхъ, можно сказать,
что они въ общѣй мasee со дня прибытія непріятельскихъ
войскъ хотя и не могли скрыть своей приверженности къ
нимъ, но все же не выражали ни чѣмъ своего озлобленія
противъ нашихъ властей и народа. Если же въ уѣздѣ мы
и встрѣчали съ ихъ стороны грабежи и разбои, то въ дан-
номъ случаѣ надо считаться съ отдѣльными личностями
безпокойнаго характера, личностями, которыя и въ мирное
время проявляли имѣнио эти свои пороки.

Въ то время я жилъ въ своемъ наслѣдственномъ имѣ-
ніи при дер. Майрикъ. Наступило тревожное время. Иать
сосѣднихъ деревень намъ каждый день сообщали, что раз-
бойничныи шайки разгуливаютъ то тамъ, то сямъ, и мы со
дня на день ждали, когда незваные гости пожалуютъ къ
намъ. Намъ передавали, что эти шайки подъ угрозой смер-
ти требуютъ у помѣщиковъ денегъ, угнояютъ ихъ скотъ;
такъ шайки обходились обыкновенно съ большинствомъ
хозяевъ, но не со всѣми: иѣкоторымъ чиновникамъ, поли-
цейскимъ и судейскимъ, разбойники въ данномъ случаѣ
выразили свое особенное вниманіе и поставили ихъ въ
исключительное положеніе, но далеко не привилегирован-

ное. Въ число этихъ выдѣленныхъ попали тѣ лица, съ ко-
торыми татары-грабители имѣли свои личные счеты. Кроме
того, что они подверглись общей участии грабежа, ихъ свя-
зали и увѣли въ Евпаторію на работы по укрѣпленію го-
рода. Нѣкоторымъ изъ нихъ, несчастнымъ, дѣйствительно
пришлось, какъ мы потомъ узнали, съ лопатой и ломомъ
болѣе мѣсяца исполнять тяжелыя земляныя работы—копать
ровъ и насыпать валъ вокругъ города. Слыша такя вѣсти,
мы все время находились въ нервно-напряженномъ состо-
яніи. Нами овладѣли и злоба и страхъ. Что, если явятся
сейчасъ бунтовщики и отнимутъ у насъ послѣднее имуще-
ство? Какую силу мы можемъ противопоставить имъ? Мы
не могли надѣяться на помощь войскъ, такъ какъ во всемъ
уѣздѣ не было ни одного солдата, а свои личныя средства
для даннаго случая были слишкомъ слабы. Насъ нельзѧ
было упрекнуть въ томъ, что мы бездѣйствовали, не заяв-
ляли о грозящей и уже наступившей опасности; мы сдѣ-
лали все это, но, къ сожалѣнію, наши заботы не достигли
цѣли, и тщетенъ было трудъ. Это было, помню отлично,
на другой день послѣ того какъ есаулъ Хоперскій потер-
пѣлъ неудачу. Онъ по дорогѣ въ Симферополь остановился
у насъ въ деревнѣ на ночлегъ, и тогда же мы порѣшили
вмѣстѣ съ нимъ ѿхать къ губернатору въ Симферополь,
выяснить ему опасное положеніе дѣлъ въ уѣздѣ и просить
защиты.

Къ этому побудило насъ и слѣдующее обстоятельство.
Въ ту самую ночь, когда есаулъ Хоперскій съ 100 казака-
ми заѣхалъ въ мое наследственное имѣніе въ дер. Май-
рикъ, старшій мой братъ Николай Раковъ получилъ отъ
сосѣда, помѣщика Степана Марковича Стулли, записку, въ
которой онъ сообщалъ, что татары, живущіе на его землѣ,
бунтуютъ и избили многихъ крѣпостныхъ людей до полу-
смерти, и просили пріѣхать на помощь со всѣми братьями.
Насъ же въ то время было шесть взрослыхъ братьевъ.
Братъ Николай показалъ эту записку Ханперскому, который
тотъ же часъ распорядился послать въ защиту Стулли 25
казаковъ съ унтеръ-офицеромъ, а я также изъявилъ свое
согласіе ѿхать вмѣстѣ съ казаками къ Стулли, гдѣ мы взя-
ли еще пять верховыхъ изъ крѣпостныхъ людей, и всѣ
вмѣстѣ отправились въ другую деревню Стулли Кара-Куци,
ту самую, гдѣ бунтовали татары. Но, не дѣлажая до той дѣ-
ревни, я распорядился оставить казаковъ на время въ бал-

гъ въ недалекомъ разстояніи, предупредивъ ихъ, что я въ слушаю какого-либо несчастія вызову ихъ на помощь посредствомъ свистка, а самъ съ б-ю крѣпостными людьми поѣхалъ въ дер. Кара-Кущи, чтобы разузнать причину побоища. Когда я въѣхалъ въ деревню, то со всѣхъ сторонъ окружили меня татары, числомъ около 200 человѣкъ, всѣ вооруженные пиками и съ ножами на поясахъ. У всѣхъ татаръ шапки были перевязаны бѣлыми чалмами; это доказывало, что они подчинились турецкому начальству, а на вопросъ мой, зачѣмъ они избили крѣпостныхъ людей своего же помѣщика Стулли, татары отвѣчали очень грубо, съ неизвѣстностью ко мнѣ, при чемъ добавили, что въ настоящее время начальства русскаго иѣтъ, и они его болѣе не признаютъ, потому что настало время турецкаго владычества. Затѣмъ татары объявили мнѣ, чтобы я по добру и по здоровью убирался обратно туда, откуда прїѣхалъ. Тогда я сталъ упрекать ихъ, говорить, какъ имъ не совѣтно безъ всякой причины измѣнять русскому правительству. Въ ѿто время многіе изъ татаръ набросились на меня и на крѣпостныхъ людей съ ругательствомъ и нанесли довольно чувствительные побои плетьями и палками, къ которымъ были придѣланы пики. Чувствуя себя крайне обиженнымъ, я началъ давать условные свистки. Тогда казаки явились немедленно, и началась общая потасовка. Татары, увидя казаковъ, скоро усмирились и начали разбрѣгаться; но замѣтивъ, что они сѣѣжаются съ другихъ смѣжныхъ деревень верхами, и предвидя, что намъ угрожаетъ опасность, возвратились мы къ себѣ и сообщили обо всемъ есаулу Хоперскому.

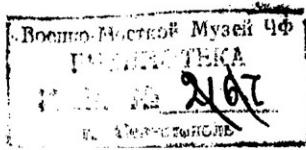
На другой или на третій день я, Хоперскій, бывшій секретарь поліції Димитрій Антоновичъ Лихошерстовъ и вольнопрактикующій докторъ Николай Николаевичъ Смирновъ представили предъ губернатора. Губернаторомъ быть Пестель. Доведя до его свѣдѣнія, что въ уѣздѣ у насъ не покойно и что мы лишены всякой возможности защищаться отъ грабителей татаръ, въ заключеніе мы просили дать уѣзду военную охрану. Губернаторъ выслушалъ насъ до конца, и когда мы, окончивъ рѣчь, приготовились пожимать лавры нашей заботливости о краѣ, онъ многозначительно намъ отвѣтилъ: „Татары не грабятъ, не бунтуютъ и бунтовать не будутъ,—бунтуете вы“! Послѣ такого приема намъ ничего не оставалось, какъ удалиться

вынося самыя грустныя впечатлѣнія. Хоперскій доложилъ объ этомъ по начальству.

Съ поникшей головой, незаслуженно оскорбленные губернаторомъ, мы возвратились домой. Я засталъ у себя дома все благополучно; но слухи о грабежахъ не утихали. Волей—неволей приходилось готовиться къ встречѣ татаръ, разрабатывать планъ оборонительного положенія. На ночь мы рѣшили выставлять наружныхъ караульныхъ съ дубинами, а сами держали наготовъ изъ огнестрѣльного оружія единственное ружье, такъ какъ у насть кромѣ него ничего другого не оказалось. Въ общемъ наше осадное положеніе не могло представлять ничего утѣшительного.

Ожиданіемъ нашимъ суждено было скоро сбыться. Какъ-то вечеромъ мы замѣтили двухъ верховыхъ, которые направлялись прямо на нашу экономію. Еще нѣсколько минутъ, и предъ нами явились на лошадяхъ два здоровыхъ татарина, хорошо вооруженныхъ. За поясами у нихъ виднѣлись кинжалы, сбоку висѣли сабли; ихъ бараньи шапки украшала чалма. Съ первого взгляда мы поняли, что это были за люди и что имъ надо. Подойдя поближе, я узналъ въ нихъ поселянъ отдаленной деревни; я съ ними даже былъ немножко знакомъ, но на этотъ разъ они не признавались. Поздоровавшись съ нами, они довольно мирно заявили, что ихъ послало турецкое правительство за „контрибуціей“, на основаніи чего, исполняя волю султана, они требуютъ выдачи всего скота, а на случай, если имъ скота сейчасъ же не дадутъ, то они немедленно привозутъ турецкія войска и тогда уже силою возьмутъ не только скотъ, но и все имущество. Какъ быть? Я хорошо владѣлъ татарскимъ языкомъ и вступилъ съ ними въ дипломатическіе переговоры. Я убѣждалъ ихъ оставить насть въ покой, говорилъ, что мы жители мирные, что мы никогда не дѣлали зла татарамъ, жили съ ними всегда хорошо, помогали имъ, что мы люди не богатые, у насть многимъ нельзя проживиться, и что если они возьмутъ нашъ скотъ, то мы останемся нищими. Я предлагалъ имъ отказаться отъ своихъ требованій, войти къ намъ въ домъ, быть нашими гостями и разстаться друзьями. Однако, какъ я ни старался, мои увѣщенія на нихъ не дѣйствовали. Видя это, я попытался прибѣгнуть къ послѣдней мирной мѣрѣ и обратился къ поселянамъ-татарамъ нашей деревни съ просьбой, чтобы они усовѣстили этихъ негодяевъ; но поселяне, боясь навлечь

на себя ихъ неудовольствіе, откаzzались бесѣдоватъ съ ними я попрятались въ своихъ домахъ. Что оставалось дѣлать? Говорить дальше, тратить слова попустому я находилъ лишнимъ. „Ну, сказалъ я имъ, если не хотите быть порядочными людьми, оставайтесь здѣсь, а намъ пора до двора“. Съ этими словами я вошелъ во дворъ, за мной послѣдовали также два моихъ брата и прислуга. Мы заперли ворота. Татары слѣзли съ коней, обнажили шашки, остались за скотскимъ дворомъ и стали вполголоса совѣщаться. Понимая, какъ важно намъ знать, о чёмъ они совѣщаются, я, не теряя времени, тихо забрался въ вагонъ и сталъ прислушиваться къ ихъ разговору. Въ это время совсѣмъ стемнѣло. Хотя съ трудомъ, но все же мнѣ удалось услышать, что они говорили о неудавшейся попыткѣ грабежа и собирались призвать къ себѣ на помощь другихъ своихъ товарищѣй. Озлобленный такой дерзостью татаръ, я ужъ хотѣлъ было выйти къ нимъ и пригрозить ружьемъ, какъ вдругъ они засуетились, вскочили вмигъ на лошадей и понеслись куда-то карьеромъ. Что случилось? Мы всѣ выбѣжали за ворота—всадники исчезли, но съ противоположной стороны слышался лошадиный топотъ и фырканье коней. Казалось, цѣлый отрядъ приближался къ намъ. Наступившая уже темная ночь навѣяла на настъ тоже темныя, мрачныя чувства. Что оставалось намъ предполагать, какъ не то, что къ намъ приближается большая шайка татаръ, которая долго говорить не станетъ, ограбить настъ, оставить безъ всего. Наступила мучительная минута неизвѣстности. Но вотъ уже стали видны силуэты, слышанъ стукъ шашекъ. Звучно раздается команда: „Стой! Слѣзай!“—и предъ нами донскіе казаки. Трудно представить себѣ радость, съ которой мы встрѣтили своихъ спасителей; женщины плачали. Теперь намъ понятно стало, почему вмигъ ускакали грабители. Хотя радость и охватила меня не менѣе другихъ, но я все же не переставалъ находиться подъ впечатлѣніемъ только что пережитой злобы противъ дерзкихъ татаръ. Чувство мести разыгралось во мнѣ. Второпяхъ я рассказалъ есаулу, начальнику казаковъ, о томъ, что было передъ этимъ, и убѣдительно просилъ его немедленно послать за татарами погоню. Казаки живо вскочили на коней, я указалъ имъ дорогу, и они помчались. Но грабители успѣли скрыться. Будь это раньше минутъ на 15, мы навѣрно имѣли бы на этотъ разъ удовольствіе видѣть ихъ

въ ту же ночь вторично. Здѣсь я разскажу п о своемъ участіи въ этой побоиѣ за татарами.

Какъ только мысль о преслѣдованіи татаръ зародилась во мнѣ, я инстинктивно рѣшилъ бѣхать вмѣстѣ съ казаками, руководить ими и по крайней мѣрѣ быть свидѣтелемъ того, какъ изловятъ негодяевъ. Съ этого цѣлью я бросился въ конюшню, наскоро одѣлся своего любимаго верхового коня и пустился вслѣдъ за казаками. Первые минуты я летѣлъ очертя голову, ни на что не взирая, но дальше, дальше стала замѣтать, что моя лошадь какъ то особенно, необыкновенно шла галопомъ. Я употреблялъ всѣ усилия, стараясь прибавить ходу; бить лошадь плетью, давалъ ей пинка, но все было напрасно—мало того, что лошадь шла прыжками, она начала бить задомъ, трястись. Такъ проѣхалъ я версты двѣ; казаковъ, конечно, и слѣдѣлъ простыть. Огорченный неудачей, я остановилъ лошадь, слѣзъ съ нея и стала внимательно ее осматривать. Со мною ни разу не случалось ничего подобнаго. Тѣдили я отлично, свою лошадь знать хорошо, а тутъ, какъ на бѣду, вмѣсто вѣзды вышли какія-то акробатическія упражненія. Отъ сѣдланныхъ двухъ верстъ я былъ совсѣмъ разбитъ, а лошадь тяжело дышала, сопѣла и вся дрожала. Осмотрѣлъ я сѣдло, уздечку, удила—вѣс порядкѣ все. Наконецъ-то въ темнотѣ я замѣтилъ, что бѣдная лошадь была спутана на переднія ноги. Все объяснилось. Жаль мнѣ стало коня, хотѣлъ я сейчасъ же распутать его, но тутъ оиять неудача—при мнѣ не оказаюось ничего такого, чѣмъ бы я могъ это сдѣлать. Насилу я пѣникомъ добрался домой, измучивъ такимъ образомъ себя и лошадь совершенно напрасно. Всѣдѣ за мной вернулись казаки.

Всю ночь напролѣтъ въ нашей экономіи на радостяхъ почти никто не спалъ. Казаки за дружеской бесѣдой рассказывали о своихъ походахъ, о томъ, что дѣлалось тамъ, где они проходили и т. п., и въ свою очередь слушали насъ. На другой день рано утромъ, не смотря на то, что мы провели ночь безъ сна, я и братъ мой Діонисій Саввичъ взяли съ собой нѣсколько преданныхъ слугъ и, съ разрѣшеніемъ есаула, отрядъ изъ 12 казаковъ, и выѣхали искать тѣхъ двухъ разбойниковъ, которые въ прошлый вечеръ такъ перепугали насъ. Мы направились прямо въ аулъ, гдѣ жили эти грабители. Такъ какъ аулъ этотъ находился довольно далеко отъ нашей деревни, то мы только къ вечеру пріѣ-

хали туда. Увидя насть, татары попрятались по избамъ; на наши вопросы, гдѣ скрываются разбойники, и на требование выдать ихъ они отвѣчали очень уклончиво, отговаривались незнаніемъ и т. п. Очевидно было, что словами отъ нихъ ничего не добьешься. Не возвращаться же намъ съ пустыми руками. Казаки пустили въ ходъ ногайки, дали залить нѣсколькоими холостыми зарядами и стали грозить полнѣйшимъ разореніемъ деревни, если не будуть выданы преступники. Татары, увидѣвъ, что казаки шутить не намѣрены и, дѣйствительно, не тратятъ словъ по пустому, въ страшномъ испугѣ исполнили наше требование и выдали разбойниковъ. Только на другой день мы торжественно возвратились въ деревню и привезли на татарской арѣ подъ надежнымъ конвоемъ двухъ связанныхъ, такъ недавно бывшихъ у насъ негодяевъ. Есауль не задумался выбрать для нихъ наказанье: онъ приказалъ ихъ разложить и избить ногайками до полусмерти, а заѣмъ, уже на третій день, когда они пришли въ себя, онъ отправилъ ихъ въ симферопольскій тюремный замокъ. Избавившись отъ двухъ разбойниковъ, мы въ тотъ же день распрошались съ казаками. Не смотря на напу просьбу прожить у насъ еще нѣсколько дней, казаки отправились дальше усмирять татаръ, ссылаясь на то, что уѣзжъ большей, шаекъ много, а ихъ, казаковъ, только 2 отряда, по сотнѣ въ каждомъ; уѣзжая, они дали слово наѣщать насъ, и мы должны были довольствоваться только этимъ.

Сильное впечатлѣніе на мирныхъ сельчантъ-татаръ нашей деревни произвели казаки; бѣдные такъ испугались, что въ продолженіе всѣхъ трехъ дней, въ которые жили у насъ казаки, ни одинъ изъ нихъ не выходилъ изъ своей избы.

Казаки ушли. Жутко намъ стало. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто могъ бы чувствовать себя иначе на напемъ мѣстѣ, живя бокъ о бокъ съ татарами, послѣ того еще, какъ мы вырвали изъ ихъ среды двухъ человѣкъ. Развѣ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ мы не могли въ смутную пору вызвать у нихъ противъ себя негодованье? Развѣ нельзя было предположить, что они рѣшили намъ отомстить за своихъ? Мы стали бояться даже мирныхъ татаръ. По нашимъ расчетамъ намъ нельзя было безъ серьезнаго опасенія оставаться дальше въ своей экономіи съ хозяйствомъ, и потому намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ въ тотъ

же день, немедленно, забравъ весь скотъ и цѣнное имущество, перебѣхать въ соѣднюю деревню Джебассу къ нашему родственнику Степану Марковичу Стулли.

Степанъ Марковичъ Стулли былъ очень радъ нашему пріѣзду или, вѣрнѣе сказать, перебѣзду, такъ что къ общему нашему удовольствію мы зажили немнога покойнѣе. Наше новое убѣжище было гораздо болѣе населено, да къ тому же населеніе состояло главнымъ образомъ изъ русскихъ, помѣщичьихъ крестьянъ. Для охраненія себя отъ набѣга татаръ на каждую ночь мы назначали нѣсколькихъ дежурныхъ вокругъ деревни, а скотъ выгоняли на пастище только днемъ и не далеко отъ деревни, чтобы татары не угнали его. Такъ мы прожили довольно покойно болѣе недѣли. Насъ не тревожили, хотя попрежнему носились слухи, что татары не унимаются.

Тяжело было намъ жить въ то время. На всѣхъ замѣтно отражалась война. Общее подавленное состояніе, уныніе царило вокругъ. У всѣхъ явилась апатія къ дѣлу; каждый жилъ, не зная, что будетъ завтра, сознавая, какъ тяжела жизнь бѣдныхъ севастопольцевъ. Это послѣднее ежеминутно давало о себѣ знать. Грохотъ и гулъ пушекъ севастопольской канонацды доносились къ намъ и въ яркихъ краскахъ рисовали всѣ ужасы войны. Даже теперь мнѣ подчасъ становится сумно, когда подумаешь о пережитомъ. Въ это время разнесся слухъ, что турецкія власти назначили день для казни нашихъ евпаторійцевъ, о которыхъ мы уже говорили. Этотъ слухъ окончательно убилъ насъ, такъ какъ одинъ изъ арестованныхъ Романъ Антоновичъ Лихошерстовъ былъ нашимъ близкимъ другомъ и родственникомъ; онъ былъ женатъ на моей сестрѣ, которая въ то время жила вмѣстѣ съ нами у Стулли. Трудно описать, какъ несчастная женщина горевала. Часто съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ она удалялась далеко за деревню и тамъ, истощивъ всѣ слезы, не знала, какъ заглушить свою боль въ душѣ по мужу. Бѣдной ей и днемъ и ночью рисовался образъ мужа среди варваровъ-турокъ; она представляла себѣ его холодный обезображеній трупъ и т. п. Мы утѣшали ее, говорили, что слухи ложны; не можетъ быть того, чтобы союзники допустили такое звѣрство, позволили убить людей, которые кромѣ исполненія своего долга ничего не сдѣлали. Сестра немного успокоится, забудется, но потомъ

опять начнетъ попрежнему грустить, терзаться и рыдать какъ надъ покойникомъ.

Въ то самое время, когда сестра моя такъ горячо оплакивала своего пленнаго мужа, онъ находился дѣйствительно на краю гибели; но спустя некоторое время, когда въ административномъ управлении Евпаторіи произошла перемѣна, положеніе Романа Антоновича Лихонерстова совершенно измѣнилось. Произошло это вотъ почему. На мѣсто Топаль-Омерь-пами комендантомъ города назначили одного французскаго адмирала, при которомъ адъютантомъ и переводчикомъ состоялъ полякъ Токарскій. Этотъ Токарскій вскорѣ женился на дочери судьи евпаторійскаго уѣзднаго суда Маріи Ивановнѣ Вишневецкой; Вишневецкая же была знакома съ Лихонерстовымъ и, узнавъ о его несчастномъ положеніи, просила мужа помочь ея знакомому пленнику. Вообще Вишневецкая въ то время много заботилась объ участіи евпаторійцевъ, и многіе не разъ говорили ей спасибо. Не знаю, благодаря ли Вишневецкой или другой какой причинѣ, мнѣ незѣдомой, но пленнымъ скоро объявили о помилованіи и взамѣнъ повышения отправили ихъ всѣхъ немедленно въ Лондонъ, гдѣ они проживали на вольныхъ квартирахъ и получали хорошее содержаніе, настолько большое, что Лихонерстовъ часто, не стыдясь себя, высыпалъ деньги своей женѣ. Всѣ они, евпаторійскіе пленники, вернулись въ Евпаторію по заключенію мира въ 1856 г. живыми и невредимыми.

Вернемся въ дер. Джабассы. Я сказалъ, что больше недѣли въ ней мы прожили сравнительно покойно, никто изъ татаръ насть не тревожить; но вдругъ однажды, часовъ въ 12 днія, вѣзважаютъ къ намъ во дворъ душъ 20 верховыхъ здоровенныхъ татаръ, въ чалмахъ, съ вилами и косами. Съ крикомъ и шумомъ стали они вызывать помѣщика и требовать выдачи всего рогатаго скота, а въ случаѣ отказа грозили общимъ разореніемъ, поджогомъ и смертью. Положеніе помѣщика было ужасное, да и наше не лучше, такъ какъ наше скотъ находился тутъ же. Опять я выступилъ къ нимъ съ рѣчью, но они и слушать меня не хотѣли. Дали они намъ на размышеніе полъ часа, а сами разбили помѣщичій кабакъ и начали пить водку. Мы тѣмъ временемъ обратились за помощью къ крестьянамъ, прося ихъ вооружиться и прогнать буйныхъ татаръ, которые, кстати, были уже пьяны. Но крестьяне не откликнулись на зовъ

помѣщика: татары предупредили ихъ раныше, чтобы они не вступались за господь своихъ, и въ такомъ только случаѣ позволили имъ разечитывать на нецрквовенность своего имущества. Крестьянамъ ничего болыше не надо было, и все время они оставались равнодушными зрителями событий. Что оставалось намъ дѣлать послѣ этого? Сердце я стало упранивать и умолять татаръ, чтобы они не брали скота; вмѣсто него я предлагалъ имъ деньгами 150 рублей. Одинъ изъ нихъ, повидимому, готовъ былъ согласиться на компромиссъ, но другое неотступно продолжали требовать скота и лѣзли въ драку. Наконецъ мы оставили ихъ во дворѣ, заперлись въ домѣ и рѣшили не выходить. Наши предположенія относительно того, что пыльные татары, можетъ быть, безъ нась постоять, постоять и ни съ чѣмъ уйдутъ къ другимъ помѣщикамъ, не оправдались. Разбойники стали ломать двери. Положеніе наше становилось очень серьезнѣй. Безъ сомнѣнія, татаръ можно было бы задобрить деньгами, но съ другой стороны, кто мотъ поручиться, что это послѣдняя шайка, что на слѣдующій день не прѣдуть другое съ такими же требованіями. Это обстоятельство болыше всего затрудняло Степана Марковича Стулли. Онъ предпочиталъ лучше лишиться всего скота, чѣмъ откупаться деньгами, такъ какъ потомъ, очень можетъ быть, придется отдать и скотъ, а въ концѣ концовъ остаться безъ денегъ и скота. Я стоялъ за откупомъ. Надо было обладать болышимъ хладнокровiemъ, сдержанностью и настойчивостью, чтобы одолѣть разногласіе буйныхъ татаръ. Но хвастаясь скажу, что послѣ большихъ усилий я достигъ этой цѣли. Послѣ долгаго спора, крика и шума, татары согласились взять вмѣсто скота 150 руб. со Стулли и 50 руб. съ меня. Нечего было дѣлать, пришлось отдать деньги и только такимъ образомъ спасти скотъ. Послѣ расчета грабители съ пѣснями и крикомъ оставили нашу деревню и направились къ другимъ.

Тѣхъ изъ помѣщиковъ, кто не давалъ имъ вымогаемой контрибуціи, они подъ конвоемъ отправляли въ Евпаторію къ комендантю Топаль-Омеръ-пашѣ подъ тѣмъ благороднымъ предлогомъ, что эти помѣщики не имѣютъ отъ коменданта свидѣтельства на свободное проживаніе въ уѣздѣ. Я припоминаю, кто изъ такихъ помѣщиковъ подвергся насилию: дворянинъ—Андрей Весницкій, Константина Николаевича Яницъ-оглу, Михаилъ Ставровичъ Маркаковъ,

Алексей Никифорович Бендебери, Рышетиловъ и др. Комендантъ города въ такомъ случаѣ обыкновенно не задерживалъ никого, но таѣ было не всегда, бывали исключенія; вотъ, напримѣръ, что случилось съ арендаторомъ деревни Кудай-Гуль Михаиломъ Елеазаровичемъ Муратовымъ. Муратовъ прїехалъ къ коменданту верхомъ на своемъ чудномъ арабскомъ конѣ. Коменданту очень понравился конь; съ большими вниманіемъ онъ сталъ осматривать его, восторгаясь имъ и разспрашивая хозяина, сколько лѣтъ коню, какой онъ крови и т. п. По всему видно было, что паша вызывалъ Муратова на подарокъ, но Муратовъ дѣжалъ видъ, что не понимаетъ намековъ. Тогда Топаль-Омеръ-паша безъ обиняковъ просилъ подарить ему коня. Муратовъ на отвѣтъ отказался, за что и поплатился арестомъ. Не известно, сколько времени Муратовъ сидѣлъ бы подъ арестомъ, если бы на мѣсто Омеръ-пashi не назначили французскаго адмирала. Этотъ новый коменданть немедленно освободилъ многихъ арестованныхъ, въ томъ числѣ и Муратова.

Къ числу помѣщиковъ, которые не поддавались угрозамъ шайки, принадлежалъ, между прочимъ, уѣздный судья гвардіи капитанъ Яковъ Михайлловичъ Стойковичъ. Яковъ Михайлловичъ, когда къ нему прїехали татары съ извѣстными уже намъ требованиями, не только отказался исполнить ихъ, но даже предупредилъ угрозы татаръ и объявилъ, что будетъ стрѣлять, если они не оставятъ сейчасъ же его въ покой. Здѣсь сказался военный духъ капитана, и не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Послѣ двухъ—трехъ выстрѣловъ Якова Михайлловича татары разсыпались, кто куда, но не далеко, и тутъ же стали готовиться поджечь экономической постройки и дома, гдѣ жилъ Яковъ Михайлловичъ. Татары навѣрно не задумались бы именно такъ отомстить Стойковичу, да, къ счастію, въ это время среди нихъ появился преданный слуга помѣщика, экономической приказчикъ Кая-бай. Вотъ благодаря-то этому Кая-баю уже готовые подпалы были разбросаны, и экономія осталась цѣлой. Однако шайка все же не оставила въ покое Стойковича; она потребовала во что бы то ни стало, чтобы онъ поѣхалъ въ Евпаторію опять къ тому-же коменданту Топалу. Ради Кая-бая грабители сдѣлали ему уступку, или дали своего рода льготу, по которой его сопровождалъ не конвой, а одинъ Кая-бай. Стойковичъ поѣхалъ въ Евпаторію и до заключенія мира просидѣлъ тамъ въ плѣну.

Насколько я помню, съ оставленiemъ комендантскаго поста Топаломъ-Омеръ-палпей шайки перестали беспокоить русскихъ помѣщиковъ неизрѣтнымъ путешествиемъ въ го-родъ. Какъ видно, этому не сочувствовалъ французскій адмиралъ. Что же касается уѣзда, то тамъ и при немъ шай-ки не унимались.

Мы продолжали жить въ д. Джабассѣ. Послѣ того какъ мы откупились отъ татаръ-грабителей и шайка оставила нашу деревню, С. М. Стулли, чтобы не раздражать своихъ крестьянъ, которые такъ коварно поступили съ нимъ во врем-я набѣга шайки, до поры до времени рѣшилъ благоразум-но молчать и не выражать по отношенiuю къ нимъ своего гнѣва. Проживъ послѣ этого еще съ недѣлю въ постоянной тревогѣ, мы наконецъ увидѣли у себя давно желанныхъ казаковъ; однако наслаждаться покоемъ подъ ихъ надеж-ной охраной намъ пришлось не долго: они только перено-чевали у настъ, а на слѣдующiй день уѣхали въ сосѣднюю деревню. Много они говорили намъ про нашу же уѣздную жизнь и своими рассказами напугали еще больше трусли-выхъ. И прибавляли они, правда, ради краснаго словца, не мало, но надо сознаться, что много было горькой правды въ ихъ самодовольныхъ рассказахъ. Они рассказали намъ, между прочимъ, подробно о своей серьезной стычкѣ съ та-тарами при деревнѣ Темпiй, гдѣ имъ пришлось имѣть дѣло съ большою шайкою татаръ, вооруженныхъ вилами и коса-ми. Тамъ въ свалкѣ одинъ казакъ чуть ли не остался уби-тымъ, а есауль былъ раненъ въ голову. Казаки не оста-лись въ долгу,—въ концѣ концовъ они переловили всѣхъ виновниковъ бунта, избили ихъ ногайками до полусмер-ти и даже сожгли часть деревни. Мы слушали казаковъ, но и казакамъ было о чёмъ послушать настъ. Имъ очень не понравился поступокъ нашихъ крестьянъ во время набѣга татаръ, и они рады были учинить расправу съ тремя изъ нихъ, по случаю, который представился имъ въ ту же ночь.

Это произошло такъ. По заведенному обычаю у каза-ковъ, если имъ приходилось ночевать въ какой-нибудь деревнѣ, они выставляли отъ себя на ея окраинахъ сторо-жевую цѣпь для предупрежденiя могущихъ быть вне-запныхъ нападенiй. Расположившись у настъ, они сдѣ-лали то же самое. Въ эту самую ночь три крестьянина С. М. Стулли задумали совершить ночной набѣгъ на баш-танъ, наворовать арбузовъ. Захвативъ съ собой мѣшки, они

тайкомъ вышли изъ деревни часовь въ 11 ночи. Затѣмъ, придя вполнѣ благополучно на баштанъ и наѣхавши тамъ досыта арбузовъ и дынь, они набили ими полные мѣшкіи и поплелись обратно. Тяжесть у нихъ была не малая, а до деревни приходилось тащиться еще версты двѣ съ половиною. Видя они, пасутся спутанные кони. Не долго думая, крестьяне наши распутываютъ ихъ, накладываютъ на нихъ мѣшкіи, садятся сами и ѿдуть въ деревню. Но вотъ передъ ними казакъ: „Кто ѿдетъ?“ Отвѣтъ нѣть. „Кто ѿдетъ?“ опрашиваетъ казакъ второй разъ. Вмѣсто отвѣта, что ѿдуть свои, испуганные воры пустились отъ казака въ степь. Казакъ подалъ свистокъ, поднялась тревога, затѣмъ погоня, и въ результатѣ что же? Воровъ поймали версты за 10 отъ деревни и привели домой, а утромъ доложили есаулу о томъ, что было, и привели воровъ. Есауль попросилъ собрать крестьянъ и, когда всѣ собрались, началъ стыдить ихъ за то, что они не защитили своего помѣщика въ трудную минуту набѣга грабителей-татаръ, а какъ на примѣръ постыднаго отношенія ихъ къ своему помѣщику, указалъ на воровство съ его баштановъ. Въ заключеніе, въ присутствіи всѣхъ, не смотря ни на какія мольбы пойманыхъ крестьянъ, онъ приказалъ здѣсь же изрядно выпороть воровъ, приговаривая: „воровать у барина умѣешь, а защищать его не хочешь?“ Затѣмъ, грозя нагайкой, онъ распустилъ крестьянъ. Слова есаула и нагайка сдѣлали свое: послѣ этого крестьяне стали очень послушны и безпрекословно угождали помѣщику. Казаки уѣхали, и мы опять остались одни, попрежнему боясь татаръ и ожидая ихъ набѣга.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1854 года подаю я докладную записку начальнику блокады подъ Евпаторіей барону Корфу съ просьбою о содѣйствіи мнѣ въ поимкѣ всѣхъ тѣхъ лицъ изъ шайки татаръ, которыхъ, разѣзжая по уѣзду, получали отъ помѣщиковъ деньги въ свою пользу подъ предлогомъ контрибуціи для Топалъ-Омеръ-наши, вслѣдствіе чего баронъ Корфъ назначилъ есаула (фамиліи не помню) и 25 казаковъ, которымъ было предписано, по указанію моему, изловить шайку грабителей-татаръ и доставить ихъ въ дер. Оразъ, гдѣ была квартира барона Корфа. Тогда я съ братьями Николаемъ и Діонисиемъ, совмѣстно съ есауломъ и казаками, разѣзжая по уѣзду, изловили въ дер. Тузлы Алія и Аблеза, а въ дер. Такилъ Абдуманана-хырсызы (воръ) и отправили ихъ въ дер. Оразъ, откуда эти татары были вы-

сланы въ Симферополь, а затѣмъ на жительство въ Курскъ; остальныхъ же изъ шайки татаръ мы не могли разыскать, потому что они успѣли перѣехать въ Евпаторію и тамъ сдались турецкому правительству.

Въ ноябрѣ 1854 года русскія войска и казаки отбили въ окрестностяхъ Евпаторіи бывшихъ на подножномъ корью овецъ, примѣрно до 25 тысячъ, и рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ болѣе 200 головъ, и всѣ эти животныя, по распоряженію генераль-лейтенанта барона Корфа, были отправлены въ Севастополь для продовольствія русскихъ войскъ въ сопровожденіи станового пристава Евпаторійскаго уѣзда, есаула и 50 казаковъ. Во время слѣдованія однако эти животныя дорогою безпрепятственно продавались разнымъ лицамъ по баснословно дешевой цѣнѣ, а именно: овцы по 20 коп., рогатый скотъ и лошади по 1 р., а верблюды по 2 руб. Хотя означенная распродажа и производилась по дешевой цѣнѣ, но желающихъ покупать было очень мало, потому что каждый покупатель подозревалъ, что эта продажа была незаконной, что впослѣдствіи и было доказано тѣмъ, что становой приставъ былъ преданъ суду и удаленъ отъ должности.

Вспоминая все пережитое въ то время, теперь я вполнѣ беспристрастно могу сказать, что наши татары во весь періодъ крымской войны не заслуживали ни одного справедливаго упрека. Бывши полными хозяевами уѣзда, гдѣ не было ни одного представителя администраціи и ни одного солдата въ продолженіе несколькиихъ мѣсяцевъ, подстрекаемые, какъ мнѣ было известно отъ самихъ татаръ, фанатическими проповѣдями турецкихъ муллъ, они однако были кротки и умѣренны на столько, на сколько умѣренна едва ли была бы на ихъ мѣстѣ какая-нибудь другая народность. Мало того, они, по обыкновенію, отбывали безъ малѣйшаго побужденія всѣ земскія повинности, беспрекословно отдавали нашимъ войскамъ сѣно, солому и не спорили, когда отбирали у нихъ послѣднюю овцу или курицу, а это, къ нашему стыду, случалось очень часто.

У насъ въ уѣздѣ въ то время былъ особый врагъ, и не изъ непріятельской среды, а изъ собственной,—это былъ блюститель порядка, которому была дана сотня казаковъ и поручено охраненіе интересовъ мирныхъ жителей уѣзда. Это былъ исправникъ М.

Неприятно говорить о немъ, какъ о чиновнике, но въ семъ не безъ урода. О немъ я знаю больше по наслышкѣ, и если все то, что мнѣ передавали, составляетъ только малую часть правды, то и этого достаточно, чтобы ужаснуться, какъ такой человѣкъ могъ долгое время оставаться невредимымъ, какъ онъ не подпалъ подъ расправу народнаго суда, суда безъ законовъ, суда инстинктивной правды, суда, послѣ котораго слѣдуетъ неумолимая жестокая расправа. М. былъ непрятливый типъ полицейского чиновника, отживавшій уже свое существованіе и возврѣшившій въ смутное время войны. Передъ начальствомъ онъ гнулся, заискивалъ безъ выбора средствъ. Но тотъ же М., переступивъ порогъ начальства, выпрямлялся, сразу измѣнялся и представлялъ собою грознаго Перуна, предъ которымъ трепетала вся меньшая братія. Его служба сводилась къ единственной цѣли обогатиться и дожить покойно своей вѣкъ, на случай если бы помѣщики его не избрали на второе трехлѣтіе. Однако этого никогда не случалось, потому что исправники умѣли ладить съ тѣми лицами, отъ которыхъ зависѣло ихъ избраніе; тѣхъ же, кто могъ стать имъ, какъ говорится, попрекъ дороги, они обыкновенно старались заблаговременно убрать. Такимъ образомъ препятствія устранялись, исправника избирали на слѣдующее трехлѣтіе, начальство находило исправника отличнымъ служакомъ и представляло къ наградамъ.

До высадки союзныхъ войскъ въ Евпаторіи, М. не могъ со всему яркостью проявить своихъ способностей. Какъ лихомецъ и вымогатель, онъ набивалъ себѣ карманы способомъ въ то время общепринятымъ, на счетъ пропавшихъ противъ закона, о которомъ, кстати сказать, большинство только и знало, что онъ существуетъ. Но лишь только появились турки, и въ уѣздѣ не оказалось никого изъ начальства, никого изъ влиятельныхъ помѣщиковъ, М. далъ волю своему необузданному корыстолюбію. Онъ понялъ, что настало его время, время полнаго, безотчетнаго самовластія, а тутъ еще ложка къ меду—ему дали конвой изъ уральскихъ казаковъ. М. явился во всей своей красѣ. У него, надо сказать, было свое имѣніе, которое онъ нажилъ отъ трудовъ праведныхъ на службѣ, и вотъ, въ первое время послѣ занятія Евпаторіи, онъ посвятилъ свою дѣятельность исключительно на то, чтобы обставить какъ слѣдуетъ это имѣніе, чтобы перевезти въ него то цѣнное имущество, ко-

торое бѣжаліе татары покинули въ своихъ аулахъ. Отъ такого рода занятій имѣніе М. вскорѣ стало складомъ безъ счетнаго количества хлѣбнаго зерна и небывало-большимъ загономъ для скота. Конечно, все это немедленно отправлялось на рынки въ Симферополь и переводилось на деньги. Но вотъ насталъ другой періодъ, когда изъ ауловъ все было взято. М. не потерялся; онъ безъ церемоніи захватывалъ рогатый скотъ, гдѣ бы тотъ ему ни встрѣчался и кому бы ни принадлежала. Одного императорскаго уѣзда было для него мало,—онъ переѣжалъ зачастую въ другой и тамъ продѣлывалъ то же. При этомъ можетъ невольно возникнуть вопросъ: да развѣ не рисковать по службѣ М.? Нѣть.—Но бумагамъ, реестрамъ, входящимъ и исходящимъ, онъ былъ примѣрнымъ, зоркимъ хозяиномъ уѣзда. Въ донесеніяхъ начальству онъ всегда въ подобныхъ случаяхъ грабежа говорилъ: „Удостовѣreno вполнѣ, что такой-то (кого онъ ограбилъ) имѣлъ неуклонное намѣреніе сбыть свой скотъ въ непріятельскій лагерь, а потому, къ предупрежденію этого, мною приняты надлежащія мѣры“. Рапортъ посланъ, скотъ пристроенъ въ исправничихъ загонахъ, и дѣлу конецъ.

М. грабилъ и артистически—тонко при помощи статей закона и очень грубо, дерзко при помощи нагайки,—все это смотря по обстоятельствамъ. Но этого мало. Этотъ въ высшей степени способный человѣкъ обладалъ еще однимъ качествомъ—распоряжаться свободно по части чужого семейнаго очага. Мнѣ приходилось слышать, что многіе татары переходили на сторону непріятеля изъ-за того лишь, чтобы избавиться отъ необузданнаго произвола господина М.

Такимъ образомъ жители уѣзда были беззащитны, стояли подъ тяжелымъ гнетомъ самоуправства и ждали войска. Но вотъ пришли войска, пришли уральские казаки, и что же? Грабежъ не уменьшился, а увеличился. Казаки нагло, безцеремонно являлись въ ночное время въ какую-нибудь деревню, разбивали ворота въ загонахъ, гдѣ находился скотъ, выгоняли его оттуда, сколько хотѣли, и исчезали съ нимъ безслѣдно. Вѣдній народъ стоялъ и со слезами на глазахъ смотрѣлъ, какъ грабятъ его добро. Сопротивляться, отбиваться никому не приходило въ голову по неравенству силъ. Да при томъ казаки грозили смертью тому, кто осмѣлитсѧ подойти къ нимъ ближе 10 шаговъ. Я самъ не разъ былъ свидѣтелемъ подобнаго грабежа и принялъ посильныя мѣры къ предотвращенію этого само-

управства. Видя, что казаки грабятъ не случайно, а систематически, я принужденъ быть подать обѣ втомъ докладную записку начальнику дивизіи генералу Врангелью, который жилъ въ то время въ дер. Джаменъ. Въ своей запискѣ я подробно изложилъ обстоятельства дѣла и просить генерала отдать по дивизіи соотвѣтствующее распоряженіе, а на мирныхъ жителей не гибнуть, если они начнутъ стрѣлять по грабителямъ. Моя докладная не осталась безъ вниманія: генераль Врангель подъ угрозой самаго строгаго наказанія запретилъ казакамъ разѣзжать ночью по деревнямъ, а тѣмъ болѣе что-нибудь брать по своему усмотрѣнію, безъ особаго приказанія начальства. Мирныхъ жителей, на случай, если къ нимъ появятся грабители-казаки, разрѣшено было стрѣлять въ нихъ. Съ той поры эти возвратительные грабежи прекратились, и помѣщицы вожили сравнительно покойно. Я говорю сравнительно, такъ какъ грабежи собственно не прекращались во все время пребыванія войскъ въ юздѣ; они получили только другое законное название: фуражировка и реквизиція.

Чтобы по возможности болѣе выяснить состояніе юзда въ эпоху Крымской войны, скажу нѣсколько словъ обѣ опустѣвшихъ евпаторійскихъ аулахъ. Я уже говорилъ о томъ, что многіе татары юзда цѣлыми партіями переходили на сторону турокъ, убѣгали въ Евпаторію, а все свое хозяйство, за исключеніемъ особенно цѣнныхъ вещей, бросали на произволъ судьбы. Минъ приплилось посѣтить нѣкоторые брошенные аулы. Видѣй ихъ былъ очень жалкій. Помню, я проѣзжалъ черезъ одинъ изъ нихъ. Уныло стояло 20—30 хатъ, нигдѣ не видно было живой души. Тишина мертвая, развѣ дворняжка кос-гдѣ залаетъ или жалобно завоетъ. Въ хатахъ все разбросано; на дворѣ тоже. Словомъ, всюду запечаталась послѣдняя минута передъ уходомъ хозяевъ, все говорило о томъ, что здѣсь не одинъ, не два человѣка, а вся деревня была на ногахъ, всѣ собирались, спѣвали, суетились, и всѣ сразу ушли. Чуланы и ямы были завалены зерновымъ хлѣбомъ. Все это было ничье, каждый могъ сдѣлаться его хозяиномъ. Разумѣется, такъ и было: многіе помѣщики воспользовались этимъ брошеннымъ добромъ. Я зналъ, наконецъ, многихъ бѣдняковъ, которые только этотъ и промышляли. Съ огромными навозками разѣзжали они по опустѣвшимъ ауламъ и забирали все, что можно было продать. Продавши одно, они

прѣзжали за другимъ и т. д. Зерновый хлѣбъ, овѣсъ, ячмень и сѣно сбывались ими скоро и съ болыпой выгодой. Такимъ образомъ у многихъ къ концу войны составился довольно солидный капиталъ. Но надо сказать при этомъ, что не много было такихъ людей, которые могли удержать легко нажитое: у большей части изъ нихъ все, что легко далось, такъ же легко и ушло. Поехать бывало кто-нибудь изъ нихъ въ Симферополь на рынокъ, продастъ все, а прѣдѣтъ домой ни съ чѣмъ. Беззавѣтно кутиль въ то время народъ, кто для того, чтобы въ винѣ замгушить тяжелыя мысли, кто отъ радости, что получили хорошия барыни и т. п., а въ результатѣ—многіе, кто прежде ничего не имѣлъ, составили себѣ состояніе, обирая другихъ; напротивъ же другіе изъ богатыхъ превратились въ нищихъ.

На жизненные продукты въ то время стояла крайняя дороговизна. Въ особенно высокой цѣнѣ были иностранные колоніальные товары, что объясняется прекращеніемъ сообщеній съ европейскими рынками. Что же касается нашихъ, то цѣна на нихъ подымалась, вонервыхъ, по причинѣ быстраго истощенія запасовъ, во вторыхъ, вслѣдствіе боязни торговыхъ людей рисковать капиталами, затѣмъ, бѣгствомъ татаръ съ табунами къ непріятелю и, наконецъ, тѣмъ, что почти все сельское населеніе занялось перевозкой босыхъ снарядовъ и множества другихъ вещей къ мѣстамъ расположнія войскъ.

Остается еще сказать обѣ свиаторійскихъ путяхъ сообщенія. Но что же о нихъ можно сказать? О нихъ можно только съ грустью думать. И въ настоящее время мы не знаемъ, какъ намъ быть въ дождливую осень, а тогда... тогда въ дождь или послѣ него нельзя было положительно сдѣлать нѣсколькихъ саженъ, чтобы затѣмъ не остановиться и не отбивать грязь отъ колесъ. Изъ нихъ получались сплошные грязевые круги. Безпрестанно по краямъ дороги торчали сломанныя колеса, валялись разѣхавшіяся повозки. Погонщики немилосердно били несчастныхъ лошадей, и тянулись животныя изъ невылазной грязи, но, выбившись изъ силъ, изнемогали и здѣсь же падали. Много по разнымъ дорогамъ валялось падали, вокругъ которой стаями летали грачи и жадно пожирали добычу.

ГЛАВА III-я.

Военные действия подъ Евпаторией. Стычки. Штурмъ города 5 февраля 1855 г. Вылазки непріятеля. Правы чиновниковъ того времени. Заключеніе. Русский человѣкъ умѣеть умирать за Россію, но не умѣеть жить для нея. Памятники войны.

Со дня занятія Евпаторіи она находилась во власти союзниковъ, которые имѣли тамъ сначала небольшой гарнизонъ. Въ то время нашихъ войскъ подъ Евпаторией не было совершенно, и только съ октября мѣсяца вокругъ нея мало-по-малу стала появляться кавалерія, и началась блокада города. Вслѣдъ за отдѣльными кавалерійскими отрядами появилась цѣлая дивизія. Она расположилась вокругъ города, возвела укрѣпленія, выставила артиллерию и стѣснила непріятеля до такой степени, что онъ не могъ не только заняться фурражировкой въ уѣздѣ, но даже пасти свой скотъ подъ городомъ. На этой почвѣ между непріятелемъ и нашими войсками происходили частыя стычки, изъ которыхъ казаки обыкновенно выходили побѣдителями и обогащались цѣлыми стадами непріятельского скота. Въ то время у нихъ подъ Евпаторией можно было пріобрѣсти лошадь копѣекъ за 25—30, а овецъ давали за трубку табаку и даже за доброе слово. Такая дешевизна появилась силою обстоятельствъ: кормъ истощился, а подвозъ его вслѣдствіе дурной, ненастной погоды и дурныхъ дорогъ былъ слишкомъ затруднителенъ и дорогъ.

Къ концу января 1855 г. нашихъ войскъ подъ Евпаторией стало значительно больше, а въ Евпаторіи къ тому же времени союзныхъ войскъ собралось чуть ли не 30 тысячи. Все это дѣлалось не безъ основаній. Въ виду извѣстій о томъ, что непріятель изъ Евпаторіи задумалъ дѣйствовать на наши сообщенія между Севастополемъ и Перекопомъ, въ Евпаторійскомъ уѣздѣ былъ учрежденъ особый, такъ называемый евпаторійскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Брангеля. Чувствуя небезопасное сосѣдство нашихъ войскъ, непріятель принялъ вновь за укрѣпленіе города. Профиль рвовъ былъ доведенъ до 2—3 саженей глубины и ширины; къ сѣверу отъ города было возведено передовое укрѣпленіе. Обращено было вниманіе также и на карантинъ, который пріобрѣлъ видъ крѣпости. Въ дополненіе ко всему на рейдѣ постоянно находилось 6 военныхъ пароходовъ. Такимъ образомъ Евпаторія стала грозной непріятельской позиціей. Намъ надо было съ своей

стороны обезопасить Севастополь отъ нападенія со стороны Евпаторіи, да и обезсилить врага, на случай, если бы онъ задумалъ дѣйствовать на нашу операционную линію: Севастополь-Переконъ. Съ этой цѣлью главнокомандующій князь Мениниковъ предписалъ барону Врангелю произвести нападеніе на Евпаторію, а за отказомъ его предложилъ, какъ извѣстно, исполнить это предпріятіе ген.-лейт. Хрулеву. Надо сказать, что положеніе Евпаторіи, какъ оборонительной позиціи, было весьма не дурно, за исключеніемъ развѣ того, что не было пути отступленія. Но, съ другой стороны, сознаніе, что спасаться некуда, зачастую приноситъ дѣлу гораздо большии пользы, чѣмъ возможность отступленія. Главное достоинство этой оборонительной позиціи заключалось въ томъ, что она давала возможность всѣ подступы къ городу держать подъ сильнымъ отнемъ флота. Цѣлесообразна ли была атака, или нѣть, обѣ этомъ мы умолчимъ, но фактъ тотъ, что ее назначили на 5 февраля и держали это въ большомъ секрѣтѣ. Но какъ мы ни старались скрыть своего намѣренія, однако турки заблаговременно узнали о немъ отъ одного поляка-дезертира изъ нашего лагеря и на всякий случай усилили городъ войсками и особенно артиллерией.

Еще съ вечера 4 февраля Хрулевъ придвинулъ нашу артиллерию на полъ-версты отъ города, а съ 6 часовъ утра на слѣдующій день началь артиллерійскую подготовку атаки. Наши пушки непрестанно гремѣли; непріятель отвѣчалъ жестокой кононадой изъ укрѣпленій, окружающихъ городъ. Хрулевъ наступалъ со стороны Перекопской дороги. Наша артиллерія дѣйствовала очень усиленно и подъ конецъ заставила непріятеля почти совершенно прекратить огонь. За короткое время у него было взорвано 5 зарядныхъ ящиковъ и подбито нѣсколько орудій. Между тѣмъ не смотря на градъ шуль, ядеръ, карточи и др. снарядовъ, летѣвшихъ изъ города и пароходовъ, наши войска быстро подвигались впередъ. Греческие волонтеры изъ турецко-подданныхъ и донскіе казакишли впереди. Подойдя къ кладбищенской стѣнѣ, они перелѣзли ее и залегли за памятниками не дающе, какъ въ 50 шагахъ отъ городской стѣны. Пользуясь прикрытиемъ, они завязали самую живую перестрѣлку и вели ее около 4-хъ часовъ. Но взять Евпаторію оказалось невозможнымъ, въ 11 ч. утра былъ данъ отбой, и наши герои отступили.

Мы потеряли въ бою болѣе 700 человѣкъ, а непріятель до 400. Турки, между прочимъ, потеряли командующаго сипетскими войсками послѣдняго Мамелюкскаго генерала Селимъ-пашу. Мнѣ рассказывали очевидцы, что во время бомбардированія города непріятельскими войсками до такой степени овладѣлъ страхъ, что они начали кавалерію и артиллерию отправлять для погрузки на пароходы и только тогда прекратили погрузку, когда нашимъ войскамъ было данъ сигналъ къ отступленію.

Послѣ неудавшагося штурма, наши войска продолжали блокировать городъ и тревожить непріятеля. У казаковъ были довольно часто серьезныя стычки, изъ которыхъ они обыкновенно выходили побѣдителями. Непріятель дѣлалъ вылазки. Такъ, напримѣръ, у него была вылазка 21 февраля, которая окончилась постыднымъ бѣгствомъ лучшей турецкой кавалеріи. Почти то же было 2 марта.

Однимъ словомъ, говоря о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Евпаторіей, мы можемъ сказать, что если послѣ штурма города и не повторялись большия, продолжительныя битвы, то тѣмъ не менѣе каждую минуту приходилось ожидать таковыхъ и обѣимъ сторонамъ нужно было держаться въ напряженномъ состояніи.

Закончилась война, ушелъ непріятель. Въ началѣ мы говорили о томъ, что цѣли Крымской войны для русскихъ были неясны, неопределены, что выраженіе „турки бунтуютъ“, съ которымъ мы брались за винтовку, не воодушевляло да и не могло воодушевить и подвигнуть народныхъ массы. Это справедливо было однако только для начала войны. Но какъ только европейская коалиція окончательно образовалась, когда со всѣхъ сторонъ приходилось ожидать вторженія врага, наконецъ, когда мы у себя въ отечествѣ столкнулись съ врагомъ,— положеніе значительно измѣнилось. Туманныя, невыясненная цѣли замѣнились другими— твердыми, вполнѣ определенными. Ясно стало всѣмъ, что надо дѣлать, что надо защищать отечество, отстоять свою землю, прогнать врага. Необходимость обороны стала всѣмъ понятна, и все, что мыслило и могло дѣйствовать въ Россіи, сосредоточилось на этой цѣли. Здѣсь сказался народный русскій духъ. Защитники Крыма показали всѣмъ, что крѣпость и сила русского народа не въ штыкахъ и пушкахъ, а въ немъ самомъ, что укрѣпленія его не бастіоны

и форты, а собственная грудь и кровь. Любовь къ родинѣ движетъ русскимъ народомъ и творить чудеса.

Однако дальше этого, дальше именно такой обороны, тогдашняя Россія не могла пойти; она не въ силахъ была обороняться отъ тягостныхъ требованій Европы, зашедшіхъ за предѣлы необходимости очевидной и тѣхъ непосредственныхъ цѣлей, которыхъ пробудили народный духъ. Многое можетъ сдѣлать русскій народъ, но въ то время, по мѣткому выраженію, не помню кого, онъ могъ только умирать за Россію, но не умѣть жить для нея!

Таковъ былъ русскій народъ и подъ Севастополемъ и подъ стѣнами Евпаторіи.

Евпаторію сравнительно съ Севастополемъ мало задѣла война, а какъ все же чувствительны были здѣсь потери!

Мечъ Марса проникъ не только туда, къ чему прикасался; мертвое, подкошенное имъ падало на цѣлос, здоровое, гнуло его, валило, и въ концѣ концовъ получалась тяжелая картина разрушенія. Не только дома, стѣны, наконецъ не только тѣла падали подъ грозными ударами меча—имъ разорялись жизни даже тѣхъ, кто стоялъ далеко отъ него; удары его жестоко отражались также на хозяевахъ и хозяйстввахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы послѣ войны? Какъ,казалось она на Евпаторіи? Впервыхъ, населеніе уѣзда и города значительно уменьшилось и потому, что татары бѣжали, и потому, что русскіе бѣжали. А бѣжали русскіе по слѣдующей причинѣ. Когда въ уѣздѣ наступило смутное время войны, и жители поняли свое почти безвыходное положеніе, когда у каждого изъ нихъ или войска или грабители забирали послѣднее имущество, а если не забирали то можно было ожидать съ минуты на минуту, что явятся и заберутъ, когда каждый, живя здѣсь, не могъ надѣяться на свои силы и обеспеченность отъ честнаго труда, —тогда началось переселеніе. Уходили малодушные, уходили трусивые, уходили честные, уходили негодяи, каждый по особымъ причинамъ. Одни уходили, боясь, что уѣздѣ останется безъ посѣвовъ хлѣбнаго зерна и наступить голодъ; другіе уходили, страшась эпидеміи. Надо сказать, что въ то время въ Симферополѣ открылся убийственный тифъ, который поглощалъ ежедневно десятки жертвъ. Уходили, мы говоримъ, но вопросъ: съ чѣмъ уходили? Всѣ эти люди спѣшили ни за что продавать свое имущество, а если не

продавали, то оставляли и уѣзжали. Хорошо ли дѣлали они, дурно ли, рѣшить намъ трудно, но фактъ тотъ, что они разорялись, что съ каждымъ днемъ таяли ихъ средства.

А тѣ, кто остался? Многаго они не досчитались послѣ. О правильномъ веденіи хозяйства въ уѣздѣ забыли думать. Все и всѣ перебивались, какъ говорится, съ мѣсяца на мѣсяцъ. По окончаніи войны многимъ хозяевамъ пришлось начинать почти съ знова, обзаводиться скотомъ, сѣномъ, зерномъ и прочимъ другимъ. Правда, война была на руку тѣмъ, кто могъ ловить рыбу въ мутной водѣ, но вѣдь это только усиливаетъ темный фонъ картины общихъ тяжелыхъ послѣдствій войны.

Городъ остался почти полуразрушеннымъ, и благодаря тому, что въ немъ значительно уменьшилось число жителей, онъ долгое время не могъ подняться на прежнюю высоту. Не такъ давно еще на ряду съ главной улицей стояли пустыри, развалины.

И такъ, вмѣстѣ съ войной въ Евпаторіи капиталы уменьшились, жители обѣднѣли, городъ разорился. Въ уѣздѣ происходило то же самое.

Проходитъ время, сглаживаются воспоминанія, обновляется жизнь. Для всѣхъ, говорять, время лучшій утѣшитель, и Евпаторія, надо думать, въ этомъ отношеніи „не сѣла у Бога теленка“. Забылось здѣсь прошлое скоро, какъ только некому стало помнить его изъ очевидцевъ и пострадавшихъ.

Теперь развѣ только памятникъ, что стоитъ за городомъ, привлечетъ мимолетное вниманіе деревенского путника и поставить лишній разъ его въ недолгое недоумѣніе; лишній разъ онъ осерчаетъ, когда лошади ночью испугаются его. Еще не разъ опять-таки за городомъ помянеть непріятеля лихомъ извозчикъ, объѣзжая остатки турецкой батареи. Вотъ и всѣ въ Евпаторіи памятники войны. И я думаю иувѣренъ въ томъ, что эти памятники дадутъ пищу многимъ и многимъ, кто интересуется прошлымъ не только своего города, но и отечества.

Первое, что бросается въ глаза любознательному человѣку, это остатки тѣхъ сооруженій, которыхъ возвелъ непріятель вокругъ города. Они почти всѣ упѣлѣли. На нихъ и по нимъ можно судить о многомъ. Въ особенности хорошо сохранилось выдающееся впереди города укрѣпленіе по

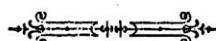
дорогъ къ деревнѣ Багай. Это укрѣпленіе имѣеть видъ неправильнаго бастіона.

Кромѣ укрѣпленій, разбросанныхъ непосредственно на окраинахъ города, сохранилось нѣсколько передовыхъ редутовъ, которые воздвигъ непріятель сравнительно далеко отъ города уже послѣ 5-го февраля, т. е. послѣ атаки города.

На восточной сторонѣ города, по дорогѣ на Перекопъ, находится кладбище, черезъ которое шли на штурмъ наши войска. На этомъ кладбищѣ есть могила французскихъ солдатъ, похороненныхъ здѣсь послѣ штурма. На могилѣ лежитъ плита.

Къ числу уцѣлѣвшихъ сооруженій въ память войны принадлежитъ и памятникъ, который находится за городомъ, по дорогѣ въ дер. Багай; онъ представляетъ собою четырехграниную колонну изъ мрамора; наверху поставленъ желѣзный крестъ. На двухъ сторонахъ памятника высѣчены надписи на русскомъ и караимскомъ языкахъ: „Въ память потомству сооруженъ усердіемъ евпаторійскаго караимскаго общества въ 1858 году“. На противуположныхъ сторонахъ: „Храбрымъ защитникамъ вѣры, царя и отечества, павшимъ здѣсь 5 февраля 1855 года“. Памятникъ окруженъ желѣзной решеткой.

B. Раковъ.

ГУРЗУФЪ

И ЕГО БЛИЖАЙШИЯ ОКРЕСТНОСТИ ВЪ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНИИ.

I.

Исторический очеркъ мѣстности.

Однимъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Крыма является безспорно Гурзуфъ съ его ближайшими окрестностями. Находясь всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ молчаливаго и величественнаго Аю-Дага, огражденный частью отвѣсными, частью отлогими склонами Яйлы, Гурзуфъ, со своими скалами и бухтою, весь тонущій въ массѣ виноградниковъ, кипарисовыхъ и лавровыхъ аллей, гигантскихъ тополей и вѣчно-зеленыхъ экзотическихъ растеній, омываемый волнами безбрежнаго Чернаго моря, производить чарующее, волшебное впечатлѣніе. Но не однѣ красоты роскошной природы, а также мѣстныя удобства жизни и плодородіе края еще сыздавна обращали на него вниманіе людей. Доказательствомъ этого служатъ находящіяся вблизи Гурзуфа многочисленныя развалины древнихъ стѣнъ и церквей и наконецъ остатки въ самомъ Гурзуфѣ небольшого укрѣпленія, основаніе которому положено въ VI вѣкѣ византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ I.

Масса урошицъ съ загадочными наименованіями въ ближайшихъ окрестностяхъ Гурзуфа, самъ величественный Аю-Дагъ съ остатками древнихъ укрѣпленій на немъ и цѣльмъ рядомъ разновременныхъ могильниковъ и церквей у его подошвы—все это вмѣстѣ взятое придастъ особый научный интересъ данной мѣстности и указываетъ на ряду съ часто находимыми въ почвѣ древними украшеніями и монетами, что она имѣеть свою многовѣковую исторію, почти уже теряющуюся въ туманѣ прошлаго.

Кто были аборигены этого края—точно не известно. Геродотъ говорить, что на южномъ берегу Тавриды обитаютъ тавро-скиѳы, народъ дикій, темнаго происхожденія.

Они приносятъ въ жертву своеї богинѣ Артемидѣ выброшенныхъ бурею на берегъ негостепріимнаго Понта иностранныхъ корабельщиковъ. Были обитаемы въ глубокой древности и ближайшія окрестности Гурзуфа, на что, по видимому, указываютъ одинокія мегалетическія сооруженія въ имѣніи Артекъ у подножія Аю-Дага, верстахъ въ пяти къ востоку отъ Гурзуфа.

Съ VI вѣка до Р. Х. берега Тавриды покрываются цѣлой сѣтью городовъ, основанныхъ выходцами изъ Греціи и Малой Азіи. Удобства жизни, отличныя гавани, сосѣдство такихъ центровъ, какъ Херсонесъ, Феодосія и наконецъ Пантикея, столица Босфорскаго царства, сыграли, повидимому, видную роль въ заселеніи южнаго берега Крыма. Хотя въ районѣ Гурзуфа и не было греческихъ городовъ, но тѣмъ не менѣе отдѣльные поселки могли существовать и, повидимому, существовали. Такъ Птоломей у Аю-Дага (Бараньяго лба) видитъ два небольшихъ поселенія. Повторяемъ, что слѣдовъ ихъ пока не найдено, но дальнѣйшія изысканія на южномъ берегу Крыма ихъ, надо думать, откроютъ.

Въ I вѣкѣ по Р. Х. Босфорское царство подпадаетъ подъ римское владычество. Мы видимъ стоянку римского легіона на Ай-Тодорскомъ мысу; подобная-же стоянка возможна и вблизи Гурзуфа, именно на Аю-Дагѣ или Кастелѣ. Въ IV вѣкѣ по Р. Х. бурная волна нахлынувшихъ варваровъ разрушаетъ могучее нѣкогда Босфорское царство. Греко-римское вліяніе на Тавриду прекратилось, города были разрушены. Начинается періодъ варваровъ, часть которыхъ въ лицѣ Готовъ проникаетъ на южный берегъ, въ окрестности Гурзуфа, Партенита и Алушты, и здѣсь остается въ теченіе значительнаго промежутка времени, можетъ быть, до X вѣка. Затѣмъ готы мало-по-малу исчезаютъ и лишь въ глухихъ горахъ около Мангупа держатся до XV-го вѣка.

Первое указаніе о пребываніи готовъ вообще на южномъ берегу Крыма и въ частности въ окрестностяхъ Гурзуфа мы находимъ въ VI вѣкѣ у византійскаго писателя, префекта Константинополя при императорѣ Юстиніанѣ I—Прокопія, написавшаго большої трактатъ о постройкахъ императора. Изъ этого трактата мы узнаемъ, что Юстиніанъ построилъ въ области Доросъ, лежащей между Босфоромъ (Керчью) и Херсонесомъ, въ странѣ, еще ссыздавна занятой готами, не послѣдовавшими съ Теодорихомъ на за-

падъ, два замка или укрѣпленія: Алустонъ (Алуиту) и Гурзовиту (Гурзуфъ) для огражденія солозныхъ съ нимъ готовъ отъ постороннихъ вторженій. Одно это краткое свѣдѣніе подтверждаетъ уже, что крымскіе таты еще въ VI вѣкѣ находились подъ властью Византіи. Центрами ихъ пребыванія здѣсь являются Гурзуфъ и Алушта. Въ VIII вѣкѣ они попросятъ себѣ епископа изъ Византіи.

Самымъ извѣстнымъ татскимъ епископомъ является Иоаннъ Исповѣдникъ, жившій въ VIII вѣкѣ. Онъ родился въ торжищѣ Паренитѣ (нынѣшній Партенитъ). Здѣсь, у подножья Аю-Дага, онъ строитъ монастырь Св. Апостоловъ, снабжаетъ его богатыми сосудами и книгами. Въ это время, не смотря на сильныя укрѣпленія, воздвигнутыя Византійскимъ императоромъ, готовъ начинать тѣснить, пользуясь внутренними раздорами въ самой Византіи, обитавшию востоку отъ нихъ хозары. Святитель бѣжалъ въ Амастиду, гдѣ и скончался; прахъ его былъ перевезенъ въ Крымъ и похороненъ въ имѣже основанномъ монастырѣ. Монастырь этотъ существовалъ до X вѣка, затѣмъ были разрушены и лишь въ XV вѣкѣ возобновленъ. Въ 1871 г. Струковъ открылъ соборную монастырскую церковь Св. Апостоловъ у перевала изъ Артека въ Партенитъ.

Въ XIII вѣкѣ дикія орды татарь нахлынули въ стениную часть Крыма и начали тѣснить византійцевъ. Послѣдніе, не будучи въ состояніи удержать въ своихъ рукахъ колонію южнаго берега Крыма, уступаютъ, съ согласіемъ крымскихъ хановъ, торговыя факторіи генуэзцамъ. Послѣдніе воздвигаютъ въ Гурзуфѣ сильныя укрѣпленія, дѣлая изъ него отличный портъ и назначая въ немъ особаго консула и военачальника. Въ рукахъ предпріимчивыхъ и высокопросвѣщенныхъ генуэзцевъ Гурзуфъ возрастаетъ и обращается въ богатѣйшую колонію, играя роль важнаго торгового пункта. Наконецъ, послѣ паденія Константинополя, онъ переходитъ подъ власть турокъ, призванныхъ татарами, недовольными столъ сильными союзами. Владычество турокъ и татарь продолжалось здѣсь до Кучукъ-Кайнарджийскаго мира. За этотъ турецко-татарскій періодъ Гурзуфъ изъ цвѣтущей торговой факторіи превратился въ небольшое захудалое поселеніе.

Нашъ краткій историческій очеркъ показываетъ, съ какимъ огромнымъ періодомъ времени долженъ считаться Гурзуфъ. Въ его близайшихъ окрестностяхъ цвѣла вѣ-

реница народовъ смѣнила одинъ другой; въ силу извѣстныхъ случайностей эти народности обитали въ немъ большій или меньшій промежутокъ времени, оставляя по себѣ цѣлый рядъ культурныхъ особенностей въ мѣстныхъ памятникахъ древности.

II.

Могильникъ—Суукъ-су.

Къ западу отъ Гурзуфа, приблизительно въ двухъ верстахъ по дорогѣ къ Аю-Дагу, высится холмъ, сильно возвышающійся надъ всей мѣстностью. У мѣстныхъ жителей онъ слыветъ подъ названіемъ „Лысаго бугра“. Съ юга онъ полого спускается къ морю, образуя уроцище „Хозары“. Уроцище это въ настоящее время представляетъ отчасти пустырь, перерѣзанный дорогою и, въ большей своей части, занято имѣніемъ г-жи Соловьевой Суукъ-су; до занятія его имѣніемъ, оно представляло изъ себя ровное, нѣсколько наклоненное плато, густо заросшее терновникомъ и загроможденное массивами камня, свалившагося съ Лысаго бугра.

Въ 1900—1902 годахъ изъ находокъ на названномъ уроцищѣ мною составлена была небольшая, но характерная коллекція вещей. Вещи эти находились въ гробницахъ, открытыхъ при прокладкѣ дороги, и были всѣ такъ называемаго готскаго типа. Въ 1903 году Императорская Археологическая Коммиссія командировала меня и Н. Е. Макаренко для производства раскопокъ на мѣстѣ находокъ, которые были начаты въ началѣ августа и продолжались до половины сентября.

Огромный научный интересъ раскопокъ побудилъ Императорскую Археологическую Коммиссію озабочиться продолженіемъ начатыхъ работъ. Въ началѣ декабря я принялъ вновь за окончательное обслѣдованіе могильника, которое окончили въ концѣ января 1904 г.

Раскопками на могильникѣ добыты слѣдующіе результаты.

Могильникъ оказался двухслойнымъ.

а) Верхній слой, на глубину полутора аршинъ, состоять изъ каменныхъ ящиковъ, изрѣдка накрытыхъ плитами. Большинство ихъ обращено съ востока на западъ и заключаетъ въ себѣ отъ одного до пяти костяковъ. Могилы оказались крайне бѣдны вещами, заключая въ себѣ лишь ножи,

поясные пряжки и др. мелочи. Время верхнего слоя, по некоторымъ даннымъ, относится къ IX и X вѣку по Р. Х.

в) Нижний слой состоить изъ могиль безъ каменныхъ ящиковъ. Онъ вырыты въ земль и изрѣдка покрыты досками. Глубина ихъ затеканія до одной сажени. Могилы эти заключаютъ въ себѣ по два или болѣе костяковъ, головами на западъ.

Вещи здѣсь рѣзко отличаются отъ вещей верхнаго слоя. Они принадлежатъ къ вещамъ такъ называемаго *меровингскаго* или *готскаго* типа. Между ними находятся фибулы изъ серебра и бронзы (родъ застежекъ для плаща), огромныя серебряныя пряжки, усиленно усыпаныя инкрустациами изъ стекла и гранатовъ. На шеѣ костяковъ богатыя ожерелья изъ смѣси различныхъ бусъ и амулетовъ, между которыми попадаются и золотые треугольники. На рукахъ костяковъ массивные браслеты изъ серебра, на вискахъ серьги различныхъ типовъ, чаще всего изъ золота; большинство серегъ украшено гранатами. Кромѣ перечисленныхъ предметахъ встрѣчаются масса различныхъ мелочей.

Время нижнаго слоя съ достаточной точностью опредѣляется найденными въ могилахъ монетами VI и VII в. по Р. Х.

Вещи, добытыя путемъ раскопокъ въ этомъ могильнике, принадлежать къ крайне рѣдкому у насъ въ Россіи типу эпохи великаго переселенія народовъ, такъ называемому меровингскому или готскому типу. Центромъ находокъ вещей данного типа является западная Европа, отчасти Венгрія, но колыбелью его нужно считать южную Россію. Именно здѣсь мы встрѣчаемъ наиболѣе ранніе его образцы; здѣсь-же легче прослѣдить ихъ отношеніе къ искусству, какъ античному и восточному, такъ и примитивно-варварскому.

Стиль подѣлокъ венцей данного типа опредѣляется отчасти какъ формой, такъ и техникой самыхъ подѣлокъ. Преобладаетъ рѣзьба, скань и филигрань. Крайне интересной является манера украшать предметы цвѣтными инкрустациями изъ темныхъ сирійскихъ гранатовъ, цвѣтныхъ стеколъ и алѣмандиновъ.

Кромѣ формы, стиля и техники, крайне интересною является орнаментика вещей, именно такъ называемый звѣринный орнаментъ, состоящій изъ сложныхъ переплетеній всевозможныхъ животныхъ, преимущественно гадовъ и

птицъ, при томъ не въ полномъ, а стилизованномъ видѣ. На подѣлкахъ встрѣчены и отдельные части фигуры, даже одинъ глазъ.

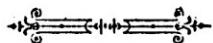
Раскопками названнаго могильника, пока единственна-го въ Россіи, вносится цѣнныій вкладъ въ науку родной старины, именно:

1) Устанавливается хронология вещей данного типа въ Россіи.

2) Указывается родина этого стиля, южная Россія, что до послѣдняго времени усиленно отрицалось.

3) Могильникъ Суукъ-су является прототипомъ для всѣхъ другихъ могильниковъ данной культуры, которые со временемъ будутъ открыты на южномъ берегу Крыма.

Н. Рѣпниковъ.

Жертвы государственныхъ крестьянъ Таврической губерніи во время Крымской войны. (По материаламъ архива Управления Государственными Имуществами Таврической и Екатеринославской губерній).

Ко времени Крымской войны въ вѣдомствѣ таврической палаты государственныхъ имуществъ состояло 426,802 души государственныхъ крестьянъ обоего пола, на долю которыхъ выпалъ цѣлый рядъ безкровныхъ жертвъ, вызванныхъ обстоятельствами военного времени. Повинности: дорожная, подводная и квартирная отбывались, главнымъ образомъ, государственными крестьянами, и наша задача въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы представить точные свѣдѣнія объ участіи государственныхъ крестьянъ Таврической губерніи во время Крымской войны въ общегосударственномъ дѣлѣ.

Едва только стихла севастопольская кононада, новороссийскій и бессарабскій генералъ - губернаторъ графъ Строгановъ, „признавая необходимымъ имѣть для нѣкоторыхъ соображеній, положительныя, по возможности, свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ сословіе государственныхъ крестьянъ Таврической губерніи способствовало правительству въ дѣлѣ окончившейся войны“, 10 апреля 1856 года просилъ управляющаго таврическою палатою государственныхъ имуществъ сообщить ему эти свѣдѣнія по программѣ, изложенной въ 16-ти вопросныхъ пунктахъ.

Отвѣты на эти вопросы, сообщенные управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ графу Строганову 18 того-же апреля, и раскрываютъ передъ нами картину участія государственныхъ крестьянъ въ тылу действующей арміи.

Численность государственныхъ крестьянъ Таврической губерніи, какъ выше указано, составляла въ періодъ Крымской войны 426,802 души обоего пола (228,459 мужчинъ и 198,343 женщинъ). По округамъ населеніе, это распредѣлялось такимъ образомъ:

Симферопольскій —	—	39,929	муж.	32,444	женщ.
Евпаторійскій —	—	20,435	"	16,702	"
Феодосійскій —	—	26,628	"	20,408	"

Перекопский — — —	26,186	муж.	19,989	женщ.
Днѣпровскій — — —	25,536	"	23,969	"
Мелитопольскій — — —	44,547	"	44,019	"
Бердянскій — — —	45,198	"	41,044	"

Такимъ образомъ въ четырехъ крымскихъ уѣздахъ числилось 202,721 душъ обоего пола, а въ трехъ сѣверныхъ 224,081 душа. Во время же войны изъ крымскихъ уѣзовъ убыло („передалось непріятелю“) 27,831 душа, а именно изъ Евпаторійскаго уѣзда—19,885 душъ, Симферопольскаго—6,460 и Феодосійскаго—1,486 душъ.

Эти цифровыя данныя объ общей численности государственныхъ крестьянъ могутъ имѣть значеніе при опѣнкѣ ихъ заслугъ въ дѣлѣ отбыванія всякихъ родъ повинностей въ Крымскую войну, и потому они поставлены въ началѣ нашего сообщенія.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ графу Строганову управляющимъ таврическою палатою государственныхъ имуществъ, въ 1853—54—55 г.г. прошло въ Крымъ всѣхъ вообще войскъ 450,000 слышкомъ, и всѣ эти войска, въ продолженіе войны, находились большею частью въ предѣлахъ полуострова. „А сдѣлали войска эти во всей губерніи—нискаль управляемой палатою—передвиженій въ означенные годы, по маршрутамъ, въ такомъ размѣрѣ, какъ-бы количество войскъ всѣхъ составляло болѣе 700,000 человѣкъ, ибо одни и тѣ-же войска дѣлали нѣсколько разъ передвиженія въ разныя пункты губерніи“. Для передвиженія войскъ употреблено подводъ: въ 1853 году—115,155; въ 1854 г.—357,520; въ 1855 г.—405,739. Стоимость этихъ подводъ составляла въ 1853 г.—81,260 руб., въ 1854 г.—409,087 р. и въ 1855 г., когда фуражъ былъ особенно дорогъ,—1,151,598 руб. За поставку-же ихъ поселянамъ выдано 40,460 контрамарокъ на сумму 30,345 руб. и за перевозку раненыхъ—до 15,000 руб.

Кромѣ войскъ государственными крестьянами перевезено продовольственныхъ припасовъ по паряду, съ платою прогоновъ, въ зиму 1854 года изъ Керчи, Геническа и Пerekopa въ Симферополь и Севастополь 75,711 четвертей, въ лѣто и осень 1855 г. изъ Ярошика въ Бахчай—78,076 четвертей, изъ Аирчи въ Симферополь и частью въ пункты Евпаторійскаго уѣзда 301,768 четв., изъ Аирчи въ Джамбуильюкъ, Днѣпровскаго уѣзда 10,000 четв., изъ Геническа

въ Ярошикъ и изъ Бердянска въ Мелитополь 8,508 четв., изъ Симферополя въ Алушту въ зиму 1855 г.—1,320 четв., въ зиму 1855—56 г.г. по крымскому полуострову 35,603 четв., изъ съверныхъ округовъ въ Бахчисарай и другія мѣста крымскаго полуострова 62,630 четв., а всего 573,616 четвертей, да колонистами и менонитами 121,653 четв. и помѣщичьими крестьянами 30,916 четв., что составить всего до 740,000 четвертей, не считая сѣна, котораго перевезено изъ съверныхъ уѣздовъ въ Крымъ 2,060,051 пудъ.

Для исправленія дорогъ было выставлено бесплатно: въ 1854 году—81,762 человѣкъ и въ 1855 г.—93,814 челов., „исключая тѣхъ, кои занимались устройствомъ шоссе между Симферополемъ и Севастополемъ (до 160,000 человѣкъ), коимъ въ послѣднее время производилась незначительная плата“. Для производства работъ по Арабатской крѣпости наряжено было бесплатно изъ Арма-Элинской волости Феодосийскаго уѣзда 2,200 человѣкъ, а для работъ при постройкѣ батареи у Голой-пристани, Чалбасъ и Покровскаго—3,309 человѣкъ и 1,839 подводъ.

Государственные крестьяне Днѣпропетровскаго, Мелитопольскаго и Бердянскаго округовъ пожертвовали 25,820 четвертей ржи (по другимъ свѣдѣніямъ 31 тыс. четв.), перемололи ее въ муку и напекли сухарей, которые доставили на своихъ подводахъ въ Крымъ. „Хотя за перемолъ ржи въ муку, перепеченіе изъ нея сухарей и за перевозку взяты государственными крестьянами деньги, но операція эта исполнена ими съ огромною уступкою для казны противу цѣни, объявленныхъ на торгахъ въ провіантской комиссіи“, которая составляетъ болѣе 100,000 руб.

Государственные крестьяне (русскіе) Мелитопольскаго и Бердянскаго округовъ приняли на свое попеченіе и содержаніе: Мелитопольскіе—2,500 и Бердянскіе—2,200 раненыхъ; ногайцы-же этихъ округовъ перевезли раненыхъ на своихъ подводахъ; для улучшенія имъ пищи въ пути крестьяне пожертвовали до 600 р.; въ селеніяхъ своихъ устроили пять постоянныхъ больницъ съ кроватями, бѣльемъ и всѣмъ необходимымъ и содержали трудно больныхъ и раненыхъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ на особый капиталъ, продовольствовали ихъ улучшенной пищей и даже медикаментами. Все это можно оцѣнить въ 20,000 руб. сер.

Затѣмъ, когда войска стали проходить огромными массами и когда содержаніе отдѣльныхъ больныхъ въ ихъ ла-

заретахъ „сдѣлалось тягостно и стало превышать мѣру возможности поселянъ“, ибо содержаніе нижнихъ чиновъ раненыхъ и больныхъ стоило государственнымъ крестьянамъ до 120,000 руб. сер.,— было испрошено казенное пособіе— по 20 коп. въ сутки на человѣка.

Далѣе сообщается слѣдующій перечень крестьянскихъ пожертвованій.

Ногайцы Днѣпровскаго, Мелитопольскаго и Бердянскаго округовъ пожертвовали 940 штукъ рогатаго скота стоимостью не меныше 16,000 руб. сер., которые доставили въ Крымъ и сдали въ дер. Дуванкой.

Государственные крестьяне („христіане“) Мелитопольскаго и Бердянскаго округовъ пожертвовали и доставили войскамъ 20,000 ведерь квашнной капусты, на сумму 10,000 руб. сер.

Ногайцы волостей Ульконъ-Бескенлынскай, Югартам-галынскай и Шуготъ-Джуретской, Бердянскаго округа, пожертвовали 75 конныхъ подводъ (бричекъ и лошадей). на сумму 15,000 руб. сер., которые предоставили въ распоряженіе войскъ на все время войны.

Крымскіе татары пожертвовали, для составленія коннаго подвижного парка, 2,500 лошадей и 963 сѣдла на сумму 80,000 руб.

Ѳеодосійскаго округа татары пожертвовали хлѣба 81 четверть на сумму 440 р. 50 к., рогатаго скота 46 штукъ на 920 р., овецъ 66 штукъ—(99 р.), топлива 180 возовъ—(360 руб.) и деньгами 1,211 руб. 13 $\frac{1}{2}$ коп.

Мелитопольскаго округа русскіе и ногайцы выставили въ Симферополь 800 конныхъ подводъ для перевозки изъ Севастополя въ Симферополь раненыхъ и на другія надобности. Кромѣ того по тракту отъ Берислава на Севастополь, въ помошь крымскимъ татарамъ, выставлено для ускоренного передвиженія войскъ до 2,000 подводъ, которые стояли на мѣстахъ три недѣли, занимаясь перевозкою войскъ, что оцѣнено въ 30,000 руб. сер.

Государственными крестьянами Днѣпровскаго, Мелитопольскаго, Бердянскаго, Симферопольскаго, Ѣеодосійскаго и Евпаторійскаго округовъ, преимущественно первыхъ трехъ, выставлено на всѣхъ пунктахъ, по случаю ускоренного движенія войскъ, слѣдовавшихъ на подкрѣпленіе въ Крымъ, болѣе 4,200 подводъ сверхъ положенія, на сумму 18,400 руб.

Въ пользу раненыхъ воиновъ пожертвовано государственными крестьянами:

- 1) Мелитопольского округа: деньгами 240 р., 1,600 рубахъ и до 16 пудовъ бинтовъ, корпіи и компрессовъ.
- 2) Бердянского округа: деньгами 225 руб., 1,073 рубахъ, 320 аршинъ холста. 84 простыни.
- 3) Татарами Айкишской волости Феодосийского уѣзда на улучшеніе пищи раненыхъ 100 руб. и дер. Тувакъ, Симферопольского округа, 30 руб.

Наконецъ, при проходѣ войскъ государственными крестьянами всѣхъ округовъ „сдѣлано было воинамъ приличное угощеніе улучшеною пищею и винною порцію, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по возможности выдавали для казенныхъ лошадей фуражъ“. На все это издержано болѣе 30,000 р. сер.

Представляя графу Строганову всѣ эти свѣдѣнія, управляющій таврическою палатою государственными имуществами ст. сов. Брадке докладывалъ, что „черезъ усиленное содѣйствіе войскамъ государственные крестьяне пришли въ немалое разстройство по хозяйству“, почему онъ полагалъ необходимымъ: 1) „освободить ихъ отъ дачи того числа рекрутъ, какое съ нихъ причиталось по всѣмъ прошедшемъ наборамъ, когда они, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій въ Крыму, изъяты были отъ поставки рекрутъ, каковое освобожденіе не считать на нихъ въ долгу на будущее время; 2) освободить ихъ отъ взысканія недоимокъ, числящихся на нихъ по разнымъ сборамъ (общею суммою 469,916 руб. 33 к.), предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ во взносъ текущихъ платежей съ настоящаго (1856) года облегченіе скращеніемъ таковыхъ въ сѣверныхъ уѣздахъ на половину въ теченіе будущаго 1857 г., а въ Крыму въ теченіе трехъ лѣтъ—тоже на половину, пока поправится ихъ хозяйство, ибо для поправленія хозяйства поселянъ недостаточно будетъ только того, что разрѣшено купить рабочій скотъ для тѣхъ изъ поселянъ, которые въ теченіе военного времени лишились совсѣмъ скота, вслѣдствіе тяжкой подводной погибности; затѣмъ 3) ходатайствовать о неотложной покупкѣ 7,000 паръ воловъ къ разрѣшенному 3,000 паръ, дабы дать возможность обсѣменить поля озимымъ хлѣбомъ. Безъ этого пособія—заключалъ Брадке—одни денежные средства не обеспечатъ край и жителей—хлѣбопашцевъ“.

Сообщилъ А. Романюкъ.

Учебныя заведенія Таврической губерніи во время Крымской войны. (По дѣламъ архива Симферопольской гимназіи).

Въ архивѣ Симферопольской гимназіи находится нѣсколько связокъ дѣлъ, касающихся состоянія учебныхъ заведеній Таврической губерніи во время Крымской войны. Не особенно богатый содержаніемъ, этотъ материалъ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ освѣщаетъ жизнь края въ тяжелую для него годину. Директоръ губернской гимназіи былъ въ то время и директоромъ училищъ губерніи, почему нашъ материалъ касается не только Симферопольской гимназіи, но и другихъ (среднихъ) учебныхъ заведеній губерніи.

До начала военныхъ дѣйствій жизнь учебныхъ заведеній Тавриды шла обычнымъ порядкомъ. Только въ Феодосійскомъ уѣздномъ училищѣ, какъ видно изъ-донаесенія смотрителя его Ильи Бѣлимова директору училищъ Таврической губерніи Самойлову отъ 21 января 1854 г., правильный ходъ занятій былъ нарушенъ появленіемъ 19 января на Феодосійскомъ рейдѣ 4 иностранныхъ пароходовъ, такъ какъ большая часть жителей, подъ вліяніемъ страха, выѣхала изъ города, что вызвало уменьшеніе числа учащихся въ училищѣ. 30-го марта онъ просилъ директора снабдить его предписаніемъ касательно распоряженія кн. Моньшикова о перевозкѣ дѣлъ и книгъ училища въ безопасное мѣсто и передачѣ денегъ и документовъ въ уѣздное казначейство. О томъ же просили директора и другіе смотрители.

Высадка непріятеля въ Крыму вызвала ломку школьнай жизни во всей губерніи.

Послѣ Алминского сраженія учебныя занятія въ Симферопольской гимназіи, тогда единственной въ губерніи, прекратились. Весь городъ, всѣ присутственныя мѣста стали готовиться къ выѣзду. Начальству гимназіи нужно было также подумать о спасеніи казеннаго имущества, архива, а еще болѣе о пансіонерахъ. И. д. директора училищъ и гимназіи С. И. Дацѣвичъ обратился къ губернатору Пестелю съ просьбой о распоряженіи доставить нужное число подводъ для подъема 50 пансіонеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ

9 сентября 1854 г. начальству учебного округа, что въ виду военныхъ событій онъ выѣзжаетъ съ пансиономъ въ Мелитополь и вывозить текущія дѣла, поручивъ учителю Сальвины имѣть надзоръ за имуществомъ гимназіи. На слѣдующій день подводы съ пансионерами и имуществомъ гимназіи выѣхали изъ города и присоединились къ общему обозу, оставлявшему въ тотъ день городъ; но, какъ известно, этотъ караванъ, доѣхавши до первой станціи отъ города, вернулся въ Симферополь. Въ донесеніи окружному начальству обѣ этомъ директоръ писалъ, что не имѣлъ возможности благополучно довезти дѣтей до Мелитополя и долженъ былъ отпускать казеннокомпенсированныхъ воспитанниковъ на попеченіе родителей, по ихъ проосьбѣ, кромѣ одного, отправленного имъ въ Керчь, откуда онъ былъ отправленъ потомъ въ Херсонъ. Возвратившись въ Симферополь, директоръ доносилъ попечителю округа 12 сентября, что классы въ гимназіи опять будутъ открыты, но что вслѣдствіе небольшого числа оставшихся въ гимназіи учениковъ курсы нельзя будетъ продолжать, а придется заниматься повтореніемъ проіденного.

9 октября 1854 г. канцелярія учебного округа сообщила директору, что ему разрѣшается, въ случаѣ надобности, употребить изъ экономическихъ суммъ гимназіи до 300 р. на вывозъ библіотеки, физического кабинета, книжного магазина и церковныхъ вещей въ г. Орѣховъ, исключая мебели и учебныхъ пособій, необходимыхъ для продолженія ученія, которое не должно было быть прерываемо до приказанія мѣстнаго начальства о закрытіи гимназіи. 3 ноября директоръ донесъ попечителю округа обѣ отправленіи въ Орѣховъ библіотеки гимназіи, физического кабинета, церковныхъ вещей, дѣль съ 1844 по 1853 г. и некоторыхъ изъ вещей пансиона, а также вещей Севастопольскаго уѣзднаго училища, подъ наблюденіемъ эконома гимназіи. Транспорть съ имуществомъ гимназіи и пансионъ прибылъ въ Орѣховъ 12 ноября и помѣщенъ былъ въ зданіи тамошняго училища. Отсюда пансионъ двинулся въ Херсонъ.

Прекратилось ученіе въ сентябрѣ 1854 г. и въ татарскомъ училищномъ отдѣленіи при Симферопольской гимназіи. Завѣдывавшій имъ Крымъ-Ховаджи 14 сентября донесъ директору, что по слухамъ войны воспитанники этого училища распущены, но онъ полагаетъ, что оно вновь можетъ быть начато, если размѣстить воспитанниковъ у него и у

двухъ надзирателей этого отдельенія, такъ чтобы у него жило 8, а у каждого изъ надзирателей по 6 человѣкъ.

Съ прекращенiemъ занятій въ гимназіи зданія ея получили новое назначеніе. Всльдствіе предложенія губернатора ген.-лейт. Пестеля отъ 18 сентября 1854 г. о приготовленіи домовъ гимназіи къ помѣщенію въ нихъ раненыхъ, директоръ того же числа донесъ, что сдѣлалъ распоряженіе къ приему раненыхъ въ зданіе благороднаго пансиона и татарское училищное отдельеніе, при чемъ сообщалъ, что въ татарскомъ отдельеніи готово 20 постелей, а въ пансионѣ 41, въ просторныхъ комнатахъ, и что учителя, содержавшиe у себя пансионеровъ, также охотно доставлять кровати и прочую мебель для раненыхъ. Вмѣсть съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы всѣ вещи были приняты по описи подъ росписку чиновникомъ, назначеннымъ губернаторомъ. Всѣ служащіе въ гимназіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ съ директоромъ во главѣ изъявили готовность участвовать въ оказаніи помощи раненымъ и принять на себя попеченіе о раненыхъ, помѣщенныхъ въ гимназіи и пансионѣ. На слѣдующій день, 19 сентября 1854 г., директоръ предписалъ за вѣдывавшему татарскимъ училищнымъ отдельеніемъ освободить зданіе отдельенія подъ помѣщеніе раненыхъ и дать нужное бѣлье. Чиновникамъ особыхъ порученій Рожнецкому и Иванову поручено губернаторомъ принять по описямъ имущество учебныхъ заведеній (Рожнецкому татарскаго отдельенія, а Иванову благороднаго пансиона), передаваемое въ лазареты.

Въ виду того, что ученики и пансионеры были большею частію распущены, а ученіе продолжалось только въ 6 и 7 классахъ, директоръ просилъ доктора Н. В. Плещкова „принять раненыхъ подъ свое попеченіе и оказывать имъ помощь медицинскимъ пользованіемъ ихъ“. Помѣщеніе благороднаго пансиона гимназіи и татарское училищное отдельеніе заняты были больными, привезенными съ Алминского поля.

Согласно предложенію губернатора отъ 6 октября, директоръ составилъ списокъ чиновниковъ Симферопольской гимназіи съ подвѣдомственными ей училищами, принявшихъ на себя обязанности ухаживанія за ранеными въ Бурлюкскомъ сраженіи, при полномъ участіи и „ревностномъ содѣйствіи“ чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ Н. И. Иванова, который раньше былъ преподавателемъ

Симферопольской гимназии. 17 ноября губернаторъ препроводилъ директору Дацѣвичу 275 рублей, собранныхъ по лотою въ вещей, представленныхъ воспитанницами пансіона тит. сов. Ветошниковой въ пользу раненыхъ, помѣщавшихся въ зданіи пансіона.

19-го сентября 1854 г. директоръ доносилъ попечителю округа объ отправлении оставшихся на лицо 15 воспитанниковъ благородного пансіона при гимназии черезъ Алешки въ г. Херсонъ, въ сопровождении надзирателя Генціуса и двухъ служителей. Тогда же пересланы были въ Переяславль, а оттуда въ Алешки наличныя суммы гимназии и билеты.

Въ пансіонѣ осталось лишь 4 казеннокоштныхъ воспитанника, которые были препровождены также въ Херсонъ учителемъ гимназии Федорченкомъ въ началѣ марта 1855 года. Такимъ образомъ въ Херсонской гимназии было всего 20 симферопольскихъ пансіонеровъ.

Пансіонъ помѣщался тогда въ домѣ д. с. с. Сокологорского, нанитомъ за 750 р. въ годъ. Въ январѣ 1855 г. директоръ Дацѣвичъ предупредилъ владѣльца дома, что за первую половину 1855 г. плата не будетъ произведена изъ суммъ пансіона, такъ какъ пансіонъ занятъ подъ лазаретъ. 20 октября занятъ были подъ госпиталь верхній этажъ зданія гимназии, а также домъ уѣзднаго училища и татарского отдельенія. Въ помѣщеніи пансіона оставались три небольшихъ комнаты съ състѣнкою галлерею, въ которыхъ были сложены вещи за отдачею другихъ комнатъ подъ лазаретъ. По распоряженію Симферопольского военнаго губернатора графа Адлерберга отъ 4 декабря 1854 г. эти помѣщенія были очищены и переданы въ вѣдѣніе директора госпиталей. Съ увеличенiemъ числа больныхъ и раненыхъ, пришло очистить въ зданіи пансіона также квартиры эконома и надзирателя, вслѣдствіе чего, какъ видно изъ донесенія директора отъ 20 января 1855 г., экономическому и надзирателю пансіона даны помѣщенія въ гимназии, куда перевезено было и пансіонское имущество.

На запросъ и. д. попечителя округа директора Ринельевскаго лицея Мурзакевича отъ 18 января 1855 г., сколько учениковъ состоить въ 6 и 7 классахъ Симферопольской гимназии, въ которыхъ продолжалось обученіе, сколько ихъ числилось до занятія дома гимназии подъ лазаретъ, и сколько было учениковъ низшихъ классовъ въ гимназии, директоръ

торъ отвѣчалъ въ февралѣ 1855 г., что по 10 октября 1854 г. въ 7 классѣ было 11, а въ 6-мъ 14 учениковъ, а въ январѣ 1855 г. въ 6 и 7 классахъ состояло 17 учениковъ, и что всѣхъ учениковъ, вмѣстѣ съ этими, набралось бы въ гимназіи, въ случаѣ открытия ученія, до 50. Возобновленіе ученія онъ считалъ возможнымъ, если бы раненыхъ, помѣщавшихся въ зданіи гимназіи (ихъ было свыше 100), размѣстить по другимъ лазаретамъ.

Въ концѣ марта 1855 г. попечитель Одесскаго учебнаго округа предписалъ Дацѣвичу позаботиться, по выходѣ лазаретовъ изъ зданій гимназіи и пансіона, исправленіемъ и приведеніемъ въ надлежащиій видъ этихъ домовъ, чтобы можно было начать ученіе съ 1 августа 1855 года. Но къ ремонту гимназическихъ зданій нельзя было приступить, такъ какъ военный губернаторъ графъ Адлербергъ не нашелъ возможнымъ освободить верхній этажъ гимназіи, гдѣ помѣщались раненые. Завѣдывавшій татарскимъ отдѣленіемъ при гимназіи, на вопросъ попечителя касательно возобновленія въ этомъ отдѣленіи ученія, донесъ директору, что домъ отдѣленія со службами занятъ ранеными.

Выпускъ учениковъ 7 класса гимназіи былъ произведенъ въ 1855 г. 5 апрѣля, и тогда же открыто ученіе въ 5 классѣ, которое попечитель предложилъ продолжать до половины сентября съ перерывомъ въ іюль, а затѣмъ произвести экзаменъ и перевести ихъ въ 6 классъ.

Въ концѣ іюля 1855 г. и. д. директора Дацѣвичъ выскazyвалъ предположеніе попечителю, что въ случаѣ, если бы открылось ученіе во всѣхъ классахъ гимназіи, то число учащихся будетъ гораздо меньше, чѣмъ оно было до закрытия гимназіи, и безъ сомнѣнія будетъ менѣе 100. Поэтому онъ полагалъ возможнымъ размѣстить классы во флигелѣ въ двухъ комнатахъ, въ нижнемъ этажѣ гимназіи въ 4-хъ небольшихъ комнатахъ, составлявшихъ квартиру директора, и въ комнатѣ, гдѣ находился физическій кабинетъ. Конечно, необходимо было бы въ такомъ случаѣ принять предохранительные мѣры и прежде всего устранить сообщеніе дѣтей съ больными, для чего открыть отдѣльный ходъ и произвести нѣкоторая передѣлки.

Желая удовлетворить просьбы родителей о возобновленіи ученія въ гимназіи, попечитель округа разрѣшилъ 2 августа 1855 г. открыть классы въ указанныхъ директоромъ помѣщеніяхъ въ нижнемъ этажѣ гимназіи, флигелѣ и

квартира директора, и употребить на ремонтъ и открытие отдѣльного входа 150 рублей. Директоръ, озабоченный скрѣйшимъ началомъ учонія, сдѣлалъ публикацію въ губернскихъ вѣдомостяхъ о томъ, что съ 1 сентября начнется ученіе во всѣхъ классахъ гимназіи и что для вновь поступающихъ будутъ производиться пріемные экзамены.

1 сентября онъ доносилъ попечителю, что классы въ Симферопольской гимназіи открыты и совершиено молебствіе протоіереемъ Родіоновымъ, въ присутствіи директора, учителей и 42 учащихся, что приступлено къ пріемнымъ экзаменамъ, которые продолжатся до половины сентября. 15 ноября онъ писалъ попечителю, что всѣхъ учениковъ въ гимназіи послѣ открытия классовъ состоить 60 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доводилъ до свѣдѣнія попечителя, что за краткостью времени въ 5 классѣ едва выполнена была половина программы, и что совѣтъ постановилъ прекратить продолженіе курса прошлаго учебнаго года и начать вновь курсъ съ новаго 185^{5/6} уч. года.

Окружное учебное начальство ходатайствовало въ теченіе 1855 г. предъ губернаторомъ гр. Адлербергомъ объ освобожденіи дома гимназіи отъ больныхъ къ 1 іюля, и губернаторъ обѣщалъ оказать свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, но не напечатать возможнымъ очистить гимназіи отъ больныхъ, которыхъ въ это время было въ Симферополѣ свыше 7,000. Лишь 34 мая 1856 г. всѣ училищные дома въ Симферополѣ, взятые подъ лазареты, были очищены отъ больныхъ. 18 мая новый губернаторъ Жуковскій поручилъ архитектору Гоняеву составить журнальное постановленіе о неисправностяхъ и поврежденіяхъ, происшедшихъ отъ пребыванія госпиталей въ домахъ гимназіи, уѣзднаго училища и татарскаго училищнаго отдѣленія и составить сметы. По этимъ сметамъ на ремонтъ гимназіи требовалось 812 руб. 15 к., уѣзднаго училища 1,407 р. 71 к. и татарскаго отдѣленія 1,538 руб. 5 коп. Попечитель ходатайствовалъ предъ Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ о томъ, чтобы весеннее вѣдомство взяло на себя расходы по исправленію учебныхъ заведеній. Директоръ съ своей стороны просилъ содѣйствія губернатора къ возврату вещей, принадлежавшихъ пансіону и татарскому училищному отдѣленію, которые, но далеко не сполна, были возвращены въ концѣ іюля.

Перейдемъ теперь къ другимъ учебнымъ заведеніямъ Тавриды.

Смотритель Севастопольского уездного училища Иванъ Димаки, какъ видно изъ его рапорта директору, закрылъ училище, по случаю военныхъ дѣйствій, 10 сентября. По распоряженію высшаго начальства, въ зданіяхъ Севастопольскихъ уѣзднаго и приходскаго училищъ помѣщались команды сухопутныхъ и морскихъ войскъ. Въ Ялтинскомъ уѣздномъ училищѣ, согласно рапорту его надзирателя протоіерея Григорія Брюховскаго, ученіе прекращено было „по случаю непріятельскаго нашествія на Ялту 22 и 23 сентября“, но въ ноябрѣ возобновилось послѣ возвращенія въ городъ жителей, при чемъ ежедневно въ училище приходило болѣе 10 учениковъ. Учителъ Ялтинскаго приходскаго училища донесъ 20 декабря 1855 г., что болѣе двухъ мѣсяцевъ классъ не посѣщался ни однимъ ученикомъ.

Предложеніемъ отъ 21 октября 1854 года управлявшій Одесскимъ учебнымъ округомъ Мурзакевичъ поручилъ директору училищъ Таврической губерніи распорядиться о продолженіи ученіе въ Симферопольскомъ уѣздномъ училищѣ, о закрытіи, котораго онъ донесъ 14 октября, если обстоятельства позволять, а также просилъ донести, сколько состояло учениковъ въ училищѣ по 10 октября. На запросъ директора смотритель этого училища Кудрицкій донесъ 30 октября, что изъ 87 учениковъ уѣзднаго училища за время съ 9 сентября по 10 октября, т. е. по день занятія дома уѣзднаго училища подъ госпиталь, было 24, а изъ 51 ученика приготовительнаго класса только 21 ученикъ, при чемъ присовокуплялъ, что нѣть никакой возможности пріискать домъ для училища, гдѣ можно было бы продолжать ученіе.

Какъ видно изъ отчета Таврической дирекціи училищъ за 1854 годъ, въ Симферопольскихъ, Евпаторійскихъ и Севастопольскихъ учебныхъ заведеніяхъ ученіе было прекращено, и ученики не посѣщали классовъ, за исключеніемъ 6 и 7 классовъ гимназіи, въ которыхъ, какъ выше было сказано, 17 учениковъ продолжали ученіе, и казеннаго еврейскаго училища, гдѣ также ученіе продолжалось.

Изъ донесенія смотрителя Керченскихъ учебныхъ заведеній И. Евтушевскаго видно, что 8 декабря 1854 г., по случаю обстрѣливанія непріятелемъ въ тотъ день керченскихъ батарей, ученики были распущены по домамъ, но уже на другой день, послѣ того какъ удалились непріятельскія суда, ученіе возобновилось. Но 12 февраля 1855 г.,

вслѣдствіе занятія непріятелемъ входа въ Керченскій проливъ и тревожнаго положенія Керчи, ген.-адъют. Хомутовъ приказалъ прекратить ученіе въ керченскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

28 іюня смотритель Евтушевскій донесъ, что по случаю занятія г.г. Керчи и Бердянска непріятелемъ учебныя заведенія въ этихъ городахъ были закрыты.

Смотритель Феодосійскаго уѣзднаго училища Бѣлимовъ доносилъ 10 сентября 1854 года и 2 апрѣля 1855 года, что вслѣдствіе выѣзда жителей изъ Феодосіи число учащихся уменьшилось, и просилъ разрѣшенія остановить ученіе. Разрѣшеніе не было дано, но 16 мая, въ виду приближенія къ городу непріятельскихъ пароходовъ, ученіе было закрыто. Возобновилось оно 1 августа 1855 г., какъ видно изъ предписанія директора учителю Маркопуло возвратиться къ этому числу къ мѣсту службы.

Учитель Бахчисарайскаго приходскаго училища Тодоровъ 15 апрѣля 1855 года довелъ до свѣдѣнія директора училищъ, что комендантъ г. Бахчисарай маоръ Ридигерь, по недостатку помѣщеній въ городѣ, занялъ домъ, въ которомъ помѣщалось это училище, и что по этой причинѣ ученіе въ немъ было прекращено.

Смотритель Перекопскаго уѣзднаго училища Скрыпницкій объяснялъ 29 октября 1855 года, что свѣдѣнія объ Армянскомъ училищѣ имъ не показаны въ вѣдомости по случаю закрытія оного.

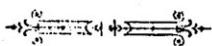
Какъ мы видѣли выше, въ Симферопольскомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ ученіе продолжалось, несмотря на военные события, до конца 1855 года. 29 ноября этого года смотритель училища Заворотній донесъ директору, что домъ, въ которомъ помѣщалось училище, занятъ по назначению квартирной комиссіи подъ помѣщеніе дежурства штаба grenадерскаго корпуса на 28 дней, по приказанію Симферопольскаго военнаго губернатора. И. д. попечителя округа д. ст. с. Демидовъ предложилъ директору немедленно распорядиться о пріисканіи другого удобнаго помѣщенія для училища или хоть склада классной мебели.

Смотритель Алешковскаго уѣзднаго училища Дуброва доносилъ 22 октября 1854 г., что дѣла и имущество училища онъ приготовилъ къ вывозу, но что ученіе въ училищѣ продолжается безостановочно. Но въ концѣ апрѣля 1855 г., по распоряженію главнокомандующаго, въ Алеш-

кахъ бытъ открытъ госпиталь на 300 человѣкъ, и въ числѣ другихъ домовъ бытъ занятъ и домъ уѣзднаго училища. Всѣдѣствіе этого и въ виду приближенія каникулярнаго времени, ученіе въ училищѣ было прекращено, и, по предложенію директора, были произведены испытанія раньше обычнаго времени. По окончаніи экзаменовъ училище было закрыто 22 мая 1855 года. Алешковской градской полиціи было предписано позаботиться объ отводѣ новаго удобнаго помѣщенія для училища взамѣнъ занятаго подъ лазаретъ. Затѣмъ директоръ просилъ губернатора о переводѣ больныхъ изъ училищнаго дома въ другой, чтобы дать возможность открыть ученіе въ училищѣ съ 1-го сентября. Извѣстіе донесенія смотрителя Дубровы отъ 10 марта 1856 года видно, что просьба его не занимать училища подъ госпиталь была уважена, и въ Алешковскомъ уѣздномъ училищѣ и нынѣ отдаленіе съ начала 1855 учебнаго года ученіе продолжалось безостановочно, хотя и не безъ перерывовъ и не безъ затрудненій. Такъ напр. высадка непріятеля у Кинбурна 6 октября 1855 года испугала жителей Алешекъ, и многія семейства выѣхали на время изъ города.

Такимъ образомъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Таврической губерніи во время войны 1854—1855 г.г. ученіе было прервано или шло съ перерывами, и только съ 1856 г. учебное дѣло въ краѣ вкопало въ норму. Невзгоды и жертвы, понесенные училищами въ теченіе войны, тѣсно связали ихъ съ общемъ жизнью края, и участіе учебныхъ заведеній въ этомъ общемъ дѣлѣ представляетъ знаменательный эпизодъ въ ихъ жизни.

Ф. Шпигель.

О Т Ч Е Т Ь

о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Комиссии за 1903-й годъ.

Дѣятельность Таврической Ученой Архивной Комиссии по разбору архивныхъ описей и дѣлъ въ 1903 году выразилась прежде всего въ продолжавшемся разсмотрѣніи описей архивныхъ дѣлъ Таврическаго Губернского Правленія, въ виду увѣдомленія г. Таврическаго губернатора отъ 20 декабря 1902 г. за № 837 обѣ организаціи Комиссии для единовременного разбора и уничтоженія старыхъ дѣлъ этого архива. Товарищъ предсѣдателя Комиссии В. П. Ласковскій разсмотрѣлъ описи дѣлъ З-го стола за 1805—1830 г.г. и 1842—1854 г.г. и б-го стола за 1834—1838 г.г. Членъ Комиссии А. К. Романюкъ и правитель дѣлъ А. И. Маркевичъ разсмотрѣли дѣла З-го стола съ 1805 по 1830, съ 1842 по 1845, съ 1846 по 1854 и б-го стола за 1834—1838 г.г. Почти четвертая часть значащихъ въ этихъ описяхъ дѣлъ признана Комиссіею заслуживающею храненія въ губернскомъ или историческомъ архивѣ, такъ какъ содержимое въ себѣ весьма важные документы и свѣдѣнія, касающіяся прошлой и настоящей жизни края. Въ виду этого Комиссія, возвращая описи, просила Таврическое Губернское Правленіе не довольствоваться сдѣланными на описяхъ отпечатками „хранитъ“, и не уничтожать дѣла архива Губернскаго Правленія безъ фактическаго разсмотрѣнія ихъ особой комиссией. Представителемъ Архивной Комиссіи въ эту комиссию избранъ А. К. Романюкъ.

Въ Комиссію для разбора старыхъ дѣлъ архива Днѣпровскаго уѣзданаго полицейскаго управлѣнія представителемъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи избранъ А. В. Ивановъ.

Въ виду предстоящаго 50-лѣтія славной обороны Севастополя Комиссія въ истекшемъ году, по предложенію правителя дѣлъ, рѣшила обслѣдовать дѣла архивовъ присутственныхъ мѣстъ г. Симферополя, касающіяся Крымской

войны, при чём правитель дѣлъ разсмотрѣлъ въ истекшемъ году нѣсколько сотъ дѣлъ временной канцеляріи военнаго губернатора г. Симферополя и Таврическаго гражданскаго губернатора за 1854—1858 г.г., членъ Коммиссіи А. К. Романюкъ ознакомился съ относящимися къ событиямъ Крымской войны дѣлами управленія государственными имуществами Таврической губерніи, а членъ Коммиссіи М. И. Филипповъ съ дѣлами Таврической казенной палаты. Коммиссія вмѣстѣ съ тѣмъ озабочена была собраніемъ воспоминаній очевидцевъ Крымской войны и обороны Севастополя, для чего обращалась къ извѣстнымъ ей лицамъ, свидѣтелямъ войны.

Занятая этими работами, Коммиссія лишена была возможности, къ глубокому сожалѣнію, удовлетворить просьбу Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества организацией въ Симферополѣ отдѣленія предварительного комитета по устройству XIII Археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Въ Исторической архивѣ Коммиссіи поступили въ истекшемъ году выдѣленныя для храненія дѣла и книги Ялтинскаго полицейскаго управлениія.

Труды Коммиссіи по изслѣдованію памятниковъ древности Тавриды выразились въ 1903 году въ слѣдующихъ фактахъ.

1) Предсѣдатель Коммиссіи съ членомъ ея А. И. Ружицкимъ довершили начатое въ 1902 году изслѣдованіе подземнаго хода въ нижнемъ отдѣленіи большого дворцоваго сада въ Бахчисараѣ, при чёмъ этотъ ходъ оказался несомнѣнно водосточной канавой. Остатки неизвѣстнаго сооруженія въ Персидскомъ саду ханскаго дворца, обследованные также означенными лицами, признаны развалинами сгорѣвшей великолѣпной бани.

2) По порученію Императорской Археологической Коммиссіи правитель дѣлъ и членъ Коммиссіи А. И. Ружицкій осмотрѣли остатки древности въ д. Аталькъ-Эли Симферопольскаго уѣзда и представили отчетъ объ археологическомъ значеніи означенной мѣстности, препровожденный въ Императорскую Археологическую Коммиссію.

3) Коммиссія входила съ просьбой къ священнику с. Андреевки Феодосійскаго уѣзда о. М. Балабаненку о принятіи мѣръ къ предупрежденію самовольныхъ раскопокъ и разграбленія находящихся вблизи этого селенія кургановъ

до обслѣдованія ихъ Императорскою Археологическою Комиссією.

4) Коммисія особенно заботилась, но, къ сожалѣнію, безрезультатно, о прекращеніи ломки камня на поверхности древняго Неаполя. Вся поверхность Неаполя исковеркана; слѣдовъ древнихъ построекъ и какихъ-либо предметовъ древности, кромѣ битой посуды, найти здѣсь теперь очень трудно. Настоитъ теперь необходимость спасти отъ расхищенія склоны Неаполя съ погребеніями его обитателей, обслѣдованію которыхъ производилось лѣтъ десять тому назадъ профессоромъ Н. И. Веселовскимъ, но еще не закончено. Въ предупрежденіе же распашки земли на территоріи древняго Неаполя Архивная Коммисія, по соглашенію съ Императорской Археологической Коммиссіей, указала Симферопольскому городскому управлению границы Неапольского городища.

5) На запросъ Г. Таврическаго Губернатора, Коммисія сообщила подробнія свѣдѣнія о древнемъ кладбищѣ въ г. Алуштѣ, въ виду ходатайства Алуштинскаго городскаго старосты о превращеніи означенаго кладбища въ базарную площадь, и просила Императорскую Археологическую Коммисію о скорѣйшемъ по возможности производствѣ раскопокъ на Алуштинскомъ кладбищѣ, начало которымъ было положено проф. В. О. Миллеромъ въ 1886 г.

6) Коммисія обратила вниманіе Императорской Археологической Коммисіи на угрожающее полнымъ разрушениемъ состояніе древней генуэзской крѣпости въ Балаклавѣ, о чемъ получила сообщеніе отъ г. Севастопольского градоначальника.

7) Доведено до свѣдѣнія Императорской Археологической Коммисіи о необходимости небольшого ремонта одной изъ древнѣйшихъ и типичнѣйшихъ мечетей въ Крыму, находящейся въ д. Карагозъ Феодосійскаго уѣзда.

8) Коммисія сносилась съ Императорской Археологической Коммиссіей по поднятому членомъ своимъ Д. Я. Сердюковымъ вопросу о раскопкѣ кургана „Солюха“ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ.

Ходатайство Коммисіи о поддержаніи находящейся въ Старомъ-Крыму древней мечети Узбека и развалинъ древней греческой церкви Св. Иоанна Богословаувѣнчалось въ отчетномъ году успѣхомъ, и на ремонтъ ихъ, порученный А. Л. Бертѣ-Делагарду, ассигновано 780 р. 66 к.

Въ истекшемъ году состоялось 4 засѣданія Коммиссіи, въ которыхъ доложено было одиннадцать научныхъ сообщеній, которая въ полномъ ими сокращеномъ видѣ помѣщены въ паданныхъ Коммиссіей въ 1903 году №№ 34 и 35 ея „Извѣстій“.

Искреннимъ и единодушнымъ почтительнымъ поздравленіемъ привѣтствовала Коммиссія С.-Петербургскій Археологический Институтъ 15 января 1903 г. по случаю двадцатипятилѣтней годовщины со дня его открытия. Коммиссія привѣтствовала также въ отчетномъ году члена своего академика В. В. Латышева съ исполнившимся двадцатипятилѣтнемъ его учено-литературной дѣятельности.

Къ сожалѣнію, Коммиссія не могла участвовать въ состоявшемся въ августѣ отчетного года Тверскомъ областномъ Археологическомъ Съѣзду. Она сожалѣетъ объ этомъ особенно потому, что никто изъ членовъ ея не имѣлъ возможности принять участіе въ личномъ обмѣнѣ мыслей съ членами другихъ архивныхъ комиссій относительно положенія архивныхъ комиссій въ настоящее время и ихъ судьбы въ будущемъ, въ виду предположеній о предстоящемъ измѣненіи ихъ положенія. Обезпокоенная слухами объ этомъ измѣненіи, Коммиссія уѣшается только тѣмъ, что Таврическая администрація высказалась, насколько ей известно, за сохраненіе архивныхъ комиссій, какъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ.

Въ истекшемъ году избраны въ члены Коммиссіи три лица: одно въ почетные члены и два въ дѣйствительные. Жизнь Коммиссіи въ отчетномъ году омрачена была утратой цѣлаго ряда ея членовъ: 22 февраля безвременно скончался талантливый и трудолюбивый археографъ Сергѣй Соргѣевичъ Слуцкій. 17 марта умеръ извѣстный писатель и общественный дѣятель Евгений Львовичъ Марковъ, бывший нѣкогда директоромъ училищъ Таврической губерніи. 30-го апреля скончался неустомимый ученый, профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ. Еще болѣе омрачила Коммиссію скоропостижная кончина 6-го июня ея дѣйствительного сотрудника, почтенного профессора Алексея Ивановича Маркевича. 22 июня скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Коммиссіи, мѣстный дѣятель Александръ Онуфріевичъ Народоставскій. 31 августа скончался членъ ея извѣстный археологъ генераль-лейтенантъ Николай Ефимовичъ фонъ-Бранденбургъ, и наконецъ въ декабрѣ 1903 г.

умеръ членъ ся Евгений Дмитріевичъ Фелицынъ, изслѣдователь древностей Кубанского края.

Музей Коммиссіи пополнился въ отчетномъ году, какъ и прежде, главнымъ образомъ пожертвованіями Императорской Археологической Коммиссіи. Пожертвованы ею: а) монеты и разныя другія древности, найденные случайно въ разное время Д. Я Сердюковымъ въ кучутурахъ близъ с. Каменки Мелитопольского уѣзда; б) предметы древности изъ кургана, раскопанного въ 1900 году крестьянами близъ с. Зеленаго Мелитопольского уѣзда, и в) предметы древности, найденные въ 1899 г. близъ с. Рождественки Днѣпровскаго уѣзда. Пожертвовано кромѣ того 10 предметовъ, и куплено 5 предметовъ древности.

Библіотека Коммиссіи обогатилась 104 книгами и брошюрами, присланными разными учеными обществами и учрежденіями въ обмѣнъ на „Ізвѣстія“ Коммиссіи и пожертвованными г.г. членами Коммиссіи.

Въ истекшемъ году Коммиссіи угрожало лишиться и того крайне тѣснаго и неудобнаго помѣщенія, которое она занимаетъ теперь въ зданіи губернскй земской управы. Благодаря ходатайству Археологического Института и почетнаго члена Коммиссіи гофмейстера А. Х. Стевена, нынѣшнее помѣщеніе пока оставлено за Коммиссіей, но оно такъ тѣсно и неудобно, что лишаетъ ее всякой возможности приступить къ устройству исторического архива и не обеспечиваетъ отъ поврежденій и даже потери предметовъ музея.

Средства Коммиссіи все еще крайне скучны. Они составляются изъ субсидіи губернского земства (300 р.) и города Симферополя (100 р.) и небольшой суммы членскихъ взносовъ. Исключительнымъ и особенно лестнымъ для Коммиссіи былъ щедрый даръ камергера Высочайшаго двора графа Сергія Владиміровича Орлова-Давыдова, пожертвовавшаго на нужды Коммиссіи пятьсотъ рублей.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

Таврической Ученой Архивной Коммиссіи
за 1903 годъ.

Приходъ.

Остатокъ къ 1 января 1903 г. — — 1201 р. 49 к.

Поступило въ 1903 году:	
Пособие отъ Таврическаго губернскаго земства — — — — —	300 р.
Пособие отъ Симферопольской городской думы — — — — —	100 р.
Отъ графа С. В. Орлова-Давыдова на усиленіе средствъ Коммиссіи — — —	500 р.
Процентовъ по текущему счету въ Симферопольскомъ Обществѣ взаимнаго кредита и дивидента — — — — —	36 р. 38 к.
Членскихъ взносовъ — — — — —	8 р.
Отъ продажи „Извѣстій“ Коммиссіи —	4 р. 10 к.
Итого поступило	948 р. 48 к.
Всего въ приходѣ	2149 р. 97 к.

Р а с х о д ь.

На печатаніе „Извѣстій“ Коммиссіи, отдельныхъ оттисковъ статей и отчета и за рисунки къ „Извѣстіямъ“ — — —	180 р. 75 к.
На печатаніе бланковъ, канцелярскіе, почтовые и мелочные расходы — — —	29 р. 21 к.
На покупку предметовъ древности —	1 р. 50 к.
На поѣздку правителя дѣлъ А. И. Маркевича въ дер. Атамъкъ-Эли — — —	7 р.
Жалованье сторожу музея — — —	36 р.
Итого въ расходѣ	254 р. 46 к.

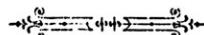
Остатокъ на 1 января 1904 г. — — 1895 р. 51 к.

Изъ нихъ:

Въ Симферопольскомъ Обществѣ взаимнаго кредита членскій взносъ — — —	25 р.
Тамъ-же на текущемъ счету — — —	1850 р.
Въ наличности — — — — —	20 р.

Правитель дѣлъ
Таврической Ученой Архивной Коммиссіи

Арсеній Маркевичъ.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСЕДАНИЙ ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

Заседание 29 января 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ Г. Предсѣдателя Коммиссіи А. Н. Ильина присутствовали: г.г. члены Коммиссіи—графъ Н. Л. Муравьевъ, А. В. Ивановъ, Н. Я. Луценко, С. А. Плаксінъ, А. И. Ружицкій, Ф. М. Шлеє и правитель дѣлъ А. И. Маркевичъ.

Г. Читанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Постановлено: утвердить.

Г. Предсѣдатель сообщилъ о смерти въ концѣ 1903 г. члена Коммиссіи Е. Д. Фелицинѣ. По предложенію г. Предсѣдателя, собраніе почтило почившаго вставаніемъ.

II. Доложено отношеніе г. Таврическаго Губернатора отъ 2 января 1904 года за № 2 съ просьбой о назначеніи представителя отъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи для участія въ комиссіи для разбора и уничтоженія старыхъ дѣлъ архива Феодосійскаго уѣзданаго полицейскаго управліенія.

Постановлено: просить члена Коммиссіи Я. В. Иванова взять на себя этотъ трудъ, о чмъ увѣдомить г. Губернатора.

III. Доложено отношеніе г. Директора С.-Петербургскаго Археологическаго Института отъ 3 декабря 1903 г. за № 406 съ увѣдомленіемъ о томъ, что имъ возбуждено ходатайство передъ г. Таврическимъ Губернаторомъ о содѣйствіи Таврической Ученой Архивной Коммиссіи или въ сохраненіи нынѣшняго ея помѣщенія или въ присеканіи новаго, болѣе соотвѣтствующаго трудамъ Коммиссіи. Что же касается возбужденія ходатайства о назначеніи Коммиссіи денежной субсидіи, то г. Директоръ Археологическаго Института, находитъ его несвоевременнымъ, ибо въ настоящее время Министерство Внутреннихъ Дѣлъ занято вопросомъ объ упроченіи материальнаго положенія архивныхъ комиссій вообще.

Постановлено: принять къ сведѣнію.

IV. Доложено отношение Императорской Археологической Комиссии отъ 24 ноября 1903 г. за № 2230 съ уведомлениемъ о томъ, что изслѣдованіе древнихъ кладбищъ въ г. Алупкѣ поручено г. Рынникову, и что одновременно съ симъ Комиссія обращается съ ходатайствомъ къ г. Таврическому Губернатору обѣ охранѣ названныхъ кладбищъ и о воспрещеніи устройства на нихъ мѣстъ базарной площасти впередь до производства археологическихъ раскопокъ.

Постановлено: принять къ сведенію.

V.. Доложено отношение Императорской Археологической Комиссии отъ 8 декабря 1903 г. за № 2309 съ просьбой не отказать въ сообщеніи, какая примѣрно сумма денегъ нужна была бы для производства Архивной Комиссіей раскопокъ въ мѣстности около Атамыкѣ-Эли въ 1904 г.

По обсужденіи настоящаго вопроса, *постановлено* уведомить Императорскую Археологическую Комиссію, что для производства раскопокъ въ д. Атамыкѣ-Эли Симферопольского уѣзда понадобится приблизительно 400 или 500 рублей, и что изъ членовъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи А. И. Ружицкій согласенъ взять на себя трудъ производства раскопокъ въ той мѣстности въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ сего года.

VI. Доложено отношение Императорской Археологической Комиссии отъ 5 декабря 1903 г. за № 2302 съ уведомлениемъ о томъ, что обсужденіе вопроса о раскопкахъ кургановъ близъ с. Андреевки Феодосійскаго уѣзда отложено Комиссіей до разсмотрѣнія весною 1904 года смыты по предположеннымъ на тотъ годъ раскопкамъ.

Постановлено: принять къ сведенію.

VII. Доложено отношение Одесскаго Предварительнаго Комитета XIII Археологического Стънда отъ 1 декабря 1903 года за № 483 съ просьбой о собраніи сведеній относительно каменныхъ бабъ въ Таврической губерніи.

Постановлено: исполнить просьбу означенного Комитета и о содѣйствіи въ получении нужныхъ сведеній отъ полицейскихъ чиновъ обратиться къ г. Таврическому Губернатору.

VIII. Доложено отношение Днѣпровскаго уѣзднаго исправника отъ 15 ноября 1903 г. за № 704 съ уведомлениемъ о томъ, что о времени собранія комиссіи для разсмотрѣнія подлежащихъ уничтоженію дѣлъ архива Днѣпровскаго

уѣзднаго полицейскаго управлениія сообщено представите-
лямъ отъ судебнаго вѣдомства и отъ вѣдомства народнаго
просвѣщенія, и отношеніе того-же исправника отъ 29 де-
кабря 1903 года съ увѣдомленіемъ о томъ, что Таврическое
Губернское Правленіе не встрѣчаетъ препятствій къ разбору
дѣлъ архива Днѣпровскаго уѣзднаго полицейскаго управлениія
безъ участія представителя губернской администраціи, съ
тѣмъ, чтобы по окончаніи дѣйствій комиссіи Губернско-
му Правленію были представлены описи дѣламъ, разобран-
нымъ комиссию съ отмѣтками, какія изъ дѣлъ признаны
ею подлежащими уничтоженію.

При этомъ членъ Комиссіи А. В. Ивановъ заявилъ,
что, по причинѣ болѣзни, онъ не могъ быть въ истекшемъ
декабрѣ мѣсяцѣ въ г. Алешкахъ и не принималъ участія
въ дѣйствіяхъ комиссіи по разбору дѣлъ архива Днѣпров-
скаго уѣзднаго полицейскаго управлениія, будетъ же въ
Алешкахъ снова только въ маѣ мѣсяцѣ сего года.

Постановлено: присоединиться къ рѣшенію Таврическа-
го Губернскаго Правленія и просить Днѣпровскаго уѣзд-
наго исправника препроводить въ Комиссію описи пред-
назначенныхъ къ уничтоженію дѣлъ архива Днѣпровскаго
уѣзднаго полицейскаго управлениія.

IX. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго
Археологическаго Общества отъ 10 января с. г. за № 23
съ просьбой сообщить ему, что сдѣлано Комиссіей по под-
готовительнымъ работамъ къ будущему XIII Археологиче-
скому съѣзду въ г. Екатеринославѣ.

Постановлено: увѣдомить, что Комиссія приступила
уже къ собиранію свѣдѣній о каменныхъ бабахъ, находя-
щихся въ предѣлахъ Таврической губерніи.

X. Доложено письмо члена Комиссіи академика В. В.
Латышева съ выражениемъ благодарности за посланное ему
привѣтствіе по случаю исполнившагося 25-лѣтія его лите-
ратурно-ученой дѣятельности.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XI. Доложено отношеніе г. Управляющаго Таврическою
казенnoю палатою отъ 1 декабря 1903 г. за № 1205 съ
увѣдомленіемъ о томъ, что къ допущенію члена Тавриче-
ской Ученой Архивной Комиссіи М. И. Филиппова къ раз-
смотрѣнію дѣлъ архива палаты, касающихся Крымской вой-
ны, препятствій не встрѣчается.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XII. Доложено отношение Полтавской Ученой Архивной Комиссии отъ 7 декабря 1903 г. за № 124 съ просьбой о высылкѣ ей изданныхъ трудовъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

Постановлено: выслать въ Полтавскую Ученую Архивную Комиссю полный экземпляръ вышедшихъ нумеровъ „Извѣстій“ Комиссии и высыпать дальнѣйшie по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ.

XIII. Доложено письмо члена Императорской Археологической Комиссии В. В. Шкорпила съ выражениемъ благодарности за избраніе ого въ члены Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XIV. Доложено отношение Владимірской Ученой Архивной Комиссии отъ 31 декабря 1903 г. за № 200 съ увѣдомленіемъ о томъ, что съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія имѣеть быть въ губ. г. Владимірѣ съ 20 по 30 іюня 1905 г. Третій Областной Историко-археологический съѣздъ, и просьбой о принятіи Таврической Ученой Архивной Комиссіей участія въ означенномъ съѣздѣ командированіемъ своихъ представителей и доставленіемъ интересныхъ предметовъ для археологической и этнографической выставки.

Постановлено: благодарить за приглашеніе и увѣдомить, что Таврическая Ученая Архивная Комиссія постараєтся принять участіе въ лицѣ своихъ представителей въ занятіяхъ Третьаго Областного Историко - археологического съѣзда.

XV. Доложено письмо предсѣдателя Бердянской уѣзданной земской управы отъ 17 декабря 1903 г. за № 6537 съ увѣдомленіемъ о найденномъ крестьяниномъ Ив. Ив. Федотовымъ дрвнемъ камнѣ, вѣроятно могильномъ, съ рѣзными орнаментами, который Федотовъ соглашається продать Таврической Ученой Архивной Комиссіи за 25 рублей съ доставкой въ Мелитополь на вокзалъ.

По разсмотрѣніи доставленного г. Шварцемъ снимка съ этого камня, Комиссія *постановила:* приобрѣсть за означенную цѣну этотъ камень для музея древностей и просить г. Шварца взять у Федотова справку о мѣстности, где былъ найденъ камень, и не было ли тамъ другихъ какихъ-либо предметовъ древности.

XVI. Доложено отношение Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете отъ 20 января с. г. за № 172 съ уведомлениемъ что оно, съ разрешенія Министерства Народного Просвѣщенія, будетъ праздновать столѣтіе своего существованія 18 марта текущаго года.

Постановлено: привѣтствовать Общество съ исполняющимся столѣтіемъ его существованія.

XVII. Доложено отношение Кутаисской казенной палаты отъ 27 ноября 1903 г. за № 39398 съ пропровожденіемъ двухъ описей архивнымъ дѣламъ и книгамъ 2 и 3 разрядовъ Кутаисского казначейства, предназначеннымъ къ уничтоженію, и просьбой о разсмотрѣніи означенныхъ писей.

Постановлено: разсмотреть пропровожденія описей.

XVIII. Правитель дѣлъ доложилъ присланныя въ Комиссію помѣщикомъ Евпаторійскаго уѣзда Владиміромъ Саввичемъ Раковымъ воспоминанія о Евпаторіи въ эпоху Крымской войны 1854—1856 г.г.

По прочтении воспоминаній В. С. Ракова, *постановлено:* выразить автору искреннюю благодарность Комиссіи за присланное имъ интересное сообщеніе, которое напечатать въ ближайшемъ numerѣ „Извѣстій“ Комиссіи.

XIX. Правитель дѣлъ заявилъ, что въ архивѣ Симферопольской гимназіи имѣется значительное число дѣлъ, касающихся Крымской войны, обследование содержанія которыхъ было бы весьма желательно въ настоящее время. При этомъ А. И. Маркевичъ присовокупилъ, что членъ Комиссіи преподаватель Симферопольской гимназіи Ф. А. Шпигель согласенъ взять на себя трудъ разсмотрѣнія означенныхъ дѣлъ.

Постановлено: просить г. директора гимназіи разрѣшить разсмотрѣніе означенныхъ дѣлъ Ф. А. Шпигелемъ, котораго просить взять на себя этотъ трудъ.

XX. Избраны въ члены Комиссіи предложенные въ предыдущемъ засѣданіи лица: Францъ Матвѣевичъ Шлес и Николай Яковлевичъ Луценко.

XXI. Правитель дѣлъ заявилъ, что Товарищъ предсѣдателя Комиссіи В. П. Ласковскій, оставившій Симферополь, пожертвовалъ для библіотеки Комиссіи собраніе мѣстныхъ газетъ: „Крымъ“ за 1897—1903 годы, „Салгиръ“ за 1897—1903 годы, „Южный Курьеръ“ за 1902—1903 годы, а для музея Комиссіи шкафъ и обломокъ отъ капители,

найденный на месте бывшаго Неаполиса въ Симферополь.

Г. Предсѣдатель Коммиссіи высказалъ при этомъ, какъ много потрудился В. П. Ласковскій для Коммиссіи въ качествѣ товарища предсѣдателя ся и казначея, и какъ много потеряла Коммиссія съ его отъѣздомъ изъ Симферополя.

Постановлено: выразить В. П. Ласковскому глубокую благодарность за труды, понесенные имъ для Коммиссіи, и единодушное искреннее сожалѣніе объ оставленіи имъ Симферополя.

XXII. Въ виду отъѣзда изъ Симферополя В. П. Ласковскаго избранъ въ настоящемъ засѣданіи въ товарищи предсѣдателя Коммиссіи А. В. Ивановъ, исполненіе же обязанностей казначея временно поручено А. И. Маркевичу.

XXIII. Ал. В. Ивановъ предложилъ въ члены Коммиссіи преподавателей Таврической духовной семинаріи: Михаила Матвѣевича Шведова и Петра Васильевича Маслова, окончившихъ курсъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института.

XXIV. Правитель дѣлъ представилъ пятнадцать ярлыковъ, бывшихъ на разсмотрѣніи члена Коммиссіи профессора В. Д. Смирнова и возвращенныхъ нынѣ Коммиссіи. При этомъ А. И. Маркевичъ заявилъ, что на основаніи этихъ ярлыковъ проф. Смирновъ составляеть обширную статью, которая еще не окончена и по окончаніи будетъ препровождена для помѣщенія въ „Ізвѣстіяхъ“ Коммиссіи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XXV. Правитель дѣлъ заявилъ, что изъ сорока рублей, отпущеныхъ Императорской Археологической Коммиссіей въ 1902 г. на производство раскопокъ въ саду Бахчисарайскаго ханскаго дворца, издержано г. предсѣдателемъ Коммиссіи 33 р. и отослано обратно въ Императорскую Археологическую Коммиссію 7 р.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XXVI. Поступили въ библіотеку Коммиссіи слѣдующія книги и брошюры:

1) Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Ізвѣстія“ ся, т. XVII, № 5 (декабрь 1902 г.).

2) Отъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ: Т. VIII, вып. 3 его „Ізвѣстій“ (1903 г.).

3) Отъ Императорскаго Университета Св. Владимира: № 10 и № 11 его „Университетскихъ Ізвѣстій“ за 1903 г.

- 4) Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: № 5 и № 6 его „Ученыхъ Записокъ“ за 1903 г.
- 5) Отъ Калужской Ученой Архивной Коммиссіи: „Извѣстія“ ея за 1902 годъ.
- 6) Отъ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи: вып. XI-ый ея „Трудовъ“ (1903 г.).
- 7) Отъ Воронежскаго Церковнаго Историко-археологическаго Комитета: „Воронежская Старина“, вып. 3-ий.
- 8) Отъ Подольскаго Церковнаго Историко-археологическаго Общества: а) Уставъ его и б) брошюра: Преобразованіе Подольскаго Епархиальнаго Историко-статистическаго Комитета въ Церковное Историко-археологическое Общество.
- 9) Отъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: т. V, вып. 2 и т. VI, вып. 1 сго „Трудовъ“ (1903 года).
- 10) Отъ Ученаго Общества Шевченка во Львовѣ: (ігрунк № 13 и № 14 (1903 г.).
- 11) Брошюра: „Василій Васильевичъ Латышевъ. Краткій очеркъ двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности его“. Спб. 1903 г. Отъ составителей.
- 12) Отъ члена Коммиссіи профессора В. Д. Смирнова: а) Турецкія легенды о святой Софіи и о другихъ Византійскихъ древностяхъ. Спб. 1898 года; б) Извѣдованіе о гробнице Ненекенджамъ ханымъ въ Чуфутъ-Кале (на арабскомъ языке) и в) „Бахчисарайскій фонтанъ“ и „Талисманъ“ А. С. Пушкина съ переводомъ на татарскій языкъ крымскаго нарѣчія.
- 13) Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи вып. XLVIII ся „Извѣстій“.
- 14) Отъ Архива Министерства Юстиціи: Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга XIII.
- 15) Отъ г. Предсѣдателя Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи: Историко-археологическая карта Тамбовской губерніи. Составилъ А. Н. Нарцовъ (1903 г.).
- 16) Отъ Комитета директоровъ Севастопольской морской офицерской библіотеки: Отчетъ о дѣятельности библіотеки за 1902 годъ.
- 17) Отъ члена Коммиссіи Н. Н. Оглоблина: „Восточносибирские полярные мореходы XVII вѣка“ (оттискъ статьи).

18) Отъ члена Коммиссіи профессора І. Л. Пича: „Раннѣй Archeologickie a mistopisnѣ, т. XX, вып. VII—VIII (1903 г.).

19) Отъ члена Коммиссіи В. В. Шкорнила: Отчетъ о раскопкахъ гробницъ въ городѣ Керчи и его окрестностяхъ въ 1901 году.

20) Отъ члена Коммиссіи С. А. Мокржецкаго: а) Отчетъ о дѣятельности губернскаго энтомолога Таврическаго земства за 1903 годъ и б) Отчетъ по Естественно-историческому музею.

21) Отъ члена Коммиссіи В. Н. Сторожева: „Русская провинція и областной исторический съездъ“ (оттискъ статьи).

Постановлено: благодарить за означенныя пожертвования для библіотеки Коммиссіи.

Засѣданіе 16-го Апрѣля 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Таврической Ученой Архивной Коммиссіи А. Н. Ильина присутствовали: товарищъ предсѣдателя А. В. Ивановъ, г.г. члены: Таврическій вице-губернаторъ графъ Н. Л. Муравьевъ, Б. М. Гиммельфарбъ, П. С. Грушинскій, Р. Г. Касабовъ, Н. Я. Луценко, П. В. Масловъ, С. А. Плаксинъ, А. К. Романюкъ, А. И. Ружицкій, М. М. Шведовъ, Ф. М. Шлее и правитель дѣлъ А. И. Марковичъ.

I. По открытіи засѣданія г. Предсѣдатель заявилъ о скоропостижной кончинѣ одного изъ старѣйшихъ членовъ Коммиссіи А. Н. Дьяконова. По предложенію г. Предсѣдателя, присутствующіе почтили память почившаго вставаніемъ.

II Читанъ протоколъ засѣданія 29 января 1904 г.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено отношеніе Высочайше учрежденной особой Коммиссіи о вакуфахъ отъ 18 марта с. г. за № 618 съ увѣдомленіемъ о томъ, что мечеть деревни Карагозъ Феодосійскаго уѣзда относится къ числу упраздненныхъ, и что Коммиссія о вакуфахъ въ виду сего не находитъ возможнымъ возбуждать ходатайство объ отпускѣ изъ вакуфнаго капитала какой-либо суммы на ремонтъ ся, о чёмъ ходатайствовала Таврическая Ученая Архивная Коммиссія, потому что вакуфный капиталъ имѣть своимъ назначениемъ удовлетвореніе нуждъ существующихъ магометанскихъ установлений.

Постановлено: обратиться къ г. Таврическому губернатору съ просьбой о содѣйствіи къ ремонту и сохраненію древней Карагозской мечети.

IV. Доложено письмо бывшаго товарища предсѣдателя Коммиссіи В. П. Ласковскаго съ выраженіемъ благодарности за ея привѣтствіе. „Участіе въ трудахъ Архивной Коммиссіи, пишеть В. П. Ласковскій, навсегда оставить во мнѣ свѣтлое воспоминаніе, и если только буду въ силахъ, надѣюсь не терять связи съ дорогой мнѣ Архивной Коммиссіей“.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. Доложено отношеніе Управления Русскимъ музеемъ Императора Александра III отъ 22 марта с. г. за № 184 съ просьбой о пожертвованіи изданій Коммиссіи для устраиваемой при учреждаемомъ этнографическомъ отдѣлѣ музея библіотеки.

Постановлено: выслать въ библіотеку Русского музея Императора Александра III полныи экземпляръ „Извѣстій“ Коммиссіи и высыпать дальнѣйшіе нумера по мѣрѣ ихъ выхода въ звѣтъ.

VI. Доложено отношеніе предсѣдателя Бердянской уѣздной земской управы отъ 12 апрѣля с. г. за № 1884 съ увѣдомленіемъ, что древняя плита, купленная Коммиссіей при его содѣйствіи, отправляется въ Симферополь, и сообщеніемъ подробностей ея нахожденія. Около 4—5 лѣтъ тому назадъ крестьянинъ Игнатъ Щетиникъ, распахивая весною свою ниву верстахъ въ 8 отъ с. Орловки Преславской волости, не доходя верстъ 2-хъ до рѣчки Корсакъ, наткнулся плугомъ на небольшой глубинѣ на эту плиту, которую потомъ вынулъ и привезъ домой. Подъ найденной плитой кромѣ мусора и щебня ничего не было.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VII. Доложено отношеніе директора Симферопольской гимназіи отъ 6 февраля с. г. за № 171 съ увѣдомленіемъ, что съ его стороны не встрѣчается препятствія къ выдачѣ ст. сов. Ф. А. Шпигелю, для разсмотрѣнія, дѣлъ архива гимназіи, касающихся войны 1854—1856 г.г.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VIII. Доложено письмо крестьянина Федора Марченко съ просьбой сообщить, какую высшую цѣну Коммиссія можетъ предложить ему за каждую каменную бабу, каковыхъ у него имѣется нѣсколько.

Постановлено: сообщить крестьянину Марченко, что за

каждую каменную бабу, не считая провоза, Комиссия можетъ предложить ему по 5 рублей.

IX. Доложено письмо члена Комиссии Я. В. Иванова съ выражениемъ согласія принять участіе въ комиссіи для разбора старыхъ дѣлъ архива Феодосійскаго уѣзднаго поліцейскаго управлениія въ качествѣ представителя Учоной Архивной Комиссіи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

X. Доложено письмо помѣщика Евпаторійскаго уѣзда В. С. Ракова съ препровожденіемъ дополненія къ его воспоминаніямъ о Крымской войнѣ.

По прочтении ихъ, *постановлено:* благодарить В. С. Ракова за сообщеніе, которое включить въ его статью при ся печатанії.

XI. Доложено сообщеніе П. И. Рѣпникова: „Гурзуфъ и его близкайшія окрестности въ историко-археологическомъ отношеніи“.

Постановлено: благодарить автора за сообщеніе, которое напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Комиссіи.

XII. Избраны въ члены Комиссии предложенныы въ предыдущемъ засѣданіи лица: Мих. Матв. Шведовъ и Петръ Васильевичъ Масловъ.

XIII. По предложению графа Н. Л. Муравьева, избрать въ члены Комиссии предсѣдатель Общества Любителей Древней Письменности графъ Серг. Дмитр. Шереметевъ.

XIV. Правитель дѣлъ заявилъ о приобрѣтеныхъ имъ за 50 коп. для музея Комиссии трехъ костяхъ, повидимому мамонта, у крестьянина Руденко, найденныхъ въ с. Балки Мелитопольскаго уѣзда, въ уроцищѣ Шпакова балка. Тамъ были и другія такія-же кости, но утеряны.

Постановлено: расходъ по покупкѣ этихъ костей отнести на счетъ Комиссіи.

XV. Предсѣдатель Комиссии заявилъ, что въ имѣніи Джалманъ Симферопольскаго уѣзда находится каменная баба, которую онъ проинвентируетъ въ Комиссію при первой возможности.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XVI. На вакантную должность казначея Комиссии единогласно, посредствомъ открытой баллотировки, избранъ Александръ Корнѣевичъ Романюкъ.

XVII. Доложено о поступившихъ со временнѣ послѣд-

наг^ засѣданія въ библіотеку Коммиссіи слѣдующихъ кни-
гахъ и брошюрахъ:

1) Отъ Императорской Академіи Наукъ: Томъ XVIII
ся „Извѣстій“ 1903 года.

2) Отъ Императорского Русского Археологического Об-
щества: а) Т. XV, вып. 2—3 Записокъ Восточного Отдѣле-
нія и б) Т. VI Записокъ Отдѣленія русской и славянской
археологіи.

3) Отъ Императорской Археологической Коммиссіи: а) Матеріалы по археологіи Россіи, № 29. Гдовскіе курганы
въ раскопкахъ В. Н. Глазова, обработанъ А. А. Спицынъ.
б) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за
1901 годъ. в) Указатели къ отчетамъ Императорской Архе-
ологической Коммиссіи за 1882—1898 годы. г) Извѣстія
Императорской Археологической Коммиссіи, вып. 5-ый,
прибавл. къ вып. 5-му, вып. 6-ой, прибавл. къ вып. 6-му,
вып. 7-ой, вып. 8-ой.

4) Отъ Императорского Университета Св. Владимира:
Университетскія Извѣстія, № 12, 1903 г. и № 1—2 1904 г.

5) Отъ Императорского Юрьевскаго Университета: Уче-
ныя Записки, № 1 и № 2 за 1904 годъ.

6) Отъ Виленской Коммиссіи для разбора древнихъ ак-
товъ: а) Сборникъ документовъ, касающихся администрa-
тивного устройства сѣверо-западнаго края при императри-
цѣ Екатеринѣ II-ой; б) Описаніе рукописнаго отдѣленія
Виленской Публичной Библіотеки, вып. 4-ый; в) Отчетъ
Виленской Публичной Библіотеки и музея за 1903 годъ.

7) Отъ Императорского Россійскаго Историческаго му-
зея имени Императора Александра III: Описаніе памятни-
ковъ, вып. III-ий: Рукопись комедіи Грибоѣдова „Горе отъ
ума“.

8) Отъ Харьковскаго Историко-филологического Обще-
ства т. XIII-ый его „Сборника“.

10) Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи: вып.
XLVII-ый ся „Извѣстій“.

11) Отъ Общества Археологии, исторіи и әтнографіи
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: Т. XIX,
вып. 5—6 его „Извѣстій“.

12) Отъ Пензенской Ученой Архивной Коммиссіи: кни-
га 1-ая ея „Трудовъ“.

13) Отъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи:

Историко-географический словарь Саратовской губерніи, сост. А. Н. Минхъ, т. I, выш. 4.

14) Отъ Редакціи Крымскаго Горнаго Клуба: № 1—2 его Записокъ за 1904 годъ.

15) Докладъ Глуховской уѣздной земской управы объ учрежденіи въ г. Глуховѣ собранія предметовъ мѣстной старины и искусства, 1903 г.

16) Отъ Одесской Городской Публичной Библіотеки: Отчетъ за 1903 годъ.

17) Отъ Таврической губернскай земской управы: „Вѣстникъ“ Таврическаго земства за 1904 годъ, № 1—2.

18) Отъ ученаго общества имени Шевченка во Львовѣ: Chronik, Heft III, 1903.

19) Отъ Чешскаго Королевскаго музея: Zprâva o Museu Krâlovství Českého za rok 1903.

20) Отъ члена Коммиссіи проф. д-ра Пича: Pamätky archeologické a mistopisné sboru Musea Krâlovství Českého, XXI, 1, 1904.

21) Отъ члена Коммиссіи проф. М. Н. Бережкова: „Въ память профессора П. И. Лютерсольского“.

22) Отъ члена Коммиссіи Н. Н. Оглоблина его труды: а) Бытовыя черты начала XVIII вѣка; б) Письма изъ 14-го корпуса; в) Письма Павла Прусскаго.

Засѣданіе 18-го мая 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Коммиссіи А. Н. Ильина присутствовали: товарищъ предсѣдателя А. В. Ивановъ, г.г. члены Коммиссіи: Б. М. Гиммелъфарбъ, Г. Я. Есиповичъ, Аблакимъ Куламетъ-оглу әфенди, Д. С. Матвѣевъ, А. К. Романюкъ, А. И. Ружицкій и правитель дѣль А. И. Маркевичъ.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія 16 апрѣля 1904 г.

Постановлено: утвердить.

II. Доложенъ отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за 1903 г.

Постановлено: утвердить.

III. Избрана была комиссія изъ Г. Я. Есиповича и Б. М. Гиммелъфарба для проверки денежной отчетности за 1902 годъ и приходо-расходныхъ книгъ. Коммиссія нашла, что приходо-расходные книги велись правильно и денежный отчетъ составленъ вѣрно.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IV. Доложено отношение главного редактора Историческихъ очерковъ столѣтія военнаго министерства ген.-лейт. Скалона отъ 19 апрѣля 1904 г. за № 101 съ увѣдомленіемъ о томъ, что съ разрѣшенія военнаго министра сдѣлано распоряженіе о снабженіи губернскихъ ученихъ архивныхъ комиссій полными экземплярами вышедшихъ очерковъ, каковые подлежать разсылкѣ средствами департамента общихъ дѣлъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Доложено отношение Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскому университѣтѣ отъ 25 апрѣля с. г. за № 449 съ выражениемъ благодарности за привѣтственную телеграмму по случаю столѣтней годовщины его основанія и препровожденіемъ для библиотеки Комиссіи экземпляра изданной по сему случаю „Утвержденной Грамоты объ избраніи на Московское государство Михаила Федоровича Романова“.

Постановлено: записать въ протоколь и выразить Обществу искреннюю благодарность Комиссіи за присылку этого цѣннаго изданія.

VI. Доложено письмо графа С. Д. Шереметева съ выражениемъ благодарности за избраніе его въ члены Комиссіи.

Постановлено: записать въ протоколь.

VII. Доложено отношение Тверской Ученой Архивной Комиссіи отъ 7 мая с. г. за № 300 съ увѣдомленіемъ о томъ, что съ 29 мая по 8 іюня с. г. въ г. Твери имѣютъ бытъ археологические курсы по приложенной программѣ и просябой увѣдомить, пожелаетъ ли кто-либо изъ членовъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи пожаловать на курсы.

Постановлено: благодарить за увѣдомленіе.

VIII. Доложено отношение Кутаисской казенной палаты отъ 15 апрѣля с. г. за № 8679 съ прошбой послѣдить возвращеніемъ описей архивнымъ дѣламъ Кутаисского казначейства, находящимся на разсмотрѣніи Комиссіи. При этомъ правитель дѣлъ заявилъ, что имъ, при участіи sekretаря Таврической казенной палаты г. Федюшина и члена Комиссіи М. И. Филиппова, разсмотрѣны описи пред назначеніемъ къ уничтоженію архивнымъ дѣламъ второго разряда Кутаисского казначейства съ 1881 по 1887 г. (№№ 452—836) и третьего разряда съ 1893 по 1899 г. (№№ 266—431),

при чёмъ признаны заслуживающими храненія всего двадцать четыре дѣла.

Постановлено: просить Кутаисскую казенную палату о сохраненіи означенныхъ дѣлъ, описи же возвратить по принадлежности.

IX. Правитель дѣлъ доложилъ о полученіи высланной предсѣдателемъ Бердянской уѣздной земской управы г. Шварцемъ каменной надгробной плиты съ арабской надписью XIV—XV в., при чёмъ за пересылку пришлось уплатить 8 руб. 30 коп.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и расходъ утвердить.

X. Доложено отношеніе дирекціи Херсонской общественной библіотеки отъ 11 мая с. г. за № 430 съ просящей о высылкѣ для означенной библіотеки изданій Коммиссіи.

Постановлено: выслать полный экземпляръ „Ізвѣстій“.

XI. Правитель дѣлъ доложилъ, что, въ виду продолжающейся ломки камня на плато Неаполя, онъ осмотрѣлъ эту мѣстность съ членомъ Симферопольской городской управы В. А. Ивановымъ и указалъ границы городища, въ предѣлахъ коихъ не должно быть допущено никакихъ самовольныхъ раскопокъ, при чёмъ г. Ивановъ обѣщалъ поставить вдоль этой границы особые столбы съ соотвѣтственными надписями.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XII. Въ библіотеку Коммиссіи поступили со времени послѣдняго засѣданія слѣдующія пожертвованія:

1) Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскому Университету его изданіе: „Утвержденная Грамота обѣ избраніи на Московское государство Михаила Федоровича Романова“.

2) Отъ Императорскаго Университета Св. Владимира: №№ 3 и 4 его „Ізвѣстій“ за 1904 годъ.

3) Отъ Крымскаго Горнаго Клуба № 3—4 его „Записокъ“ за 1904 г.

4) Отъ Н. И. Булычова его книги: а) Древности изъ Восточной Россіи, вып. II; б) Раскопки по части водораздѣла верхнихъ притоковъ Днѣпра и Волги 1903 г. и в) Извѣдованія нѣкоторыхъ изображеній на древнихъ русскихъ денъгахъ, вып. 1.

5) Отъ Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ: Вып. 2 его Трудовъ.

Постановлено: благодарить за означенныя пожертвованія.

Засіданіе 29-го Сентября 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Коммиссіи А. Н. Ильина присутствовали: товарищъ предсѣдателя А. В. Ивановъ, г.г. члены Коммиссіи: А. Л. Высотскій, П. В. Масловъ, као. прот. А. Г. Назаревскій, Я. В. Ратиборъ-Уличный, А. К. Романюкъ, А. И. Ружицкій, М. М. Шведовъ и правитель дѣлъ А. И. Маркевичъ.

I. По открытіи засѣданія, г. Предсѣдатель сообщилъ о кончинѣ члена Коммиссіи Алексея Александровича Уманца и пригласилъ почтить его память вставаніемъ, что и было исполнено присутствующими.

II. Доложень protоколъ засѣданія 18-го мая 1904 г.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено отношеніе Евпаторійскаго уѣзднаго полицейскаго управлениія отъ 17 мая с. г. за № 1709, съ препровожденіемъ 26 штуку перержавленныхъ монетъ, найденныхъ въ Евпаторії, въ домѣ мѣщанина Ивана Таль, рабочими въ глиняномъ кувшинѣ при раскопкѣ земли. Монеты оказались татарскими и сильно перержавленными.

Постановлено: сдать въ музей.

IV. Доложено отношеніе г. Таврическаго губернатора отъ 18 мая с. г. за № 403 съ просьбой о назначеніи представителя въ Коммиссію для разбора старыхъ дѣлъ архива Феодосійскаго уѣзднаго полицейскаго управлениія. Правитель дѣлъ доложилъ, что немедленно по полученіи этой бумаги послано увѣдомленіе г. губернатору о томъ, что представителемъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи въ означенную коммиссію назначенъ членъ ея преподаватель Феодосійской гимназіи Я. В. Ивановъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Доложено отношеніе Музея Древностей и Изыдныхъ Искусствъ Харьковскаго университета отъ 19 мая с. г. за № 297 съ просьбой о пожертвованіи для его библіотеки „Указателя сочиненій, касающихся Крыма“, А. И. Маркевича и другихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи. Правитель дѣлъ доложилъ при этомъ, что онъ выслалъ въ музей экземпляръ своего указателя сочиненій о Крымѣ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VI. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 20 мая с. г. за № 1023 съ препровожденіемъ для музея Таврической Ученой Архивной Коммис-

сії вещей изъ кургана, раскопанного въ 1902 г. близъ с. Нижнія Сѣргозы Мелитопольского уѣзда (желѣзного шлема, кольчуги, стремени, удиль и мѣднаго котелка).

Постановлено: выразить благодарность Императорской Археологической Комиссіі за пожертвование означенныхъ предметовъ древности.

VII. Доложено отношение Императорской Археологической Комиссіі отъ 21 мая с. г. за № 1060, съ препровожденiemъ для музея Комиссіі бусть, найденныхъ въ 1902 г. при раскопкѣ могильника близъ д. Аталацъ-Эли Симферопольского уѣзда.

Постановлено: выразить благодарность за присылку этихъ предметовъ для музея Комиссіі.

VIII. Доложено отношение директора С.-Петербургскаго Археологического Института отъ 3 іюня с. г. за № 280 съ просьбой о присылкѣ въ Археологический Институтъ отчетовъ о дѣятельности Комиссіі въ двухъ экземплярахъ.

Постановлено: принять къ исполненію.

IX. Доложено отношение Ставропольской казенной палаты отъ 11 іюня с. г. за № 2497б съ препровожденiemъ на разсмотрѣніе Комиссіі описи подлежащимъ уничтоженію архивнымъ дѣламъ второго разряда 2-го отдѣленія 1-го стола Палаты съ 1872 по 1874 г.

Постановлено: просить члена Комиссіі П. В. Маслова принять на себя трудъ разсмотрѣнія описанной описи.

X. Доложено письмо графа С. Д. Шереметева съ выражениемъ благодарности за присылку экземпляра „Извѣстій“ Комиссіі.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XI. Доложено отношение Таврическаго Губернскаго Правленія отъ 17 іюня с. г. за № 1325 съ увѣдомленiemъ, на основаніи циркуляра Департамента общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, о похищеніи на о. Кипрѣ древностей, составляющихъ часть найденного въ Киреніи клада, въ цѣляхъ предостереженія русскихъ музеевъ отъ покупки означенныхъ древностей, и описаніемъ означенныхъ предметовъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XII. Доложено отношение Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 20 іюля 1904 г съ просьбой о сообщеніи всѣхъ свѣдѣній, какія имѣются въ Комиссіи по вопросу о каменныхъ бабахъ. Правитель дѣлъ

при этомъ представилъ всѣ полученные Комиссіей сообщенія о мѣстахъ нахожденія каменныхъ бабъ въ предѣлахъ Таврической губерніи, и заявилъ, что списокъ каменныхъ бабъ, составленный имъ на основаніи этихъ матеріаловъ, уже отосланъ въ Императорское Московское Археологическое Общество.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и, кромѣ того, составленный правителемъ дѣлъ списокъ каменныхъ бабъ, находящихся въ предѣлахъ Таврической губерніи, приложить къ протоколу настоящаго засѣданія.

XIII. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 30 августа с. г. за № 1130 съ просьбой выслать Обществу фотографіи со всѣхъ каменныхъ бабъ, находящихся въ музѣѣ древностей Комиссіи.

Постановлено: снять фотографическіе снимки съ каменныхъ бабъ, находящихся въ музѣѣ Комиссіи, и выслать ихъ Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

XIV. Доложено отношеніе Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 30 іюля с. г. за № 15130 съ увѣдомленіемъ о препровожденіи въ Таврическую Ученую Архивную Комиссію экземпляра „Историческихъ Очерковъ столѣтія Военнаго Министерства“.

Въ виду неполученія этой посылки, *постановлено:* увѣдомить обѣь этомъ Департаментъ съ просьбой не отказать въ высылкѣ этого цѣннаго изданія.

XV. Доложено отношеніе Императорской Археологической Комиссіи отъ 10 сентября с. г. за № 1506, съ увѣдомленіемъ о двухъ древнихъ плитахъ, находящихся въ Ялтинскомъ уѣзда, на случай, если Таврическая Ученая Архивная Комиссія пожелала бы приобрѣсти ихъ для своего музея. Какъ видно изъ приложенной копіи отношенія Таврическаго губернатора отъ 22 іюня с. г. за № 1339, девять лѣтъ тому назадъ поселянинъ дер. Біюкъ-Мускомъ Алимъ Апсеутъ-оглу вблизи дер. Кучукъ-Мускомъ, Ялтинского уѣзда, нашелъ на своей землѣ, на бугрѣ, двѣ каменные плиты изъ Инкерманскаго камня; одна изъ нихъ, со сломаннымъ краемъ, безъ всякихъ надписей, находится у него подъ воротами; другая же, по словамъ очевидцевъ находки, имѣла видъ четырехгранной пирамиды высотою до $1\frac{1}{2}$ арш. съ кружкомъ на одной изъ граней и знакомъ вродѣ креста. Въ настоящее время плита эта разбита на

два куска, при чём изъ одного сдѣлано корыто для домашней птицы, а другой, обтесанный, стоитъ безъ употребленія. Остатки черепицы на мѣстѣ, откуда взяты плиты, указываютъ на бывшія тутъ нѣкогда строенія. Къ этому правительъ дѣлъ присовокупилъ, что обѣ этихъ плитахъ передавалъ ему производившій въ послѣдніе годы раскопки на южномъ берегу Крыма Н. И. Рѣпниковъ, по мнѣнію котораго эти плиты не представляютъ большого научнаго интереса. На бугрѣ же, гдѣ онъ найдены, несомнѣнно была въ древности церковь.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XVI Членъ Коммиссіи А. К. Романюкъ доложилъ о разсмотрѣнныхъ имъ слѣдующихъ описяхъ архивнымъ дѣламъ Таврическаго Губернскаго Правленія, предположеннымъ къ уничтоженію:

1) Опись дѣламъ 2 отд. 6 стола за 1819—1866 г.г. Всѣхъ дѣлъ 5885. Всѣ они касаются взысканій недонмоекъ; какъ заслуживающія храненія, отмѣчены 59 дѣлъ.

2) Опись дѣламъ 2 отд. 5 стола, съ 1828 по 1866 г.г. Всѣхъ дѣлъ 3346, представляютъ мелкую переписку. Отмѣчены, какъ заслуживающія храненія, 50 дѣлъ.

3) Опись дѣламъ 3 отд. 8 стола, съ 1804 по 1846 г.г. Всѣхъ дѣлъ 1859. Значація здѣсь дѣла касаются имущественныхъ вопросовъ, сектантства и пр. Отмѣчено къ храненію 291 дѣло.

Постановлено: благодарить А. К. Романюка за трудъ и описи возвратить въ губернское правленіе съ просьбой не довольствоваться отмѣтками члена Коммиссіи на описяхъ и предавать уничтоженію дѣла архива губернскаго правленія лишь послѣ фактическаго разсмотрѣнія ихъ въ особой комиссіи съ участіемъ члена Ученой Архивной Коммиссіи.

XVII. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи Ф. А. Шпигеля: „Учебныя заведенія Таврической губерніи во время Крымской войны, по дѣламъ архива Симферопольской гимназіи“.

Постановлено: благодарить г. Шпигеля за сообщеніе, которое напечатать въ „Ізвѣстіяхъ“ Коммиссіи.

XVIII. Правительъ дѣлъ сдѣлалъ сообщеніе: „Таврическая губернія въ эпоху Крымской войны, по дѣламъ архива канцеляріи Таврическаго губернатора“.

Постановлено: благодарить А. И. Маркевича за трудъ, который напечатать въ „Ізвѣстіяхъ“ Коммиссіи.

XIX. Членъ Коммиссії прот. Назаревскій заявилъ, что онъ въ настояще время занять разсмотрѣніемъ дѣлъ архива Таврической духовной консисторіи, касающихся Крымской войны.

Постановлено: просить о. протоіерея сдѣлать сообщеніе объ этомъ безъ сомнѣнія интересномъ материалѣ въ одномъ изъ засѣданій Коммиссіи.

XX. Г. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что старожилъ г. Симферополя М. Е. Славинскій пожертвовалъ въ Коммиссію литографированный видъ Симферополя 1856 г.

Постановлено: благодарить за пожертвованіе этого интереснаго предмета.

XXI. Правитель дѣлъ предложилъ въ члены Коммиссіи молодыхъ археологовъ, производившихъ раскопки въ Крыму: Николая Ивановича Рѣпникова и кап. артиллеріи Николая Михайловича Печенкина.

XXII. Казначей Коммиссіи А. К. Романюкъ заявилъ, что выгодно было бы суммы Коммиссіи положить на вкладъ въ Симферопольское общество взаимного кредита, оставивъ на текущемъ счету пятьсотъ рублей. Собрание согласилось съ мнѣніемъ А. К. Романюка и уполномочило его совершиТЬ эту операцию.

XXIII. Выслушавъ заявленіе правителя дѣлъ объ имѣющемся материалѣ для очередного выпуска „Ізвѣстій“ Коммиссіи, *постановили:* приступить къ печатанію № 36-го и № 37-го „Ізвѣстій“, при чемъ въ первый включить статьи В. С. Ракова, Н. И. Рѣпникова, А. К. Романюка и Ф. А. Шнигеля, Отчетъ о состояніи Коммиссіи за 1903 г. и протоколы засѣданій Коммиссіи, а во второмъ помѣстить сообщеніе А. И. Марковича: „Таврическая губернія въ эпоху Крымской войны“.

XXIV. Со временемъ послѣдняго засѣданія поступили въ библіотеку Коммиссіи слѣдующія книги и брошюры:

1) Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. Т. XX, М. 1904 г.

2) Древности восточныя. Труды восточной комиссіи Императорского Московского Археологического Общества. Т. II, вып. 3. М. 1903 г.

3) Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедиціями Императорского Московского Археологического Общества. Вып. IX. М. 1904 г.

- 4) Записки восточного отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XV, вып. VI. Спб. 1904 г.
- 5) Записки отдѣленія русской и славянской археологии Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. V, вып. 2. Спб. 1904 г.
- 6) Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Вып. 7. Спб. 1903 г.
- 7) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. XXV. Одесса, 1904 г.
- 8) Университетскія Извѣстія за апрѣль, май, іюнь и юль 1904 г. Кіевъ.
- 9) Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института. Т. I, вып. 1—2, т. II, вып. 3—4 за 1904 г.
- 10) Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. № 3 за 1904 г.
- 11) Извѣстія Общества исторіи, археологии и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ. Т. XX, вып. 1—3. Казань 1904 г.
- 12) Лѣтопись историко-филологическаго общества при Новороссийскомъ университѣтѣ. Т. X. Визант.-слав. отд. Т. VII. Одесса 1902 г.
- 13) Чтенія въ церковно-историческомъ и археологическомъ обществѣ при Кіевской духовной академіи. Вып. V. Кіевъ 1904 г.
- 14) Отчетъ церковно-исторического и археологическаго общества при Кіевской духовной академіи за 1903 г.
- 15) Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. Т. XVIII, вып. 2. Рязань, 1904 г.
- 16) Отчетъ о дѣятельности Рязанской Ученой Архивной Комиссіи за 1902 г.
- 17) Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. XII. Оренбургъ, 1903 г.
- 18) Труды Пермской Ученой Архивной Комиссіи. Т. VII. Пермь, 1904 г.
- 19) Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. 2-й.
- 20) Воронежская Старина. Вып. 4-ый. Воронежъ, 1904 г.
- 21) Записки Крымскаго Горнаго Клуба № 3—4 и № 5—6 за 1904 г.
- 22) Таврическія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 9—18 за 1904 г.
- 23) Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ Марты-

новыхъ и Слѣпцовъхъ. А. Н. Нарцова. Тамбовъ, 1904 г.
Отъ автора.

24) Историко-археологическая карта Тамбовской губерніи. Составилъ А. Н. Нарцова. 1903 г. Отъ составителя.

25) Нѣсколько словъ о дворянствѣ. А. Н. Нарцова. 1903 г. Отъ автора.

26) Проектъ программы общихъ работъ на областномъ археологическомъ съездѣ. А. Н. Нарцова. 1902 г. Отъ автора.

27) Археологическая поѣздка по Темниковскому уѣзду. А. Н. Нарцова. 1902 г. Отъ автора.

28) Древнѣйшая исторія Тамбовского края по греческимъ писателямъ. А. Н. Нарцова. 1901 г. Отъ автора.

29) Тамбовская и Козловская сторожевая черта. А. Н. Нарцова. 1901 г. Отъ автора.

30) Труды Троицкосавско-Кяхтинского отдѣленія Приамурского Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. VI, вып. 2, 1903 г.

31) Въ защиту губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссий. Л. М. Савелова. М. 1904 г. Отъ автора.

32) Родъ дворянъ Савеловыхъ. Л. М. Савелова. М. 1904 г. Отъ автора.

33) Библіографическій указатель по исторіи, геральдицѣ и родословію Россійскаго дворянства. 1-ое дополненіе. Л. М. Савелова. М. 1904 г. Отъ автора.

34) Генеалогическія рѣдкости. Л. М. Савелова. М. 1904 г. Отъ автора.

35) Українско-руські наукові курсы вакаційні 1904 р. У Львові, 1904.

36) Chronik der ukrainischen Schevczenko—Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. Jargg. 1903, Heft. VI, № 16.

37) Pamatky archaeologicke a mistopisne. D. XXI, s. II, V Praze. 1904.

38) Краткій историко-статистической очеркъ Троицко-Зеленецкаго мужскаго монастыря. Составилъ И. Ф. Токмаковъ. М. 1904 г. Отъ автора.

39) Денежный и материальный отчетъ Таврическаго епархиального свѣчного завода за 1903 г.

40) Денежный отчетъ эмеритальной кассы духовенства Таврической епархіи за 1903 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

КАМЕННЫЯ БАБЫ

въ Таврической губерніи.

Въ теченіе 1903 и 1904 г.г. Таврическая Ученая Архивная Комміссія озабочена была собраніемъ, по просьбѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, свѣдѣній о каменныхъ бабахъ, сохранившихся въ предѣлахъ Таврической губерніи. Свѣдѣній о нихъ поступило въ Комміссію довольно много, чѣмъ дана возможность составить списокъ каменныхъ бабъ въ губерніи, хотя и не совершенно полный, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ мѣстностей губерніи свѣдѣній о каменныхъ бабахъ не доставлено.

Г. Бердянскъ.

Въ г. Бердянскѣ находятся три каменныя бабы. Изъ нихъ одна принадлежитъ купцу Моисею Голобородко и стоитъ въ его саду, въ предмѣстіи города „Нѣмецкая колонія“; она изображаетъ фигуру мужчины $1\frac{1}{2}$ арш. выс. и $\frac{3}{4}$ арш. толщ. Остальныя двѣ находятся въ городскомъ саду и принадлежать мѣстному городскому общественному управлѣнію. Одна изъ нихъ, 2 арш. 2 верш. выс. и $\frac{3}{4}$ арш. толщ., представляетъ женщину, съ головнымъ уборомъ въ видѣ чалмы, выпуклою грудью и руками, скрещенными на талии. Другая изображаетъ фигуру мужчины съ головнымъ уборомъ вродѣ каски и руками, скрещенными на груди. Всѣ эти бабы вкопаны въ землю приблизительно на 1 арш. Свѣдѣній о томъ, откуда и когда они привезены въ городъ, не имѣется.

Бердянскій уѣздъ.

Г. Ногайскъ.

Въ Ногайской городской управѣ находится каменная баба $3\frac{1}{4}$ арш. выс. Женская фигура со сложенными на животѣ руками. Откуда доставлена, никто не помнить.

У мѣщанина Карпа Ефанова каменная баба $1\frac{1}{2}$ арш. выс. Женская фигура. Привезена изъ Екатеринославской губерніи.

У мѣщанина Семена Шошацкаго каменная баба $2\frac{1}{2}$ арш.

вып. Женская фигура со сложенными на животъ руками, въ колпакѣ и съ ожерельемъ на шеѣ. Откуда доставлена, неизвѣстно.

С. Обиточное, Преславской волости.

У крестьянина Петра Сухарева каменная баба 2 арш. выс. Женская фигура со сложенными на животъ руками. Добыта предками вблизи села.

У крестьянина Трофима Гиренка каменная баба 2 арш. 4 вер. выс. Женская фигура со сложенными на животъ руками. Добыта вблизи села въ 1840 г.

У крестьянина Савелія Сиващенка каменная баба 4 арш. выс. Мужская фигура съ опущенными руками. Добыта вблизи села.

У него-же каменная баба 3 арш. выс. Женская фигура съ опущенными руками. Добыта вблизи села.

С. Ново-Павловка, Дмитріевской волости.

У крестьянина Максима Крота каменная баба 2 арш. 4 верш. выс. Женская фигура со сложенными на животъ руками. Гдѣ добыта, неизвѣстно.

У крестьянина Федора Тимца каменная баба 2 арш. 12 верш. выс. Подобного типа. Куплена въ 1881 г. въ с. Берестовомъ Бердянского уѣзда.

У крестьянина Петра Гонтаря каменная баба 2 арш. 8 верш. Мужская фигура. Гдѣ добыта, неизвѣстно.

У крестьянина Георгія Варѣева каменная баба 2 арш. 8 верш. выс. Такого-же типа. Откуда доставлена, неизвѣстно.

С. Дмитріевка, Дмитріевской волости.

У крестьянки Улиты Кузьменко каменная баба 2 арш. 8 верш. выс. Женская фигура. Гдѣ добыта, какъ и всѣ послѣдующія, неизвѣстно.

У крестьянина Максима Волкова каменная баба 3 арш. выс. Женская фигура.

С. Елисѣевка, Романовской волости.

У крестьянина Прохора Власова Бурдука каменная баба 2 арш. 4 верш. выс. Женская фигура.

У крестьянина Ефима Пархоменка двѣ каменные бабы по 2 арш. выс., обѣ фигуры мужскія.

С. Поповка, Романовской волости.

У крестьянина Михаила Пышняка каменная баба 3 арш. выс. Мужская фигура со сложенными на животъ руками.

У крестьянина Демьяна Семенько каменная баба 3 арш. выс., представляетъ женскую фигуру со сложенными на животъ руками.

У крестьянина Василія Падалки двѣ каменные бабы по 3 арш. 1 вер. выс.

У крестьянина Арсенія Скорохода.

У крестьянина Николая Кузьменка.

У крестьянина Петра Свѣжинка.

У крестьянина Романа Ищенка.

У крестьянина Павла Сиптура.

У крестьянина Павла Вакала.

У крестьянина Николая Коломійца.

У крестьянина Андрея Вонярха.

и принадлежащая обществу с. Поповки.

Того-же типа, съ

небольшою раз-

ницей въ высотѣ

С. Берестовое, Романовской волости.

У крестьянина Ивана Сахно каменная баба 2 арш. 12 в. выс. Женская фигура со сложенными на животъ руками.

У крестьянина Григорія Телицы.

У крестьянина Ивана Орла двѣ каменные бабы, 3-хъ и 2-хъ арш. выс.

Сходнаготипа, съ

У крестьянина Михаила Онищенка.

нѣкоторою раз-

У крестьянина Якова Найденка.

ницею въ высотѣ.

У крестьянина Петра Костыря.

У крестьянина Лаврентія Димченка.

У крестьянина Ивана Андросенка каменная баба 2^{1/2} арш. выс. Мужская фигура.

У крестьянина Евсѣя Малика каменная баба 2 арш. 3 верш. выс. Женская фигура.

У крестьянина Григорія Калениченка каменная баба 3 арш. 12 в. выс. Женская фигура.

У крестьянина Якова Михайленка каменная баба 3 арш. выс. Женская фигура.

У крестьянина Аристарха Юрченка каменная баба 2 арш. 1 в. Женская фигура.

У крестьянина Петра Литвиха каменная баба 2 арш. 4 верш. выс. Мужская фигура.

С. Николаевка, Романовской волости.

У крестьянина Сергея Цавыдова Антоненка каменная баба 3 арш. 2 в. выс. Мужская фигура.

У крестьянина Ивана Курлика каменная баба 2 $\frac{1}{2}$ арш. Женская фигура со сложенными на животъ руками.

У крестьянина Малахия Захарченка каменная баба 3 арш. выс. Мужская фигура, со сложенными спереди руками.

У крестьянина Сергея Акимова Антоненка каменная баба 1 $\frac{3}{4}$ арш. выс. Женская фигура. Подобного типа.

У крестьянина Акима Павленка каменная баба 3 арш. выс. Мужская фигура, подобного типа.

У крестьянина Нестора Погорылка каменная баба 2 $\frac{3}{4}$ арш. выс. Мужская фигура, подобного типа.

У кр. Андрея Щербаня к. б. 2 $\frac{1}{2}$ арш. выс. Женскія

У кр. Леонтия Коваленко к. б. 2 $\frac{1}{4}$ арш. выс. | фигуры, со

У кр. Ивана Захарченка к. б. 3 арш. выс. | сложенны-

У кр. Ивана Манойленка к. б. 3 арш. выс. | минаживо-

У кр. Вареоломея Браилка к. б. 3 арш. выс. | ть руками.

С. Андреевка, Романовской волости.

У крестьянки Прасковьи Кривченко. Женскія фигуры,

У крестьянина Нестора Кицая. | со сложенными на

У крестьянина Ивана Терновского 2. | животъ руками.

У крестьянина Ивана Ященка 2. |

У крестьянина Максима Бойко. Мужскія фигуры,

У крестьянина Зиновія Трегубенка. | подобного же

У крестьянина Ивана Майбороды. | типа.

У крестьянина Фотія Мищенка. |

С. Астраханка, Ново-Васильевской волости.

У крестьянина Ивана Сизова каменная баба 2 $\frac{1}{2}$ арш. выс. Женская фигура со сложенными на животъ руками.

С. Ново-Васильевка, Ново-Васильевской волости.

У крестьянина Михаила Козакова к. б. 1 $\frac{1}{2}$ арш. выс. Женская фигура, со сложенными на животъ руками.

У крестьянина Степана Курочкина к. б. 1 арш. выс. Женская фигура, со сложенными на животъ руками.

Экономія Классена, Вознесенской волости.

У поселянина Генриха Классена двѣ каменные бабы, около 2 арш. выс. Того-же типа.

С. Орловка, Преславской волости.

У крестьянина Ерофея Черкасова каменная баба $1\frac{1}{2}$ арш. выс. Женская фигура со сложенными на животъ руками.

С. Александровка, Преславской волости.

У крестьянина Захарія Куліка каменная баба 2 арш. 11 верш. выс. Женская фигура съ опущенными руками.

С. Почровка, Преславской волости.

У крестьянина Матв'я Васильева каменная баба 1 арш. выс. Женская фигура, безъ руку.

С. Вознесенка, Преславской волости.

У крестьянина Архипа Смолы каменная баба $1\frac{3}{4}$ арш. выс. Женская фигура, со сложенными на животъ руками.

Мѣстечко Большой Токмакъ.

Причту Успенской церкви принадлежитъ каменная баба $2\frac{1}{4}$ арш. выс., представляющая мужскую фигуру.

Въ этомъ-же мѣстечкѣ находятся еще нѣсколько каменныхъ бабъ, но разбитыхъ и изуродованныхъ крестьянами.

Хуторъ Ильченковъ, Сладко-Балковской волости.

У крестьянина Семена Чайки. Фигуры монгольского типа; выс. $2\frac{1}{2}$ арш.;
У крестьянина Алексія Чайки. | очертанія не вполнѣ
У крестьянина Якова Тараненка. | хорошо сохранились.
У крестьянина Филиппа Мельника.

С. Сладкая-Балка, Сладко-Балковской волости.

У крестьянина Макара Безручка. Фигура восточного типа, $2\frac{1}{2}$ арш. выс. Плохо сохранилась.

С. Черниговка, Сладко-Балковской волости.

У крестьянина Федора Савельева каменная баба 2 арш. выс. Женская фигура.

У крестьянина Карпа Ульяненка каменная баба 2 арш. 11 верш. выс. Женская фигура.

С. Гальбштадтъ, Сладко-Балковской волости.

У поселенки Гертруды Фризенъ каменная баба 2 арш. выс. Фигура мужского пола.

С. Очеретоватое, Ново-Михайловской волости.

- У кр. Ивана Злыденного 2 к. б., по $2\frac{3}{4}$ арил. выс.
У кр. Андрея Ивченка к. б. 2 арил. 5 верш. Женскія
У кр. Петра Волошина к. б. 2 арил. 7 верш.
У кр. Исидора Саввина к. б. 3 арил. выс.
У кр. Василия Ивченка к. б. 2 арил. 2 в. выс. фигуры.
У кр. Абрама Костюка к. б. 2 арил. 11 верш.
У крестьянина Терентія Саввона 4 к. б. по $2\frac{3}{4}$ арил.
выс., двѣ женскія фигуры и двѣ мужскія.
У крестьянина Григорія Юрченка каменная баба 2 арил.
выс. Женская фигура.
У кр. Ивана Саввона 2 кам. б. 2 арил. выс. Мужскія
фигуры.
У кр. Дмитрія Мороза 2 арил. 6 верш.
У кр. Григорія Саввона 1 арил. 7 верш. Женскія
У кр. Николая Саввона 2 арил. фигуры.

С. Гросвейде, Гнаденфельдской волости.

- У поселянина Йогана Валла каменная баба $3\frac{1}{4}$ верш.
выс. Женская фигура.

С. Паства, Гнаденфельдской волости.

- У поселянина Корнеліуса Мартенса каменная баба $3\frac{3}{4}$
арш. выс. Женская фигура.
У поселянина Якоба Дика $2\frac{1}{2}$ арил. выс. Мужская
фигура.

С. Руднервейде, Гнаденфельдской волости.

- У поселянина Давида Левена каменная баба $2\frac{1}{2}$ арил.
выс. Женская фигура.

- У поселянина Якоба Беккера каменная баба $2\frac{1}{2}$ арил.
выс. Женская фигура.

С. Горденау, Гнаденфельдской волости.

- У поселянина Даніила Янцена каменная баба 3 арил.
выс. Мужская фигура.

- У поселянина Давида Гильдебрандта каменная баба
3 арил. выс. Мужская фигура.

С. Штейнфельдъ, Гнаденфельдской волости.

- У поселянина Гергарда Винса каменная баба $3\frac{3}{4}$ арил.
выс. Женская фигура.

С. Моргенау Гнаденфельдской волости.

У поселянки Марії Регеръ каменная баба 2 арш. выс. Фигура мужского пола. Найдена при распашкѣ земли вблизи села.

Г. Орѣховъ.

У мѣщанки Марії Ященко каменная баба $2\frac{3}{4}$ арш. выс. Женская фигура; найдена въ степи близъ города.

С. Бѣлицкое, Гнаденфельдской волости.

У кр. Дмитрія Кириленка.	Женскія фигуры, почти всѣ 2 арш. 3 в. выс., многія очень плохой со- хранности.
У кр. Ивана Кириленка.	
У кр. Іосифа Степаненка.	
У крестьянки Евфросинія Лихоманъ 2.	
У кр. Поликарпа Гавриленка.	
У кр. Андрея Дѣдока.	
У кр. јомы Лихомана.	
У кр. Ивана Бутенка б.	
У кр. Максима Гавриленка 3.	
У кр. Ивана Гавриленка 2.	

У кр. Аѳанасія Отиска 2.
У кр. Даніила Чудновца.
У кр. Давида Горбаня.

Большое количество каменныхъ бабъ въ селѣ Бѣлицкомъ и порода камня въ этой мѣстности дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, не было-ли здѣсь въ древности фабрики каменныхъ бабъ.

С. Дѣвненское, Покровской волости.

У кр. Константина Чепеленка каменная баба $2\frac{3}{4}$ арш. выс., найдена имъ 23 апрѣля с. г. въ курганѣ, на его землѣ; представляетъ женскую фигуру монгольского типа въ широкой шляпѣ; въ ушахъ круглые большия кольца. Вся фигура испещрена узорами и очень хорошо сохранилась.

Днѣпровскій уѣздъ.

Двѣ каменные бабы находятся въ экономіи Асканія Нова Ф. Э. Фальцъ-Фейна; привезены лѣтъ 30 тому назадъ изъ побережья Днѣпра. Одна представляетъ фигуру мужчины-воина, $2\frac{1}{2}$ арш. выс., $1\frac{1}{2}$ арш. шир. въ плечахъ, въ конусообразной шапкѣ и съ едва замѣтной высѣчкой боев-

выхъ доспѣховъ; другая баба, выс. $1\frac{1}{2}$ арш., шир. 5 верш., представляетъ фигуру женщины съ непокрытой головой и выпуклой грудью.

Одна каменная баба находится въ с. Вознесенкѣ, Гримовской волости, у крестьянина Саввы Добровольского, имѣеть фигуру мужчины-воина съ малозамѣтной настѣнкой пояса и тесака. Выс. 3 арш., шир. 10 верш. По словамъ Добровольского, найдена лѣтъ 6 тому назадъ въ степи, вблизи с. Вознесенки во время раскопки кургана.

На землѣ губернского предводителя дворянства С. Б. Скадовскаго, въ мѣстности, наз. „Черный подъ“, находится каменная баба, изображающая женскую фигуру съ непокрытой головой и опущенными руками, грубообработанная.

Въ с. Каирѣ имѣется каменная баба у крестьянина Онуфрія Шостакова. Въ с. Горностаевкѣ у крестьянина Андрея Пивня, безъ головы. Обѣ добыты вблизи этихъ селеній. Въ с. Завидовкѣ также находится каменная баба, но безъ головы, со сложенными на животѣ руками. Въ 4-хъ верстахъ отъ с. Каирь, на хуторѣ Бѣла, на заборѣ находится голова каменной бабы женского типа; волосы вѣются кудрями; шапка съ крестообразною накладкою; оторочка съ елочнымъ орнаментомъ. Хорошо сохранилась.

Мелитопольскій уѣздъ.

Въ с. Рубановкѣ находится каменная баба во дворѣ купца Григорія Литинскаго. Выс. 3 арш., шир. 1 арш. Хорошо сохранилась.

Въ с. Веселомъ, у крестьянина Ефима Швидкаго, каменная баба 2 арш. 2 в. выс., 10 в. шир.; женская фигура съ руками, заложенными за поясъ.

У землевладѣльца Тимофея Харптоновича Захарова (въ 1 станѣ) каменная баба $3\frac{1}{2}$ арш. выс., представляющая женскую фигуру.

Въ имѣніи М. М. Иваненка, при с. Благовѣщенкѣ, находятся 8 каменныхъ бабъ, изъ коихъ три мужскаго типа, три женскаго, а остальные двѣ плохой сохранности. Всѣ бабы въ шапкахъ, при чѣмъ на женскихъ шапки съ полями; у двухъ головы отбиты на половину. У всѣхъ руки сложены на животѣ. Всѣ эти бабы привезены, какъ говорятъ старожилы, изъ Екатеринославской губерніи.

Въ с. Орлянскѣ, у крестьянина Пантелеимона Моковца,

каменная баба, мужского типа, плохой сохранности, съ истерттымъ лицомъ и отбитымъ носомъ.

На землѣ Нижне-Рогачинского сельского общества каменная баба съ отбитой головой и руками, сильно поврежденная.

Въ имѣніи Великаго Князя Михаила Николаевича каменная баба мужского типа, съ отбитыми лѣвой рукой, грудью и плечомъ и частью головы свади. Статуя изображаетъ воина; у пояса съ лѣвой стороны колчанъ со стрѣлами и мелкое оружіе.

Въ с. Верхнемъ-Рогачикѣ, у крестьянина Ивана Ищенка, двѣ каменные бабы мужского типа, сильно поврежденныя.

У крестьянина Захара Бездомнаго тоже двѣ каменные бабы, женского типа, съ высячими грудями и ожерельемъ на шеѣ; обѣ перебиты пополамъ и безъ рукъ. Обѣ сняты болѣе 20 лѣтъ тому назадъ съ кургана близъ села.

Въ с. Зеленомъ, у крестьянина Петра Тригубы, каменная баба, изображающая женскую фигуру восточного типа, въ шапочкѣ; свади три косы. 6 лѣтъ тому назадъ снята съ кургана.

У крестьянина Моисея Терещенка каменная баба того же типа, поврежденная. Стояла раньше въ степи на курганѣ.

Въ имѣніи Ю. В. Попова Васильевкѣ имѣется нѣсколько каменныхъ бабъ.

Въ 4 станѣ Мелитопольскаго уѣзда имѣются каменные бабы:

У крестьянина Никифора Донченка женская фигура, со сложенными на животѣ руками.

У крестьянина Онисима Вайло 2 каменные бабы того же типа, съ высѣченными знаками въ видѣ буквъ.

У крестьянина Трофима Павличенка каменная баба женского типа, въ шапочкѣ и съ ожерельемъ на шеѣ.

У кр. Григорія Шевченка 2 к. б. женского типа.

У крестьянина Василія Шевченка. Женская фигура.

У кр. Константина Харченка. Женская фигура.

У кр. Ивана Калатинка к. б. мужского типа.

У кр. Петра Николаева. Женская фигура.

У кр. Саввы Середы. Женская фигура.

У кр. Ивана Буцкаго. Мужская фигура.

У крестьянина Ларіона Сергіенка. Женская фигура, будто-бы привезена изъ Крыма.

У кр. Семена Сергіенка. Мужская фигура.

У кр. Ивана Безсонова 3 к. б., двѣ мужскаго и одна женскаго типа.

У кр. Ивана Коршикова. Женская фигура.

У кр. Андрея Важничаго. Представляетъ просто каменную глыбу, безъ фигуры.

У кр. Исидора Наконечнаго. Мужскаго типа. На лѣвой руцѣ высѣченъ какой-то знакъ.

У крестьянки Агріпинны Сивоненко 2 к. б., мужскаго и женскаго типа. На правомъ боку одной изъ нихъ высѣченъ знакъ.

У кр. Антона Силивки к. б. женскаго типа, съ отбитой головой. По бокамъ во всю длину елочный орнаментъ. На затылкѣ, плечахъ и спинѣ какіе-то знаки.

У кр. Венифатія Бакуша к. б. мужскаго типа.

У кр. Якова Проскурина к. б. женскаго типа.

Г. Перекопъ.

Въ г. Перекопѣ, на бульварѣ, находятся двѣ каменные бабы, выс. 2 арш. 2 в., шир. 1 арш., спереди полукруглые, сзади плоскія. Одна изображаетъ мужскую фигуру, другая женскую. Откуда добыты, неизвѣстно.

Симферополь.

Въ музѣй древностей Таврической Ученой Архивной Коммиссіи находятся три каменные бабы:

1) Каменная баба найдена въ окрестностяхъ Бахчисарая. Фигура женская, съ висячими грудями. Въ рукахъ, сложенныхъ на животѣ, „каптарга“.

2) Каменная баба, привезенная изъ им. Аликечъ, въ 10 верст. отъ ст. Сентлеръ, Феодосійскаго уѣзда. Безъ головы. Въ рукахъ, сложенныхъ на животѣ, „каптарга“.

3) Каменная баба найдена въ курганѣ близъ хутора Ново-Васильевки (Агаржанъ-Куя) Днѣпровскаго уѣзда. Представляетъ мужскую фигуру съ копьемъ и лукомъ. На рукахъ елочный орнаментъ. На задней сторонѣ изображеніе собаки и зайца. Въ рукахъ, сложенныхъ на животѣ, „каптарга“.

Въ музѣй Симферопольской гимназіи кам. баба, представляющая женскую фигуру. Откуда добыта, неизвѣстно.

Г. Евпаторія.

Во дворѣ домовладѣльца г. Евпаторіи Карагоза, гдѣ

прежде помѣщалось полицейское управление, находится каменная баба, доставленная въ полицейское управление изъ Евпаторійскаго уѣзда. Баба разбита на девять части вдоль сложенныхъ на животъ рукъ. Голова съ лицевой стороны испорчена, покрыта круглой шапкой, нѣсколько удлиненной формы, съ нашитой какъ-бы тесьмой или позументомъ по краю и крестообразно черезъ верхушку. Сзади головы висятъ три косы до пояса. Вокругъ шеи и на плечахъ также видна тесьма или позументъ. Грудь сдѣлана выпуклой. Одежда длинная съ нашивкой по краямъ. Ниже платья короткия ножки безъ ступней. Камень, повидимому, мѣстнаго происхожденія. Размѣръ бабы 144 сант. въ длину и 48 сант. въ плечахъ.

Евпаторійскій уѣздъ.

Въ 1895 г. въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, Коджабакской волости, въ двухъ верстахъ отъ деревни Мурзабекъ, на землѣ потомственнаго почетнаго гражданина Сеидъ-Халиль Копарія, найдена была каменная баба съ ясно выраженнымъ женскимъ лицомъ монгольского типа, изъ мѣстнаго известняка, въ круглой конусообразной шапкѣ, ожерельемъ на шеѣ и сложенными на животъ руками, придерживающими „каптаргу“. Баба эта владѣльцемъ снова закопана въ землю.

Въ Херсонесскомъ музѣѣ древностей имѣется каменная баба, женскаго типа, со сложенными на животъ руками, въ которыхъ „каптарга“. Доставлена, кажется, изъ Евпаторійскаго уѣзда.

Засѣданіе 18-го Октября 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Коммиссіи А. Н. Ильина присутствовали: Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графиня П. С. Уварова, товарищъ предсѣдателя Коммиссіи А. В. Ивановъ, г.г. члены: А. Л. Высотскій, А. Я. Гидалевичъ, Г. Я. Есиповичъ, Р. Г. Касабовъ, П. В. Масловъ, каѳедральный протоіерей А. Г. Назаревскій. А. К. Романюкъ, А. И. Ружицкій, М. М. Шведовъ, Ф. М. Шлее и правитель дѣлъ А. И. Маркевичъ.

I. Открывъ засѣданіе, г. Предсѣдатель Коммиссіи обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой высказа-

заль, что настоящес засѣданіе вызвано особымъ случаемъ, именно посѣщеніемъ Комиссіи и ея музея древностей почетнымъ гостемъ, графиней П. С. Уваровой. Указавъ далѣе, что съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ, прошло со времени производства покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ археологическихъ разысканій въ Крыму и въ частности въ Симферополѣ, на мѣстѣ древняго Неаполиса, А. Н. Ильинъ охарактеризовалъ неустанную, высокоплодотворную дѣятельность графини П. С. Уваровой на поприщѣ русской археологии, сказавшуюся и въ нынѣшнемъ ея пріѣздѣ въ Крымъ съ цѣллю обслѣдовать древности Херсониса, а попутно познакомиться съ музеемъ нашей Архивной Комиссіи. Рѣчь свою А. Н. Ильинъ окончилъ обращеніемъ къ графинѣ П. С. Уваровой, въ которомъ благодарили ее за вниманіе къ ученымъ архивнымъ комиссіямъ и отъ лица всѣхъ присутствующихъ просилъ ее принять званіе почетнаго члена Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

Графиня П. С. Уварова въ отвѣтномъ словѣ благодарила за оказанное ей вниманіе и заявила, что постарается быть полезной Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

II. Правитель дѣлъ доложилъ протоколъ засѣданія 19-го сентября 1904 г.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 29 сентября 1904 года за № 1276 съ выраженіемъ благодарности за присылку списка каменныхъ бабъ, находящихся въ предѣлахъ Таврической губерніи, и просьбой о содѣйствіи Комиссіи къ снятію фотографическихъ снимковъ со всѣхъ болѣе интересныхъ изъ нихъ. Къ этому графиня П. С. Уварова присовокупила, что она желала бы организовать весной 1905 года поїздку по тремъ сѣвернымъ уѣздамъ губерніи, Бердянскому, Мелитопольскому и Днѣпровскому, въ районѣ которыхъ находится болѣе всего каменныхъ бабъ, для снятія съ нихъ фотографическихъ снимковъ, и просила кого-либо изъ членовъ Комиссіи взять на себя этотъ трудъ. Исполненіе этого предпріятія взялъ на себя членъ Комиссіи А. И. Ружицкій.

Постановлено: содѣйствовать А. И. Ружицкому въ исполненіе взятаго имъ на себя труда.

IV. Правитель дѣлъ доложилъ письмо къ нему преподавателя Евпаторійской гимназіи Г. Х. Боджіева съ опи-

санісмъ каменної бабы, находящейся въ г. Евпаторії, во дворѣ домовладѣльца Каракоза, и увѣдомленіемъ о найденыхъ въ Евпаторії, на дачѣ Ламброва, древностей: очень красивой работы и формы древнихъ сосудовъ и желѣзного кольца съ печатью.

Постановлено: благодарить г. Бояджіева за сообщеніе этихъ свѣдѣній и обратиться къ г. Ламброву съ просьбой о передачѣ найденныхъ на его дачѣ предметовъ древности въ музей Комиссіи.

V. Доложено слѣдующее сообщеніе Н. М. Печенкина: „Въ Таушанъ-Базарской шоссейной казармѣ, у сторожа, имѣются двѣ большія чугунныя плиты, служащія для хозяйственныхъ надобностей въ кладовой. Обѣ одинакового размѣра, около $1\frac{1}{2}$ арш. длины и 1 арш. ширины. Обѣ довольно изоржавлены. На первой надпись:

„Повелѣніемъ Александра I-го
дорога сія изъ Симферополя до Алупкы
черезъ хребетъ Эйлы начата
въ 1824 г., устроена въ царствованіе
Императора Николая I-го
1826 г. при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ
генераль-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ
и гражданскомъ губернаторѣ Нарыш-
кинѣ подполковникомъ Шилиловымъ.“.

На второй надпись курсивомъ:

„Дорогу сію работали 2 баталіона Козловскаго и Нашембургскаго полковъ“.

Обѣ эти плиты попали въ сторожку съ перевала.

Были еще, говорятъ, двѣ подобныя плиты съ надписями, но украдены татарами.

Въ томъ-же Таушанъ-Базарѣ находится каменная часовня, на дверяхъ которой прикреплена чугунная доска съ надписью:

1-го Конно-піонерскаго
дивизіона 1-ый эскадронъ.
Лѣто и зимовка
съ 1855 по 1856 годъ.

Въ самой часовнѣ на полу мраморная плита съ такою же надписью; разбита на 4 части.

Бывшая въ часовнѣ икона взята священникомъ въ церкви въ им. Тавель“.

По выслушаніи этого сообщенія, правитель дѣлть замѣтилъ, что описанные г. Печенкины мѣста таушань-базарскіе плиты представляютъ особый интересъ, такъ какъ, судя по содержанію имѣющихся на нихъ надписей, сняты съ памятника, находящагося на перевалѣ, вблизи Таушань-Базара, и воздвигнутаго, по словамъ Кондраки, въ память проѣзда на южный берегъ императора Александра I-го въ 1818 г. и сдѣланнаго тогда повелѣнія о проведеніи почтовой дороги. Все воложскій въ своемъ „Путешествіи черезъ южную Россію, Крымъ и проч.“ въ 1836 году видѣлъ на обелискеъ надпись, которую передаетъ почти такими-же словами, какія изображены на первой чугунной плитѣ, находящейся въ таушанбазарской казармѣ. Въ настоящее время плиты съ надписями на памятникѣ нѣтъ; ихъ не было уже въ 1890 г., до реставраціи памятника, какъ видно изъ указанія въ „Третьей учебной экскурсіи Симферопольской гимназіи“, стр. 212. А. К. Романюкъ сдѣлалъ указаніе, что подобного содержанія надпись имѣется и на южномъ берегу Крыма, въ память проведенія южнобережскаго шоссе и съ упоминаніемъ, какія воинскія части работали при его сооруженіи.

Постановлено: просить г. Таврическаго губернатора сдѣлать распоряженіе о доставленіи означенныхъ чугунныхъ плитъ въ Симферополь и передачѣ ихъ въ музей Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

VI. Доложена препровожденная въ Комиссію статья В. Н. Смирнова: „Изъ воспоминаній о Крымской войнѣ“. По заслушаніи ея, *постановлено:* благодарить В. Н. Смирнова за сообщеніе, которое, съ сокращеніями, напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Комиссіи.

VII. Н. В. Масловъ сдѣлалъ сообщеніе о разсмотрѣнной имъ описи 6190 дѣламъ 2-го разряда Ставропольской казенной палаты за 1872—1878 г.г., препровожденной на разсмотрѣніе и заключеніе Таврической Ученой Архивной Комиссіи. Всѣ эти дѣла касаются приписки къ купеческимъ и мѣщанскимъ обществамъ разныхъ городовъ Ставропольской губерніи, а также перечисленія крестьянъ изъ одного села въ другое. Хотя дѣла эти не имѣютъ значенія ни въ историческомъ, ни въ бытовомъ отношеніи, но, какъ замѣтилъ А. К. Романюкъ, они могутъ имѣть значеніе для опредѣленія движенія населенія, заселенія края и при решеніи имущественныхъ вопросовъ. Согласившись съ мнѣ-

ніемъ А. К. Романюка, постановили: возвратить означенную
ониць по принадлежности и просить Ставропольскую ка-
зенную палату о сохраненіи этихъ дѣлъ въ палатѣ, съ
перечисленiemъ ихъ въ первый разрядъ.

VIII. Избраны въ члены Коммиссіи лица, предложенные
въ предыдущемъ засѣданіи: Николай Ивановичъ Рѣпниковъ
и Николай Михайловичъ Печенкинъ.

IX. Со времени послѣдняго засѣданія поступили въ
библіотеку Коммиссіи слѣдующія книги и брошюры:

1) Отъ Костромской Ученой Архивной Коммиссіи:
Журналы ся засѣданій за 1903 г.

2) Отъ редакціи Таврическихъ Епархіальныxъ Вѣдомо-
стей № 19—20 за 1904 г.

3) Отъ директора Симферопольской гимназіи: Первая,
вторая и третья экскурсіи Симферопольской мужской гим-
назіи.

4) Отъ члена Коммиссіи В. В. Шкорнила: „Отчетъ объ
археологическихъ раскопкахъ въ Керчи и его окрестно-
стяхъ“ въ 1902 году.

5) Отъ П. С. Щербины: „Исторические разсказы о Кры-
мѣ“ Уманца.

6) Отъ А. И. Маркевича: Barthelemy: Nouveau manuel com-
plet de Numismatique ancienne. Atlas.

Постановлено: благодарить за пожертвованіе этихъ книгъ
въ библіотеку Коммиссіи.

8530.

